

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

На правах рукописи

Ильина Дарья Владимировна

**АРГУМЕНТАЦИЯ И РЕФЕРЕНЦИЯ КАК НЕПРЯМЫЕ СПОСОБЫ
ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ АВТОРА К АДРЕСАТУ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент Игорь Ефимович Ким

Новосибирск – 2023

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. ВОПРОСЫ ПРАГМАТИКИ И СЕМАНТИКИ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	17
1. Научно-популярная статья как объект лингвистического описания	17
1.1. Научно-популярный стиль. Стилистические особенности научно- популярной статьи	18
1.2. Условия научно-популярной коммуникации в дискурсивных исследованиях	25
1.3. Научно-популярная статья в теории речевых жанров	27
1.4. Участники научно-популярной коммуникации с позиций теории речевых актов	28
1.5. Научно-популярная коммуникация как сфера общения.....	29
2. Теория аргументации в риторике и аргументативной лингвистике	39
2.1. Философские основания изучения аргументации как убеждения аудитории в приемлемости точки зрения автора	40
2.2. Когнитивные основания и языковые средства аргументации в лингвистических теориях.....	47
3. Субъектная организация и репрезентация участников коммуникации в тексте. Субъектная организация научно-популярной лингвистической статьи	58
3.1. Субъектная организация текста в исследованиях поэтики и нарратива....	60
3.2. Субъектная организация текста и синтаксическая семантика	65
4. Теория референции и ее отношение к субъектной организации текста.....	73
4.1. Основные понятия теории референции. Типы референции	73
4.2. Кореферентность и другие референтные отношения	81
4.3. Референция языковых выражений, обозначающих множества	83
Выводы	88

Глава 2. АРГУМЕНТАТИВНЫЙ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ АВТОРА К АДРЕСАТУ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ.....	91
1. Характеристика источников и материала исследования.....	91
2. Аргументативные схемы и их устойчивые сочетания в научно-популярной лингвистической статье	107
2.1. Виды аргументов, используемых в научно-популярной статье	107
2.2. Средства выражения аргументативных схем и их элементов.....	120
2.3. Конфликтная (полемиическая) аргументация в научно-популярной статье	125
2.3.1. Полемика между носителем научного и носителем наивного представления о языке.....	126
2.3.2. Полемика специалистов	131
2.3.3. Столкновение точек зрения носителей языка.....	133
2.3.4. Автополемика.....	135
2.3.5. Полемика между специалистом-нелокутором и автором-журналистом	136
3. Референциальный аспект отношения автора к адресату научно-популярной лингвистической статьи	139
3.1. Языковые выражения для обозначения лиц и их классификация	140
3.2. Распределение языковых выражений, обозначающих лиц и их множества, между научно-популярными лингвистическими статьями разных типов авторов	152
3.3. Референциальные статусы языковых выражений со значением лиц и множеств лиц в научно-популярной лингвистической статье	156
Выводы	189
Заключение	192
Список сокращений и условных обозначений.....	200
Список литературы	201
Список источников	221

Перечень иллюстративного материала	227
Приложение А Перечень аргументативных схем с примерами их реализации ...	229
Приложение Б Распределение научно-популярных статей в соответствии с типом автора	243
Приложение В Языковые средства выражения схем аргументов и их элементов в научно-популярных лингвистических текстах	245

Введение

Данная диссертация посвящена способам репрезентации отношения автора к адресату в научно-популярной (далее – НП-) статье лингвистической тематики. Под отношением автора к адресату мы понимаем реконструкцию образа адресата, которую производит автор, и основанное на ней установление взаимодействия с адресатом, опосредованного текстом.

Актуальность изучения современной НП-литературы связана с необходимостью осознания ее нынешней роли в российской общественно-языковой практике после того, как начиная с 1990-х гг. она потеряла в общественном сознании статус единственно достоверного источника знаний для людей, не связанных с наукой (либо с той отдельной областью науки, о которой идет речь в конкретном тексте). Последнее обусловлено целым рядом факторов, наиболее важными из них являются разрушение государственного контроля над содержанием транслируемого в общество знания, активизация мистических и псевдонаучных идей и концепций, активно конкурирующих с научными представлениями за право быть основой массового мировоззрения.

Выбор аспектов исследования – аргументации и референции – связан с основными функционально-смысловыми типами речи [Нечаева, 1974], используемыми в тексте НП-статьи, – рассуждением и повествованием. НП-статья представляет собой соединение произвольно перемежающихся частей, содержащих рассуждение и повествование. Во фрагментах-рассуждениях отношение автора к адресату репрезентируется прежде всего используемой автором аргументацией [Купина, Матвеева, 2013; Волкова, Мишланов, Салимовский, 2019] с отбором предпочитаемых им способов доказательства, демонстрирующих гносеологические ценности автора и читателя (так, как их представляет себе автор), а также полемическими фрагментами, содержащими умозрительную дискуссию автора с потенциальным оппонентом, который чаще всего реконструируется как типичный читатель-дилетант. В повествовательных фрагментах отношение автора к адресату НП-статьи можно обнаружить в субъектной организации текста [Корман, 1992а], понимаемой в теории

нарратива как соотнесенность текста с субъектами речи, то есть любыми субъектами, от лица которых ведется изложение. В фокус нашего исследования входит та часть субъектной организации НП-текста, в которой противопоставлены или сосуществуют автор и адресат, репрезентируемые через фиксацию их коммуникативных ролей или текстовыми персонажами.

Исследование аргументативной стороны текстов НП-статей актуально в силу того, что в них происходит столкновение рациональных аргументов, обращенных к разуму и используемых в научной коммуникации, и аргументов, ориентированных на чувства и используемых в политике и общественной жизни. Изучение референциальных свойств языковых выражений в составе НП-статей, обозначающих лиц и их множества, группы или совокупности, часто не имеющие четких границ, актуально в свете антропологического поворота 1990-х гг. в отечественной лингвистике. В целом исследование взаимоотношений прагматических субъектов в НП-коммуникации позволяет рассмотреть, как формальная и семантическая организация НП-статьи обусловлена организацией деятельности, в которую вовлечены участники НП-коммуникации.

Объект нашего исследования – текст НП-статьи лингвистической тематики. **Предметом** являются способы и средства репрезентации автора, адресата и персонажей текста в аргументативной составляющей текста и в референциальном аспекте его субъектной организации.

Цель исследования – выявить закономерности отражения социально-коммуникативных характеристик отношения автора к адресату НП-статьи лингвистической тематики в аргументации и субъектной организации текста.

Данная постановка цели предполагает выполнение следующих **задач**:

1) выявить параметры НП сферы общения, определяющие коммуникативные и профессиональные характеристики автора и адресата НП-статьи лингвистической тематики; произвести классификацию текстов НП-статей на основании профессионально-коммуникативных характеристик их авторов;

2) обосновать использование понятия субъектной организации для интерпретации отношения автора НП-статьи лингвистической тематики к адресату, а также

с опорой на исследования нарративной поэтики и сущностные характеристики НП сферы общения построить модель субъектной организации НП-статьи;

3) выявить роль используемых схем аргументации и типов референции наименований лиц в отражении субъектной организации НП-статьи;

4) определить и систематизировать способы аргументации в текстах, провести описание их языковых маркеров, а также выявить предпочтения разных типов авторов в использовании разных схем аргументации;

5) выявить закономерности в использовании разных средств референции разными типами авторов;

6) охарактеризовать языковые средства выражения референциальных отношений между текстовыми персонажами и участниками коммуникативной ситуации.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Научно-популярная сфера общения, будучи тематически производной от научной сферы, характеризуется гетерогенностью коммуникативных сред, порождающей разницу картин мира в научно-популярной коммуникации. Потенциальный адресат является носителем наивной картины мира, для которой характерно стремление к целостности. Научное знание, сообщаемое автором, является фрагментом тяготеющей к полноте научной картины мира. В зависимости от профессионального статуса и коммуникативной самостоятельности выделяются три типа авторов: специалист – носитель научной картины мира и субъект речи; журналист-инициатор – носитель знания, приближенного к научному, и субъект речи; журналист-транслятор – носитель наивной картины мира и посредник между читателем и ученым, цитирующий и адаптирующий слова последнего. От типа автора зависит характер отношения к адресату и к представляемому научному знанию.

2. Инструментом для представления отношения автора научно-популярной лингвистической статьи к адресату является понятие субъектной организации (Б. О. Корман), используемое в нарративной поэтике и представляющее собой соотношение и взаимодействие текстовых субъектов разных уровней: прагматического (автор и адресат) и сюжетного. Существует изоморфизм в субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи и художественного

нарративного текста. Подобно выделяемым в нарративной поэтике прагматическому уровню, уровню интерпретирующих (надсюжетных) повествователей и уровню сюжетных персонажей в нарративном тексте, в научно-популярной лингвистической статье также существуют три уровня: прагматический уровень, уровень знания / мнения о языке и уровень использования языка. На прагматическом уровне выделяются автор и адресат научно-популярной статьи, второй уровень образуется носителями научного знания и наивных представлений о языке, третий уровень представляют обозначаемые в тексте носители языка.

3. Субъектная организация научно-популярной лингвистической статьи проявляется в системе аргументации текста и референции языковых выражений, обозначающих лиц и их множества. Аргументативная составляющая текста связана с выбором разновидностей аргументов, приемлемых для автора и адресата, а также с репрезентацией полемического взаимодействия научной (авторской) точки зрения и наивного представления потенциального адресата. Референциальный аспект субъектной организации реализуется в связях референтов языковых выражений, обозначающих лица и их множества, с прагматическими автором и адресатом.

4. В аргументативном аспекте научно-популярные статьи лингвистической тематики характеризуются преобладанием аргументов, демонстрирующих способы установления реальности, то есть получения знания, и аргументов «от знающего», вводящих субъектов точки зрения, а доля характерных для научного текста логических и квазилогических аргументов, основанных на структуре реальности, относительно невелика.

5. Аргументативные характеристики научно-популярной лингвистической статьи определяются типом автора. Журналисты-трансляторы чаще используют в качестве аргументов ссылки на субъектов точки зрения, применяя для этого модусную категорию авторизации; авторы-специалисты и журналисты-инициаторы предпочитают использовать аргументы, демонстрирующие способы получения знания, выражение которых отличается бóльшим разнообразием. Авторы-ученые активно используют конфликтную аргументацию, в которой реконструируют и опровергают «наивное» мнение читателя о языке, часто сталкивая при этом

аргумент «Ad populum», который выражается авторизационными показателями, и аргумент «От эксперта», тяготеющий к имплицитности. Стандартным индикатором такого сочетания является конструкция *Казалось бы – но*.

6. Референциальный аспект субъектной реализации текста НП-статьи лингвистической тематики обладает зависимостью наполнения каждого из ее уровней от типа автора, а также вероятностным характером соотнесения автора и адресата с субъектами других уровней субъектной организации текста. Возможность, степень вероятности и механизмы такого соотнесения тесно связаны, помимо всего прочего, с референциальным статусом языковых выражений, обозначающих лиц или их множества. На частотность языковых средств влияет отношение автора к объекту описания: специалисты чаще, чем журналисты, используют формы 1-го л., обращаясь к своему исследовательскому опыту. Кроме того, в статьях ученых больше доля выражений, обозначающих субъектов уровня знания / мнения о языке, в то время как журналисты предпочитают репрезентировать себя и адресата как субъектов коммуникации и носителей языка.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что семантическая структура НП-текста впервые изучена комплексно: от общих прагматических установок, задаваемых условиями общения, и прагматической составляющей НП-статьи до семантической и референциальной интерпретации отдельных языковых средств; проведена параметризация НП сферы общения с учетом ее сущностных свойств; реконструирована трехуровневая субъектная организация НП-статьи; выявлена роль аргументации и референции в реализации субъектной организации НП-статьи; определены предпочтительные способы аргументации в НП-статьях, в том числе в соответствии с социально-профессиональными характеристиками авторов текста; описана полемическая аргументация НП-статьи; выявлены референциальные механизмы соотнесения автора и адресата НП-статьи с персонажами других уровней ее субъектной организации.

Теоретические и методологические основания исследования.

Диссертационное исследование осуществлено на пересечении социолингвистического, стилистического, риторико-аргументативного и семантико-

синтаксического подходов к изучению текста. В работе использован ономазиологический подход «от смысла к форме». В данном случае это подразумевает движение от социопрагматической стороны НП-коммуникации к смысловой и формальной организации НП-статьи и к использованным в ней языковым средствам. Из описания социальных условий НП-коммуникации, прежде всего тематики, базовых коммуникативных целей и социального состава коммуникантов, вытекают типические характеристики НП-текста, из которых наиболее интересными представляются способы аргументации и характер взаимодействия текстовых субъектов прагматического и сюжетного уровней.

Аргументативный аспект НП-коммуникации изучался с учетом современной неориторической теории аргументации; применена классификация схем аргументов, составленная на основе классификаций в [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971; Walton, Reed, Macagno, 2008]. При описании субъектной организации НП-статьи использовались подход и понятия, сформированные в исследованиях нарратива [Виноградов, 1971, 1980в; Корман, 1992а, 1992б; Успенский, 1995; Падучева, 2010; и др.]; соотношение автора и потенциального адресата с персонажами на разных уровнях субъектной организации изучалось с позиций теории референции, изложенных прежде всего в [Арутюнова, 1976, 1980, 1982; Падучева, 2010а; и др.].

Источником **материала** исследования стали 50 НП-статей лингвистической тематики с десяти НП-сайтов. Отбор сайтов производился с помощью каталогов поисковых систем «Яндекс» и «Рамблер». Эти каталоги на момент формирования состава источников содержали рубрики «Научно-популярные журналы» и «Наука», откуда были выбраны сайты, входящие в топ-10 этих каталогов. Тексты статей представляют собой не только источник материала для аргументативного и референциального анализа, но и собственно материал для исследования моделируемых автором отношений прагматических субъектов – автора и адресата. Для исследования аргументации использовано 324 контекста разного объема (от фразы до сложного синтаксического целого), репрезентирующих аргументативные схемы и их сочетания; материал для референциального анализа представлен 1627 контекстами, содержащими языковые выражения, обозначающие лиц и их множества.

В работе использованы следующие **методы**:

- описательно-аналитический – для отбора и изложения положений научной литературы, связанной с объектом и предметом исследования;
- социолингвистическое моделирование сферы общения – для описания условий НП-коммуникации, влияющих на репрезентацию автора и адресата в тексте НП-статьи;
- семантическая классификация лексики – для определения структуры «референтного мира» лингвистических НП-статей в аспекте их субъектной организации;
- референциальный анализ лексики со значением лица и групп / множеств лиц – для определения типов соотнесения персонажей НП-статьи с участниками прагматической ситуации;
- семантико-синтаксический анализ – для определения аргументативных функций высказываний и фрагментов статей;
- контекстуальный анализ – для определения объема и содержания референтов языковых выражений, обозначающих лиц и их множества;
- количественный анализ распределения выборок – для проведения подсчета и получения количественных выводов исследования.

В исследовании применялись элементы компьютерного моделирования аргументативной структуры текстов НП-статей, а именно аргументативная разметка текстов, для выявления их аргументативной структуры и состава аргументативных схем.

Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в расширении представления об отношениях прагматических субъектов нехудожественного текста, пронизывающих прагматическую составляющую коммуникации, модус и диктум текста. Используемая исследовательская методика может применяться для работы с текстами в других сферах общения: например, политической, деловой, собственно научной, рекламной.

Практическая значимость работы заключается в возможном применении выводов работы в практике создания НП-текстов и в учебных курсах, направленных на формирование коммуникативных компетенций.

Достоверность результатов диссертации подтверждается тем, что, во-первых, в процессе обзора научной литературы и построения методологии исследования было проанализировано большое количество лингвистических и философских работ по научно-популярной коммуникации, способам типизации коммуникативных ситуаций, аргументации и референции и, во-вторых, репрезентативность выборки материала обеспечивается обращением к каталогам поисковых систем, позволяющим отобрать источники материала – научно-популярные сайты – в соответствии с изучаемой сферой общения, и поиском статей на этих сайтах методом сплошной выборки.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на пяти научно-практических конференциях – всероссийских и международных – и в одиннадцати публикациях.

Список конференций:

1) IX Всероссийская научная конференция «Наука. Технологии. Инновации». Новосибирск НГТУ, 1–5 декабря 2015 г. Доклад «Авторизация и адресация как средство информирования и воздействия в научно-популярной статье лингвистической тематики»;

2) 55-я Международная научная студенческая конференция «МНСК-2021. Студент и научно-технический прогресс». Секция «Языкознание». Новосибирск, НГУ, 16–20 апреля 2017 г. Доклад «Модель научного исследования и её языковое выражение в научно-популярной онлайн-статье лингвистической тематики»;

3) Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований». Екатеринбург, УрФУ, 15–17 октября 2019 г. Доклад «Ценностные основания аргументации в научно-популярном тексте» (в соавт. с И. Е. Кимом);

4) Международная научная конференция «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего. Языковая личность: варианты речевого поведения (к 85-летию со дня рождения Юрия Николаевича Караулова)». Новосибирск, НГПУ, 22–23 октября 2020 г. Доклад «Языковая личность

автора научно-популярного текста: аргументативный аспект» (в соавт. с И. Е. Кимом);

5) Ежегодная международная конференция «Диалог». Москва, РГГУ, 16–19 июня 2021 г. Доклад «О создании интернет-ресурса для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе» (в соавт. с И. С. Кононенко и Е. А. Сидоровой).

Результаты исследования отражены в 12 публикациях общим объемом 9,14 печ. л. (личный вклад – 6,7 печ. л.), включая 6 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, из них 5 – в журналах, индексируемых в международных базах Web of Science и/или Scopus:

1. *Il'ina D. V. Variation of the Types of a Popular Scientific Online Article's Subject Organization as a Way to Involve the Reader in its Subject Content / D. V. Il'ina // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. 9. – No 7. – P. 1594–1604. (На англ. яз.) – DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-7-1594-1604 – 0,95 печ. л. (Scopus).*

2. *Ильина Д. В. Авторизация и адресация как средство популяризации научного содержания (на материале статьи лингвистической тематики) / Д. В. Ильина // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 217–229. – DOI 10.17223/18137083/56/22 – 1,11 печ. л. (Web of Science).*

3. *Ким И. Е., Ильина Д. В. Языковое выражение аргументативной структуры «Ad populum» – «От эксперта» в тексте научно-популярной статьи / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 9: Филология. – С. 27–35. – DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-27-35 – 0,85 печ. л., авт. вклад – 0,4 печ. л. (Scopus).*

4. *Ким И. Е., Ильина Д. В. Языковая личность автора научно-популярного текста: аргументативный аспект / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 9: Филология. – С. 19–30. – DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-19-30 – 0,83 печ. л., авт. вклад – 0,5 печ. л. (Scopus).*

5. *Ilina D., Kononenko I., Sidorova E. On Developing a Web Resource to Study Argumentation in Popular Science Discourse / D. Ilina, I. Kononenko, E. Sidorova //*

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – Вып. 20. – М.: РГГУ, 2021. – Р. 318–327. (На англ. яз.) – DOI 10.28995/2075-7182-2021-20-318-327 – 0,89 печ. л., авт. вклад – 0,4 печ. л. (Scopus).

6. *Ильина Д. В.* Субъектная организация научно-популярных и псевдонаучных статей лингвистической тематики / Д. В. Ильина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 9: Филология. – С. 42–52. – 0,98 печ. л. (ВАК).

7. *Ильина Д. В.* Научно-популярные жанры в медиасфере // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2022. – № 2(4). – С. 60–74. – DOI 10.34680/VERBA-2022-2(4)-60-74 – 1 печ. л.

8. *Ким И. Е., Ильина Д. В.* Научно-популярная сфера общения: на границе двух картин мира / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4–1. – С. 58–69. – DOI 10.17516/2311-3499-077 – 1,08 печ. л., авт. вклад – 0,6 печ. л.

9. *Ким И. Е., Ильина Д. В.* Незримый оппонент: скрытая дискуссия в научно-популярной статье лингвистической тематики / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Respublica Literaria. – 2020. – Т. 1. – № 2. – С. 166–183. – DOI 10.47850/RL.2020.1.2.166-183 – 1,14 печ. л., авт. вклад – 0,5 печ. л.

10. *Ильина Д. В.* Авторизация и адресация как средство информирования и воздействия в научно-популярной статье лингвистической тематики / Д. В. Ильина // Наука. Технологии. Инновации : Сборник научных трудов: в 9 частях, Новосибирск, 01–05 декабря 2015 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. – С. 128–131. – 0,11 печ. л. (тезисы доклада).

11. *Ильина Д. В.* Модель научного исследования и её языковое выражение в научно-популярной онлайн-статье лингвистической тематики / Д. В. Ильина // МНСК-2017: Языкознание : Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 16–20 апреля 2017 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. – С. 47–48. – 0,12 печ. л. (тезисы доклада).

12. *Ким И. Е., Ильина Д. В.* Ценностные основания аргументации в научно-популярном тексте / И. Е. Ким, Д. В. Ильина // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : Тезисы докладов международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский гуманитарный институт, Департамент «Филологический факультет», Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 244–246. – 0,08 печ. л., авт. вклад – 0,03 печ. л. (тезисы доклада).

Автор также участвовал в научном переводе монографии [Eemeren, Grootendorst, 2004] ([Еемерен, Гроотендорст, 2021]), посвященной прагматическим аспектам аргументации (личный вклад – 2,22 печ. л.).

Аргументативный аспект работы изучался в рамках проекта РФФИ № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ¹ «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса» (2018–2020 гг.).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной научной литературы и источников материала исследования, а также трех приложений.

Во Введении обосновывается актуальность, новизна исследования, его объект и предмет, ставятся цель и задачи, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются примененные методы.

В первой главе «Вопросы прагматики и семантики текстов различной функциональной направленности» характеризуется объект исследования и проводится обзор литературы по трем направлениям: способы моделирования речевой коммуникации, теория аргументации и аргументативная лингвистика, субъектная организация текста и теория референции.

Во второй главе «Аргументативный и референциальный аспекты отношения автора к адресату научно-популярной лингвистической статьи» дается описание

¹ Комплексное междисциплинарное фундаментальное исследование.

материала исследования, проводится его классификация, систематизируются особенности аргументативного содержания НП-текстов и способы репрезентации автора и адресата в соответствии с их отношением к референтам языковых выражений со значением лица и множества лиц.

Список литературы включает 201 единицу, непосредственно использованных в исследовании. В Приложении А содержится перечень аргументативных схем с примерами их реализации. В Приложении Б приводится распределение НП-статей, вошедших в материал исследования, по типам автора. В Приложении В перечислены языковые средства выражения схем аргументов и их элементов.

Глава 1. ВОПРОСЫ ПРАГМАТИКИ И СЕМАНТИКИ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В данной главе проведена характеристика НП-статьи в контексте НП-коммуникации и изложены теоретические основания исследования. НП-коммуникация описана с учетом подходов, сформированных в функциональной стилистике, стилистике текста, социолингвистике, в лингвопрагматических исследованиях речевого акта и речеведческих описаниях речевого жанра (параграф 1). Аргументативный аспект НП-коммуникации разрабатывался с учетом современной неориторической теории аргументации, одним из основных тезисов которой является ориентация не на доказательство истинности тезиса, а на убеждение адресата в его приемлемости применительно к текущей ситуации (параграф 2). При описании субъектной организации текста использовался подход, сформированный в исследованиях нарратива (параграф 3); для изучения собственно языковых средств с семантикой лица применялись модели семантического синтаксиса, теории референции и нарративной поэтики (параграф 3–4).

1. Научно-популярная статья как объект лингвистического описания

Целью данного параграфа является характеристика НП-литературы с точки зрения разных лингвистических подходов к описанию типов коммуникации. Исходя из этого выявлены прагматические характеристики автора и потенциального адресата НП-текста, отражаемые в устройстве текста и языковых средствах. Для этого были рассмотрены понятия, в той или иной мере выделяющие и типизирующие обобщенные условия коммуникации: функциональный стиль, сфера общения, речевой жанр, речевой акт, дискурс. В рамках каждого из направлений проведен обзор научных работ по НП-литературе.

Нужно отметить, что не каждую работу можно отнести к одному направлению: так, в характеристике дискурса неизбежно указание его стилистических

особенностей, а при описании функционального стиля – упоминание элементов коммуникативной ситуации. В данном параграфе исследования упоминаются в связи с теми характеристиками НП-текста, о которых в том или ином разделе идет речь.

1.1. Научно-популярный стиль.

Стилистические особенности научно-популярной статьи

В фокусе внимания стилистики находятся языковые средства, рассматриваемые как отражение коммуникативных задач автора, отношений между автором и адресатом (степень знакомства, официальность, иерархические отношения и пр.), других условий общения. В разных направлениях стилистики понятие стиля и состав условий общения трактуются по-разному.

В «стилистике ресурсов» (стилистике языковых средств) исследуются преимущественно традиции употребления тех или иных единиц языка в разных ситуациях и элементы их значения, обуславливающие особенности узуса [Щерба, 1957; Винокур, 1959; Гвоздев, 1965; и др.].

В функциональной стилистике цели общения, условиям общения и отношениям коммуникантов уделяется больше внимания, а стиль изучается как системное поведение языка, производное от сферы общения [Виноградов, 1980а; Винокур, 1980; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008; и др.]. В рамках этого подхода вводится понятие «общего языка», не имеющего социальных оттенков, и фамильярной речи или, наоборот, стилей, опосредованных традициями [Балли, 1961, с. 251–260].

Работы по практической стилистике и культуре речи ориентированы на изменение практических речевых навыков, то есть на инструктирование говорящего, однако в них характеристика той или иной разновидности языка носит обобщенный характер. Например, Б. Н. Головин, исходя из тезиса об адресованности любого текста лицу или кругу лиц с определенными характеристиками, выделяет два инвариантных качества «хорошей» речи: доступность, обеспечивающую легкость распознавания адресатом информации, и действенность, побуждающую его к

изменению представлений или поведения. Обращение к условиям общения позволяет ученому выделить третью характеристику – уместность, то есть соответствие языковой структуры речи условиям общения – «месту, времени, жанру и задачам коммуникативного процесса» [Головин, 1988, с. 29–30]. Наиболее ценным для нашей диссертации представляется тезис Б. Н. Головина о том, что «в речи функции выражения и функции изображения очень часто объединяются, сливаются и их носителями оказываются одни и те же средства языка» [Там же, с. 34].

В стилистике текста изучаются композиционные и стилевые особенности текста и сложного синтаксического целого [Одинцов, 1980; Солганик, 1991, 2001; и др.]. Так, В. В. Одинцов, исследуя «типовые схемы развертывания тезиса» [Одинцов, 1980, с. 34], выделяет «два основных композиционно-стилистических типа изложения, подачи содержания: научно-деловой, информационно-логический, с одной стороны, и беллетризованный, экспрессивный – с другой» [Там же, с. 78]. К информационно-логическим видам развертывания понятия относятся определение, умозаключение, характеристика и сообщение, а к их беллетризованным парам – объяснение, рассуждение, описание и повествование [Там же, с. 87–93]. Характеризуя сферы применения этих логических единств, В. В. Одинцов указывает, в частности, на применимость первых компонентов пар скорее в научных текстах, а вторых – в научно-популярных. Им вводится понятие «нулевого уровня», «нормы изложения», которое предполагает отражение группировок понятий или предметов, соответствующее действительности [Там же, с. 141].

В 1970–1980-е гг. в отечественной лингвистике широко изучались отдельные функциональные стили и поведение языковых единиц в разных речевых ситуациях [Кожина, 1968; Скребнев, 1976; Шмелев, 1977; Винокур, 1980; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008; и др.]. Само выделение НП-текстов в отдельный стиль остается дискуссионным [Одинцов, 1980, с. 71; Воронцова, 2014, с. 39].

Можно выделить три подхода к решению проблемы соотношения научно-популярной и собственно научной литературы.

Р. А. Будагов и др. объединяют НП-тексты в особый подстиль научного стиля, наряду с учебно-научным подстилем [Будагов, 1967; Сенкевич, 1984; Чернявская, 2006; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008].

В других работах совокупность таких текстов описывается как самостоятельный стиль [Сердобинцев, 1976; Маевский, 1979; Лазаревич, 1984]. В более близкой для нас временной перспективе этот подход реализуется, например, в работе [Крюкова, 2001].

И, наконец, ряд исследователей считает НП-литературу «межстилевым образованием». Так, Е. С. Троянская обнаруживает в ней признаки научного, художественного, газетно-публицистического и разговорного стилей [Троянская, 1984, с. 21]. Г. Ю. Гришечкина относит НП-тексты к «синкретическим», или «пограничным», жанрам, «находящимся на стыке функциональных стилей» [Гришечкина, 2010, с. 130]. Синкретичность, по ее мнению, заключается в смешении языковых элементов, присущих научной и художественной речи ². Н. И. Дорцуева рассматривает НП-статью как функциональное явление, совмещающее в себе элементы научного и публицистического стилей [Дорцуева, 2012].

Исходя из задач нашего исследования, мы придерживаемся позиции, согласно которой язык НП-текстов представляет особый НП функциональный стиль современного русского литературного языка.

Нетипичность НП-текстов по отношению к стандарту научной коммуникации, отмеченная исследователями, придерживающимися любого из трех подходов к их стилевой принадлежности, ставит перед лингвистами задачу объяснения этого феномена. Одна из возможностей объяснения связана с представлением о специфике коммуникативных задач автора НП-текста.

Т. Г. Винокур отмечает, что в текстах НП-стиля адресат является «неоднородной и неадекватной адресующему общностью», в отличие от адресата научного текста, профессионально-речевые навыки которого близки к авторским, что вызвано унифицированностью научного образования [Винокур, 1980, с. 122].

² К смежным, более приближенным к художественной литературе явлениям относят также научную фантастику [Лихтенштейн, Михайлов, 1974].

В работах по функциональной стилистике выделяются две основные задачи автора (ученого или журналиста) в НП-коммуникации: сообщить научное знание адресату-неспециалисту и сделать это содержание интересным для него. Состав и соотношение этих функций – информативной и воздействующей – определяется в работах по-разному.

Авторы трудов, посвященных функциональному описанию НП-стиля или подстиля, как правило, формулируют его цель, учитывая только языковую способность адресата и вынося за скобки его собственные цели, интересы и то воздействие, которое оказывает на него текст. Так, М. Н. Кожина и ее соавторы говорят о том, что НП-тексты «популяризуют научные знания в широкой аудитории» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 310], отсюда следуют требования к простоте изложения, экспрессивности и образности, а Г. Я. Солганик и Т. С. Дроняева определяют цель таких текстов как передачу научных знаний [Солганик, Дроняева, 2005, с. 13].

Авторы, исследующие НП-литературу с учетом прагматической стороны коммуникации и вследствие этого выходящие за границы собственно стилистики (В. Г. Костомаров, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, И. И. Баранова, Г. Ю. Гришечкина), выделяют наряду с функцией сообщения функцию воздействия на адресата, иногда подчеркивая преобладание последней. Взаимодействие этих функций «формирует коммуникативную стратегию создателя научно-популярного текста» [Баранова, 1995, с. 34] для «удовлетворения познавательного интереса адресата» [Там же, с. 37], обеспечивая передачу информации наиболее оптимальным образом [Ужахова, 2003, с. 156]. Е. Е. Макарова, исследуя общественные функции научной популяризации, выделяет вслед за Е. П. Прохоровым формирование научного «взгляда на мир (точки зрения) тех или иных кругов общественности, их суждений о смысле жизни, свободе и движущих факторах поведения, о справедливом общественном устройстве; картины мира в массовом сознании, опирающейся на научные представления», а также формирование «образа науки как одной из наиболее интересных форм человеческой деятельности» [Макарова, 2013, с. 14].

Таким образом, в рамках задач нашего исследования можно говорить о двух векторах, на которые ориентирована НП-речь: функция сообщения и функция воздействия. Реализация первой функции обеспечивает доступность текста для читателя-неспециалиста; реализация второй – логическую и нелогическую убедительность.

Г. А. Сердобинцев и Г. А. Васюченко отмечают соединение в НП-тексте противоположных характеристик: объективности и субъективности. Первая реализуется в требованиях к достоверности и конкретности, подкреплении рассуждений фактами, вторая – в эмоциональности, субъективной оценочности, образности [Сердобинцев, 1973; Васюченко, 1980]. Среди других признаков ученые называют диалогичность, авторизованность, адресованность (фактор адресата модифицирует речевое поведение автора) [Гришечкина, 2010, с. 135], точность, логическую стройность, последовательность (реализуются приемами рационального объяснения), доступность, выразительность, наглядность, занимательность [Кравцов, 1990, с. 9].

И. И. Баранова исследует реализацию категории диалогичности в НП-тексте, которая проявляется в четырех формах: 1) разговор или полемика с единомышленниками и идейными противниками (не читателями); 2) сопоставление чужих позиций по какому-либо вопросу и их оценка; 3) разговор с читателем; 4) автополемика или анализ своей позиции. Беседа с читателем с целью «привлечения к сомышлению» [Баранова, 2012, с. 120] на уровне языковых средств реализуется с использованием «*мы* диалогического», которое обозначает автора, читателя и (опционально) не участников коммуникативной ситуации, императивных форм глагола, «*вы* диалогического», описывающего познавательные действия адресата, и выражениями со значением обобщенности [Там же, с. 121]. Н. И. Дорцуева выделяет пять видов диалога: диалог-спор (можно соотнести с полемикой у И. И. Барановой), диалог-унисон (аналогично разговору с единомышленниками), переход к новой теме (часто маркируется риторическим вопросом), приглашение адресата к совместной интеллектуальной деятельности (разговор с читателем у И. И. Барановой), предвидение поступков читателя (ответной реакции на побуждение) [Дорцуева, 2012, с. 21].

Большую роль в убеждении читателя НП-текста играет аргументация. Она представляет собой средство рационального убеждения и противопоставлена иррациональным, например внушению [Анисимова, Гимпельсон, 2001; Герасимова, 2003; Сигарева, 2015; Вольф, 2020]. Н. В. Сигарева отмечает следующие особенности аргументации в НП-текстах: приблизительность указаний на источник аргументации, в частности отсутствие ссылок и сносок; информационную избыточность, вызванную сложностью содержания; опору на повседневный опыт читателя [Сигарева, 2015, с. 214]. О. А. Шапиро делает интересное наблюдение о том, что для электронных НП-текстов характерен аргументативный регресс по сравнению с печатной НП-литературой. Это соответствует общей тенденции к отдалению НП-текстов от научных и их тяготению к развлекательным. В связи с этим читателю стало сложнее отличить НП-статью от статьи псевдонаучной [Шапиро, 2018].

Исследователи упоминают еще один прием, широко применяемый в НП-литературе, – цитирование. Оно служит средством реализации иллюстративной, убеждающей, номинативно-комментирующей, развлекательной функций и функции выдвижения [Алейникова, 2006].

Для обеспечения доступности НП-текста автору приходится делать понятным для читателя сложное научное содержание. Э. В. Маргания описывает приемы адаптации терминов: обращение к опыту читателя, образное сравнение или метафору, введение этимологической информации, поясняющих контекстов, четких определений и объяснений [Маргания, 2011, с. 19–21]. И. В. Богословская отмечает негативный эффект замены терминологии на обыденную лексику, усложняющую понимание НП-текста вследствие многозначности общеупотребимых слов и выражений [Богословская, 2001, с. 5–6].

Т. И. Сурикова рассматривает другой аспект доступности текста – информационную нагруженность. Жанровые законы, в частности требования к объему текста и к поддержанию интереса читателя, вынуждают автора осуществлять компрессию информации, оставляя в тексте только то, что интересно читателю и/или обеспечивает целостность текста. Компрессия в НП-статье касается плана содержания и плана выражения [Сурикова, 1991, с. 10–12, 16–17].

Важным языковым средством, обеспечивающим доступность изложения в НП-тексте, признается метафора [Позднякова, 1995; Десюкевич, 2005; Уткина, 2006; Мишланова, Уткина, 2008; и др.]. Метафора в НП-тексте полифункциональна, с ее помощью реализуется ряд стратегий популяризации: концептуализация, категоризация, контаминация, персонификация, положительное информирование [Уткина, 2006, с. 6–7].

Н. И. Дорцуева выделяет среди приемов и языковых средств, используемых в НП-литературе, экспрессивную и эмоционально-оценочную лексику, а также тропы, в первую очередь метафору и сравнение. Среди синтаксических фигур выделяются антитеза, анафора, градация и умолчание как средства выражения экспрессии и оценки [Дорцуева, 2012, с. 21]. В. Ф. Крюкова и Н. В. Щербакова отмечают также роль олицетворения в реализации объяснительной функции НП-текста, в расстановке акцентов на наиболее существенных моментах изложения и в конечном счете для облегчения понимания и запоминания материала [Крюкова, Щербакова, 2013].

Т. А. Воронцова описывает другие маркеры объяснения: метатекстовые конструкции (например, *нужно пояснить, я расскажу*), пояснительные конструкции; разговорные языковые единицы (например, *уткнувшись в которые сидят люди с наморщенными лбами*), экспликацию модуса с авторизационным субъектом-непрофессионалом (*для непосвященного*) – если автор идентифицирует себя с читателем-неспециалистом [Воронцова, 2013, с. 26–27].

С. М. Кравцов отмечает, что для реализации эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений в НП-текстах широко используется фразеология, в том числе стилистически окрашенная [Кравцов, 1990]. Н. Н. Кохтев подчеркивает, что в «эталонных» НП-текстах употребляются простые слова, которые вызывают конкретные ассоциации и яркие образы; ясные аргументы, лежащие в основе «действенной речи», мотивированные ситуацией общения и аудиторией и действующие не только логически, но и эмоционально; элементы разговорной речи, создающие эмоциональность и экспрессивность выступления и контрастирующие с четким и логичным научным изложением [Культура русской речи, 1999, с. 60].

Перечисленные языковые средства рассматриваются и в других работах, в том числе посвященных НП-дискурсу [Айтмуханова, 1997; Уткина, 2006; Кобозева, 2011; Маргания, 2011; Киселев, 2012; Олейник, 2017; и др.].

Таким образом, в рамках функциональной стилистики определяются социальные характеристики коммуникантов, значимые для отдельного стиля: социальный статус, культурный и образовательный уровень, включенность в различные практики и виды деятельности, причем имеют значение не только сами характеристики, но и степень близости автора и адресата по этим параметрам. В рамках функциональной стилистики выявлен комплекс задач НП-коммуникации: информативная (сообщить новое для адресата знание) и воздействующая (убедить адресата в истинности этого знания и поддержать интерес к теме). Задача поддержания интереса к тематике текста вытекает из контактоустанавливающей функции языка, поскольку результатом выполнения этой задачи является завершенность коммуникативного акта; если же статья в какой-то момент становится неинтересной для читателя, он прерывает коммуникацию. Интенциональная сложность НП-текстов позволяет говорить о гибридности НП-стиля.

Стилистика текста позволяет выделить ряд категорий и характеристик НП-текста: доступность, диалогичность, эмоциональность, выразительность, наглядность, занимательность, аргументированность и др. Среди языковых средств НП-стиля отмечаются метафора и образная лексика в целом, средства выражения авторизации, метатекстовые конструкции, разговорные элементы, эмоциональные и оценочные единицы.

1.2. Условия научно-популярной коммуникации в дискурсивных исследованиях

Однозначного мнения о границах дискурса в лингвистике нет [Серио, 1999, с. 26–27; Петрова, 2003, с. 130], однако существующие определения и исследовательские практики объединяет рассмотрение текста как элемента коммуникации, в

котором отражается его экстралингвистический (прагматический, социокультурный и др.) контекст [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

В исследованиях, посвященных НП-дискурсу, отмечается тематическая и отчасти жанровая производность НП-литературы от научной, однако непрофессиональная аудитория задает иные целевые, структурные и стилистические характеристики текстов. Так, Е. Е. Баринаова отмечает «особую расстановку акцентов, подчеркнутую коммуникативную установку, некоторые процессы нарративизации и эстетизации научного дискурса» [Баринаова, 2004, с. 50].

С точки зрения условий общения НП-дискурс не является однородным: Т. А. Воронцова отмечает различия между текстами, опубликованными в НП-журналах, представляющих собой специализированные издания, и в массовых медиаисточниках, в которых эти тексты соседствуют с материалами из других областей: общественной, культурной, политической и др. Тексты, опубликованные в изданиях первого типа, более наукообразны, поскольку в большей степени ориентированы на читателя, интересующегося наукой и обладающего некоторыми научными знаниями [Воронцова, 2013, с. 26; 2014, с. 39]. Е. Е. Макарова делает аналогичные наблюдения в исследовании НП-сайтов, ориентированных на разные аудитории, и их возрастные, образовательные и психологические характеристики, в частности активность в поиске научно-популярной информации [Макарова, 2013, с. 12].

В рамках нашего исследования важным является понятие «дискурсивная роль», обсуждаемое, например, в работах [Наумова, 2015; Ким, Силантьев, 2017], которое следует отличать от омонимичного термина в значении ‘функция в дискурсе’ для описания элементов дискурса – см., например, [Алексеева, 2011; Муравьев, 2017; Норман, 2017]. Дискурсивные роли частично соотносятся с коммуникативными ролями, которые принимают субъекты дискурса, и задаются системой жанров, существующей для каждого вида дискурса [Ким, Силантьев, 2017, с. 167].

В НП-дискурсе выделяются следующие дискурсивные роли. Автор – ученый или журналист; журналист может быть проводником научных знаний, а может соотносить себя с массовым адресатом. Адресат, как правило, является непрофессионалом в данной области науки, но отмечается дифференцированность адресата по

образовательному уровню, возрасту, «возможностям восприятия научных знаний и целям их получения» [Воронцова, 2014, с. 39–41]. Е. Е. Макарова выделяет две аудиторные модели НП-сайтов: первая ориентирована на разновозрастных читателей, вторая – на молодежь [Макарова, 2013, с. 20].

Таким образом, дискурсивные исследования дают представление о правилах создания, функционирования и восприятия текстов внутри одного дискурса и о том, что в каждом дискурсе и в каждом жанре существует набор «дискурсивных ролей», которые могут занимать автор и адресат. В этом подходе существенными оказались также наблюдения, сделанные Т. А. Воронцовой относительно возможных ролей автора-журналиста НП-статьи, и замечания Е. Е. Макаровой и Т. А. Воронцовой относительно разных типов аудитории НП-текстов.

1.3. Научно-популярная статья в теории речевых жанров

В рамках теории речевых жанров тексты описываются как единицы коммуникации, а не как действия говорящего, однако основанием для классификации жанров является тип интенции говорящего.

Речевые жанры – это относительно устойчивые в тематическом, композиционном и стилистическом отношениях типы высказываний, генетически связанные со сферой использования языка [Бахтин, 1979, с. 237]. Соответственно, использование каждого жанра помогает коммуникантам решить какую-либо неязыковую задачу. НП-статья относится к вторичным, или комплексным, речевым жанрам, в отличие от первичных, или простейших, элементарных. Вторичные типы текстов называются идеологическими, поскольку они появились в результате развития общества и необходимости в сложном культурном взаимодействии между группами людей, требующем сложной и жесткой формы [Там же, с. 239–240].

Инвариантная схема описания (анкета) речевого жанра, используемая лингвистами в настоящее время, разработана Т. В. Шмелевой. Первичный признак речевого жанра – коммуникативная цель говорящего. Остальные шесть признаков детерминированы целью и условиями ситуации: образ автора, образ адресата, диктум

(содержание), фактор прошлого (предшествующий контекст), фактор будущего (предполагаемые «ответные реакции» адресата), формальная организация (языковые средства выражения предшествующих признаков) [Шмелева, 1990, с. 25–32].

Таким образом, взаимодействие с адресатом текста устанавливается автором с учетом условий коммуникации: выбирая в соответствии со своей интенцией речевой жанр, он тем самым детерминирует действия («ответную реакцию») адресата. Коммуникативная цель последнего в описание не вводится.

Жанры НП-текстов частично соотносятся с научными жанрами – статьей, лекцией, коротким сообщением. Наряду с ними Л. Е. Кройчик и Е. Е. Макарова относят к НП-литературе жанры, соотносимые с журналистскими: информационными (репортаж, заметка, интервью), аналитическими (статья, обзор), художественно-публицистическими (очерк, эссе) [Кройчик, 2000, с. 126; Макарова, 2013, с. 19]. По-видимому, «журналистские» группы жанров встречаются в изданиях, ориентированных на более широкую аудиторию, чем специализированные печатные и электронные журналы. Т. А. Воронцова говорит о потенциале новых, «гибридных» жанровых форм для реализации цели текста в конкретном коммуникативном контексте [Воронцова, 2014, с. 41]. Таким образом, мы можем обнаружить гибридность «второго уровня», если считать НП-статью гибридным жанром, имеющим межстилевую природу.

1.4. Участники научно-популярной коммуникации с позиций теории речевых актов

В теории речевых актов рассматривается не текст как таковой, а репрезентируемый им акт коммуникации, поэтому большее внимание уделяется участникам прагматической ситуации. Автор представлен как субъект, имеющий цель и совершающий действие в соответствии с ней. На второго коммуниканта – адресата – действует иллокутивная сила, создающая перлокутивный эффект, который в целом детерминируется речевым актом, но варьирует в зависимости от особенностей

адресата. Адресат представлен как пассивный участник коммуникации, характеристики которого не зависят от типа речевого акта [Остин, 1992; Серль, 1986].

Ценность теории речевых актов для нашего исследования заключается в том, что в ней подробно характеризуются и классифицируются речевые действия говорящего и их мотивы, причем речевые действия ставятся в один ряд с неречевыми и тем самым доказывається тезис о том, что «люди пользуются языком, следуя неречевым интересам» [Костомаров, 2005, с. 15].

Описание адресата как субъекта коммуникативного акта предложено Н. Д. Арутюновой в статье «Фактор адресата». Параметры описания включают социальный статус адресата, его пол, возраст и т. п., причем эти параметры описываются в корреляции с аналогичными параметрами, характеризующими автора (в качестве примера приводятся пары социальных ролей) и с социальной ситуацией, в которую включены коммуниканты [Арутюнова, 1981].

Поскольку НП-текст является интенционально комплексным явлением, к нему невозможно применить теорию речевых актов напрямую. Тем не менее возможно описание в рамках данных теорий отдельных коммуникативных задач – информирования и убеждения (подробнее об акте аргументации см. параграф 2, с. 46).

Задачам нашего исследования релевантно положение теории речевых актов об авторе как действующем субъекте и адресате – участнике коммуникации, который, по замыслу автора, должен совершить ответное действие, определенным образом изменить свои представления или отреагировать с помощью определенного речевого жанра.

1.5. Научно-популярная коммуникация как сфера общения

Для описания коммуникативных условий функционирования текста в социолингвистике и общей филологии используется понятие сферы общения, которое понимается как языковое явление, производное от соответствующей области человеческой деятельности. Оно дает возможность описать связанные со специфической деятельностью свойства коммуникантов. К характеристикам сферы общения

относится тематика коммуникации, ее время и место. Тематика связана прежде всего с предметом деятельности, к которой относится та или иная сфера. Так, например, в сфере науки тексты (устные или письменные, подготовленные или неподготовленные) посвящены, как правило, отдельным научным дисциплинам, задачам, ходу и/или результатам научной деятельности, а сфера личной переписки – интимной стороне человеческой жизни. Под временем и местом коммуникации, определяющими выбор сферы общения, имеется в виду включенность коммуникантов в деятельность в момент общения. Так, общение в сфере хозяйственной деятельности происходит в рабочее время, а в сфере повседневного общения – в свободное от работы время [Аврорин, 1975, с. 75–81].

В. А. Аврорин выделяет следующие сферы общения: хозяйственная деятельность, быт, организованное обучение, художественная литература, массовая информация, эстетическое воздействие, устное народное творчество, наука, делопроизводство, личная переписка и религиозный культ. Этот список принципиально открыт и неустойчив: его состав зависит от «уровня социального и культурного развития народа, а в известной степени также от его государственного устройства и численности» [Там же, с. 76–77], то есть носит конкретно-исторический характер. Выделение новой сферы общения возможно при сформированности деятельности и при наличии особых языковых требований, предъявляемых к сфере общения [Там же, с. 75].

Ю. В. Рождественский в типологии сфер общения учитывает как аспект деятельности (выделяются, например, культурная, производственная, личная сферы), так и «технический» аспект (в деловой сфере противопоставлена письменная и устная документация; в сфере устной речи – «малые сферы» диалогической, ораторической, театральной, телевизионной и т. п. речи). При этом подчеркивается, что каждая «малая сфера» имеет «свой тип отношения речи к действительности» [Рождественский, 1996, с. 11].

Смежное со сферой общения понятие «среда общения» определяется как «вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которого реализуется общение»

[Аврорин, 1975, с. 69]. В другой терминологии такая общность с обобщенными социально-коммуникативными характеристиками потенциального участника коммуникации называется «языковым сообществом» [Беликов, Крысин, 2001, с. 11]. Выделяется восемь видов сред: семейное общение, общение внутри производственного коллектива, внутри социальной группы, внутри населенного пункта или региона, общение при временном организованном средоточии людей, внутри целого народа, межнациональное общение и (выделяемое как потенциальное) общечеловеческое общение [Аврорин, 1975, с. 69].

В. Г. Костомаров связывает понятия сферы и среды общения в «коммуникационный треугольник», который отражает три экстралингвистических фактора, влияющих на построение текста: тематическое содержание (сфера), автора и адресата текста (среда). Классификация текстов основана на выявлении преобладающего фактора в этом треугольнике: «...В одних группировках [текстов] (книжных специализированных, или практических) явно преобладает сфера, а в других (книжных неспециализированных, разговорных, массово-коммуникативных) – среда. Первые заданы однозначно, примат содержательности позволяет лишь внешне и не очень существенно видоизменять текст в угоду получателям информации. Вторые, напротив, тематически неопределенны, “всеядны”, отбор и передача информации, содержательный характер текста подчинены в том или ином плане интересам и взаимоотношениям его производителей и получателей» [Костомаров, 2005, с. 45].

И. Е. Ким предложил более подробную схему описания сфер общения. Исходной точкой описания является цель (функция), свойственная той или иной сфере деятельности в контексте жизни социума. Так, цель деятельности в сфере повседневного общения определяется как «воспроизводство существования человека как индивида», а цель деятельности в деловой сфере – как «воспроизводство существующих социальных отношений» [Ким, 2011, с. 44].

Второй параметр сферы общения, по И. Е. Киму, «типичный носитель языка», или коммуникативная среда. В бытовой сфере это «“обыватель” – человек, заботящийся о собственном благе и комфорте, а также о близких ему людях», тогда как в деловой – «“чиновник”, социальное лицо, действующее в пределах должностных

полномочий, которые... предусматривают действия с целью воспроизводства существующего порядка» [Там же, с. 45]. Другие участники общения, осуществляя коммуникацию в деловой сфере, также вынуждены действовать с учетом социальных отношений.

Третья характеристика – картина мира (одна или несколько), функционирующая в данной сфере. Она требует от средств языка подчинения определенным правилам. Так, картина мира в деловой сфере общения характеризуется как дискретная и статичная: «...Любой социальный объект, любая ситуация, любое положение дел представляет собой комбинацию фиксированных, существующих в номенклатуре, штатном расписании идеальных форм» [Там же]. Кроме того, данной картине мира присуща цикличность, поскольку жизнь, уже описанная в нормативных документах, лишь воспроизводится.

Четвертая характеристика сферы общения – стандартные условия коммуникации, которые влияют на требования, предъявляемые к речи. Так, устная публичность научной конференции требует от выступающего владения ораторскими навыками [Там же]. Повседневная сфера общения в этом аспекте реализуется, как правило, в устной контактной коммуникации, а деловая – в письменной дистантной.

Для описания условий общения, кроме того, используется понятие фактуры речи, введенное в широкий научный оборот Ю. В. Рождественским. Фактуры речи представляют собой результат типологизации способов производства знаков, которые определяются типами материалов и орудий речи. Выделяется четыре фактуры: устная, письменная, печатная и электронная, или массовая, коммуникация [Рождественский, 1996, с. 21]. С этим материальным аспектом коммуникации связаны такие ее динамические признаки, как технологизация производства языкового знака, изменение форм существования текста и знаний, вовлечение в коммуникацию новых участников (в том числе в «технической» функции: например, наборщик или дистрибьютор), увеличение функций коммуникации как таковой, тотализация и демократизация информационного пространства [Рождественский, 1996, 1997].

Из предложенных социолингвистических моделей коммуникативной ситуации наиболее четко, как нам представляется, взаимоотношение понятий сферы общения и коммуникативной среды описал И. Е. Ким, рассматривающий среду не как отдельный экстралингвистический фактор выбора языковых средств, а как одну из характеристик сферы общения.

Охарактеризуем НП сферу общения по данной модели ³.

Тематика НП-литературы в целом соответствует тематике научной литературы, и в этом отношении НП сфера общения производна от научной. Однако границы объекта изложения часто не совпадают с границами того же самого объекта в научной сфере. Это связано с **функциями** популяризации науки в обществе: если целью деятельности в научной сфере является производство новых знаний для расширения картины мира и дальнейшего применения, то общественной функцией НП-сферы является знакомство читателя с научными знаниями, процессами и событиями научной жизни, повышение интереса и доверия читателя к науке.

Следует отметить, что речь идет об общественной функции, то есть о цели существования сферы общения, а не о коммуникативных и некоммуникативных целях авторов конкретных текстов. Мотивы написания НП-статьи могут в той или иной степени соответствовать функциям сферы общения, а могут быть иными: например, желание поделиться интересными фактами или «производственная» необходимость сотрудника редакции в наполнении издания контентом.

Детализация функции НП сферы общения позволяет сформулировать следующие варианты ее реализации:

1) если у адресата до начала коммуникации отсутствовало какое-либо представление о данном фрагменте реальности, в результате коммуникативного акта у адресата появляется новое, научное знание, которое будет иметь для него статус истинного;

³ Следует сделать оговорку, что при описании автора и адресата мы ориентируемся на жанр НП-статьи, а не на другие жанры НП интернет-коммуникации, например уточняющий вопрос или комментарий неспециалиста, в которых коммуникативные роли носителей научного и дилетантского знания меняются местами.

2) если у адресата до начала коммуникации было искаженное, не соответствующее научным представлениям знание, в результате коммуникации исходное, наивное знание адресата о фрагменте реальности (знание₀) заменяется другим, научным (знанием₁), которое снимает статус истинности со знания₀, а само приобретает этот статус;

3) если у адресата до начала коммуникации было научное, но фрагментарное представление, после прочтения текста это представление дополняется и/или устанавливаются его связи с другими представлениями.

Функция НП сферы общения отражается на тематике текстов: в них могут описываться объекты, аналогичные и не аналогичные объектам научных текстов. Тематически тексты могут быть похожи на учебные (об устройстве фрагмента мира и применении этого знания), информационные (репортаж о научном событии), могут быть специфическими для НП-литературы (например, эмоциональные впечатления ученых о научном факте или новом методе исследования).

Среда общения в рамках НП-сферы характеризуется неоднородностью, которая обусловлена функционированием в ней различных **картин мира**.

Автор-специалист (ученый) по своей основной деятельности включен, как правило, в научную сферу, «привычную» для обсуждения научной тематики; при этом адресатами его текстов выступают коллеги, имеющие представление об объекте, подобное авторскому, и владеющие знаковой системой, позволяющей детализировать это представление.

Для автора-журналиста такой привычной сферой является общественно-публицистическая, при этом степень его владения научным содержанием может варьировать:

1) автор может иметь образование в данной области знания, не будучи ученым. Это значит, что он имеет минимальный исследовательский (учебно-исследовательский) опыт и общее представление о предмете. В процессе подготовки материала для статьи он осваивает научное содержание и может передать его без искажений;

2) автор может не являться специалистом в данной области знаний, и в процессе подготовки статьи он осваивает научный материал, чтобы передать его читателю в том порядке и в том объеме, который будет интересен и понятен, но подвергается риску получить и затем передать читателю искаженные представления о предмете;

3) автор может выступать как проводник научного знания, цитируя или пересказывая тексты ученых. Такая подача материала реализуется в форме пересказа с цитатами или интервью.

Адресат НП-статьи, как правило, неспециалист⁴, что ставит перед автором дополнительную задачу «перевода» языка описания научного объекта и стоящих за ним фрагментов картины мира для неподготовленного читателя. Кроме того, по сравнению с адресатом научных текстов, адресат НП-текстов в меньшей степени заинтересован в том, чтобы менять или дополнять свои представления об обсуждаемом фрагменте реальности. Читатели-специалисты не составляют основной аудитории изучаемых статей, поскольку интернет-сайты относятся, по классификации Т. А. Воронцовой, скорее к массовым медиаисточникам, чем к специализированным изданиям.

Адресат может регулярно иметь дело с текстами научной тематики в сфере образования (как правило, высшего). Эта сфера по своим характеристикам ближе к научно-популярной, чем к научной, поскольку в ней адресат-студент еще не является специалистом в полной мере; иными словами, разрыв между коммуникантами в их языке и представлениях об объекте в учебно-научной сфере велик. Однако в этой сфере адресат в соответствии со своей социальной ролью обязан совершать активные интеллектуальные действия для понимания и присвоения фрагмента научной картины мира, в то время как читатель НП-текстов такой обязанности не имеет. Кроме того, адресат учебно-научных текстов, в отличие от читателей в НП-сфере, имеет профессиональную мотивацию к активному пониманию.

⁴ Среда общения, сформированная читателями НП-статей, конечно, неоднородна, однако целевой аудиторией текста являются именно неспециалисты, по отношению к которым реализуется просветительский пафос автора и формируется недопустимая в научной коммуникации легкость тона и свобода формулировок.

Другой сферой общения, в которой адресат может обсуждать научные знания, является бытовая сфера. В ней обсуждение научных тем необязательно и поэтому случайно. Разговор, как правило, представляет собой коммуникацию между двумя неспециалистами – таким образом, когнитивный разрыв между коммуникантами меньше, чем в НП сфере общения. Если же коммуникация осуществляется между специалистом и неспециалистом, то в бытовой сфере ее участники знакомы друг с другом, и контактность общения позволяет скорректировать способ изложения, если нарушается принцип доступности и/или интереса.

В сфере популяризации псевдонаучных идей, с которой адресат может также иметь дело, тексты вступают в конкуренцию с НП-текстами и ослабляют их достоверность для читателя-неспециалиста.

Среда общения, вовлеченная в определенную сферу общения, тесно связана с бытующей в этой сфере **картиной мира**.

В НП сфере общения функционирует место научная картина мира в сложном взаимодействии с наивной картиной мира, потенциальным носителем которой является типичный адресат.

Различение научной и наивной картин мира берет начало в разграничении А. А. Потебней «ближайшего», то есть языкового, и «дальнейшего», то есть научного, значений слова. Впоследствии это разграничение разрабатывалось в трудах Д. П. Горского, А. В. Брушлинского, Л. С. Выготского; о наивном представлении о мире в отличие от научного писал Ю. Д. Апресян [1986, 1995], см. об этом также [Балашова, 2006, с. 114]. В. Б. Касевич выделил претендующую на центральное положение в различении научной и наивной картин мира пару диалектически связанных противопоставленных признаков – стремление к полноте и стремление к целостности: «Полнота знаний, по-видимому, мыслится вообще лишь как предел, к которому можно неограниченно приближаться, и уже поэтому целостность научной картины мира постоянно нарушается. Для наивной же картины мира ее целостность в каждый данный момент есть необходимое условие, без которого она во многом теряет свои адаптивные функции: разорванная и/или сущностно противоречивая (воспринимаемая в качестве таковой) “база знаний” не может служить

основой для приспособления к миру, для принятия жизненно важных решений» [Касевич, 1996, с. 78].

Исходя из состава картин мира, функционирующих в сферах общения, можно выделить две их разновидности: с гомогенной и с гетерогенной средой. К первым относятся такие сферы, в которых тематическое содержание освоено обоими участниками коммуникации примерно в одинаковой степени: это научная, деловая, бытовая и пр. сферы. Гетерогенность среды в сферах второго, «пограничного» типа заключается в том, что автор предъявляет адресату такое содержание, которое в деятельности адресата не является, как правило, предметом обсуждения. Помимо научно-популярной, к ним можно отнести политико-публицистическую, образовательную и т. п. сферы. Тематическое содержание таких сфер изначально принадлежит другим сферам с гомогенной средой (например, производственной, научной) и поэтому, попадая в «пограничную» сферу, требует «перевода», чтобы быть вписанным в картину мира адресата.

Среди **условий НП-общения** укажем те, которые влияют на коммуникативное поведение автора и адресата.

Традиционно в пределах средств массовой информации коммуникация в НП сфере общения реализовывалась преимущественно в печатной форме, за исключением документальных фильмов и публичных лекций. Рассматриваемый нами жанр НП-статьи находил свое материальное воплощение в виде текстов в специализированных журналах или в специализированных разделах других периодических изданий. Это означает, что адресат, как правило, входил в НП сферу общения осознанно и по своей воле (особенно если говорить о специализированных изданиях): границы этой сферы были маркированы в явном виде. Особенности коммуникации в этом жанре были дистантность и однонаправленность.

С появлением сети Интернет указанные характеристики НП-статьи (специализированность пространства, активность адресата) начали претерпевать некоторые изменения. В статье И. Е. Кима «Network Digital Communication from the General Philological Point of View: the Fifth Texture of Speech» [Kim, 2016] описана «пятая

фактура речи» – сетевая цифровая коммуникация. Среди ее особенностей существенное влияние на НП-коммуникацию оказывают следующие:

- 1) открытость сети и обусловленное этим требование к активности адресата;
- 2) «разобранность» знания, которое в таком виде содержится в базах данных ⁵;
- 3) наличие интерфейса – «посредника» между адресатом и базами данных, использование которого требует технической компетентности;
- 4) «демократизация» коммуникации, уравнивающая тексты различного качества и создающая условия для манипуляции сознанием;
- 5) обесценивание информации для адресата в связи с большим объемом доступной информации [Kim, 2016, p. 1589–1591].

Таким образом, функционирование жанра НП-статьи в сетевой цифровой коммуникации претерпевает следующие изменения. Наряду с хранением в специализированных пространствах (НП электронные СМИ, каталоги поисковых интерфейсов), он появляется в неспециализированных (социальные сети, результаты поисковых запросов и пр.), вступая в конкуренцию с текстами, включенными в другие сферы общения. К ним относятся сферы досуга, бытового общения в социальных сетях и блогах, массовой информации и псевдонауки. Таким образом, фактор «активности адресата» имеет две формы выражения. С одной стороны, читатель, целенаправленно ищущий НП-информацию, но не имеющий критериев проверки ее научности, может неосознанно попасть в сферу псевдонауки. С другой стороны, в НП-сферу может случайным образом попасть человек, не нацеленный на изменение своей картины мира. В таком случае перлокутивный эффект текста реализуется только тогда, когда текст не только содержит ответ на вопрос, но и ставит сам вопрос в форме, интересной для читателя ⁶.

Характеристики коммуникативной среды адресата, связанные с его картиной мира и коммуникативными целями, становятся, таким образом, неопределенными,

⁵ Несущественный для нашего исследования признак.

⁶ О прагматичности наивной картины мира, служащей «матрицей для структурирования опыта», см. в работе В. Б. Касевича: «...Наивная картина мира... в идеале дает ответы на все вопросы, которые может задать член соответствующего общества. Отсутствие ответов нормально говорит об отсутствии вопросов» [Касевич, 1996, с. 79].

и автору НП-текста приходится прилагать значительно больше усилий, чтобы создать текст, адекватный для обеих описанных ситуаций. Важность задач привлечения и удержания внимания и проблематизации наивной картины мира приводит к предположению, что авторы исследуемых текстов должны активно использовать арсенал воздействующих средств, в том числе механизмы вовлечения адресата в «сюжет» текста.

Таким образом, понятие сферы общения позволяет выявить и системно описать социальные и коммуникативно-прагматические характеристики автора и потенциального адресата научных текстов.

НП сфера общения является гетерогенной с точки зрения функционирующих в ней картин мира – наивной и научной, что вызвано ее производностью от научной коммуникации. Ее функция – приближение наивных, дилетантских читательских представлений о мире к научным, корректным, более полным и имеющим доказательную базу. В дальнейшем исследовании применена типология авторов НП-статьи: специалист (носитель научной картины мира и самостоятельный субъект речи), журналист-инициатор (носитель картины мира, приближенной к научной, самостоятельный субъект речи), журналист-транслятор (носитель наивной картины мира, адаптирующий речь ученого).

2. Теория аргументации в риторике и аргументативной лингвистике

В данном параграфе изложены теоретические основания аргументации, которая в нашей работе рассматривается как основное средство убеждения в НП-статье. Поскольку цель НП сферы общения состоит в присвоении читателем фрагмента научной картины мира, аргументация является важной частью семантики НП-текста и воздействия автора на адресата. Кроме того, выбор автором тех или иных способов аргументации демонстрирует, какие аргументы он считает приемлемыми для себя и для читателя.

2.1. Философские основания изучения аргументации как убеждения аудитории в приемлемости точки зрения автора

В настоящей диссертации аргументация НП-статьи изучается с позиций неориторики, в рамках которой способы доказательства тезиса оцениваются не в категориях истинности и логической правильности, а в понятиях убедительности и уместности, то есть исследуются «не только аргументы и способы их подачи, но и аудитория, которой адресованы эти аргументы» [Косарев, 2019, с. 178]. Это направление описано в работах [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971; Toulmin, 2003; Eemeren, Grootendorst, 2004; Walton, Reed, Macagno, 2008; Bentahar, Moulin, Bélangier, 2010; и др.]; см. также [Волков, 2009; Ивин, Никитина, 2017]; в более поздних работах [Korb, McConachy, Zukerman, 1997; Pasquier, Rahwan, Dignum, 2006] аргументация осмысливается в когнитивном ключе.

В отличие от понимания аргументации в классической, средневековой риторике и риторике Нового времени, когда она должна была следовать законам формальной логики и связываемым с ней категориям языка [Фефилов, 2014; Арно, Лансло, 1990], авторы неориторической теории аргументации Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека показали, что аргументация состоятельна, если большинство слушателей, которых хотят убедить, выражают согласие с защищаемой точкой зрения [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971]. Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст представляют аргументацию как речевой акт, имеющий иллокутивную цель «обосновать или опровергнуть выраженное мнение, убедить в приемлемости этого выраженного мнения» [Еемерен, Гроотендорст, 1994, с. 24]. Этот сложный речевой акт направлен на убеждение адресата – *разумного критика* [Еемерен, Гроотендорст, 2004, р. 2]. Ф. Х. ван Еемерен отмечает прагматическую природу аргументации: «...Ни одно высказывание не является “по своей природе” выражением точки зрения, аргументов или других речевых единиц, изучаемых в теории аргументации. Высказывание приобретает подобное свойство только в контексте, в котором оно выполняет определенную функцию в коммуникативном процессе» [Еемерен, 2006, с. 22]. Вводится понятие **точки зрения** (point of view) – высказывания, которое

«выражает положительную или отрицательную позицию автора в отношении содержания высказывания» [Там же, с. 23].

Другое ключевое понятие теории аргументации, применяемое в настоящем исследовании, – **схема аргументации**, или аргументативная схема. Она определяется как модель, с помощью которой аргументирующий «стремится так или иначе добиться “переноса приемлемости” с эксплицитной посылки на свою точку зрения... чтобы слушатель или читатель принял эту точку зрения...», «конвенциональные способы выражения связи между тем, что утверждается в посылке, и тем, что утверждается в тезисе» [Там же, с. 25]. Каждая схема содержит одну или несколько посылок, доказанных или принимаемых без доказательства, и вывод – доказываемое утверждение.

Приведем пример аргументативной схемы, выделенной Д. Уолтоном, К. Ридом и Ф. Маканьо [Walton, Reed, Macagno, 2008].

Аргумент от потери затрат (Argument from Waste).

Посылка₁: Если *a* перестанет двигаться к цели *A*, все предшествующие усилия, затраченные для движения к цели *A*, будут потеряны (“If *a* stops trying to realize *A* now, all *a*’s previous efforts to realize *A* will be wasted”) ⁷.

Посылка₂: Если все предшествующие усилия *a*, затраченные для достижения цели *A*, будут потеряны, это будет плохо (“If all *a*’s previous attempts to realize *A* are wasted, that would be a bad thing”).

Вывод (тезис) ⁸: Следовательно, *a* должен продолжать двигаться к цели *A* (“Therefore, *a* ought to continue trying to realize *A*”) [Там же, p. 326].

Кроме того, к некоторым схемам прилагаются «критические вопросы» (critical questions), направленные на подтверждение правомерности посылок и выведения из них тезиса и представляющие собой возможные вопросы оппонента [Там же, с. 8]. Так, к схеме «От потери затрат» прилагаются два вопроса: 1) возможно ли в настоящий момент движение к цели *A*; 2) если забыть прежние убытки, которые уже нельзя возместить, не требуется ли провести переоценку выгод от попытки достичь цель *A* и затрат на достижение, начиная с данного момента [Там же, с. 326].

⁷ Зд. и далее перевод наш. – Д. И.

⁸ В дальнейшем в описании схем и в примерах слово «посылка» обозначается буквой П, а слово «тезис» – буквой Т.

В нашем исследовании использована данная модель аргументативной схемы без критических вопросов: исследуемые нами тексты имеют монологический характер, и, следовательно, языковое выражение ответов на критические вопросы (или условий для удержания утверждения) за редким исключением отсутствует.

На основании выбранного автором текста вида аргумента всегда можно определить, «какие принципы, стандарты, критерии или общепризнанные факты были применены в той или иной попытке обосновать или опровергнуть тезис» [Еемерен, 2006, с. 26]. Используется понятие «топос» (или «топ») – «положение, которое признается истинным или правильным и на основе которого конкретное обоснование представляется убедительным» [Волков, 2009, с. 230]. Подчеркивается, что приемлемость аргумента достигается именно в пределах топосов [Там же].

По мнению А. А. Ивина, убеждения людей (критерии приемлемости аргументации) «столь же многообразны и изменчивы, как и сама человеческая жизнь, в ткань которой они всегда вплетены» [Ивин, 2016, с. 13], и невозможно составить их полный перечень или хотя бы предварительную классификацию [Там же, с. 12–13]. Однако А. А. Волков предлагает два основания для группировки топосов. Первое связано с аудиторией аргумента: общие («суждения, приемлемые для любой аудитории в пределах данной культурной общности»; впрочем, отмечается их неуниверсальность даже в конкретно-исторический момент) и частные («суждения, принимаемые лишь отдельными общественными группами») [Волков, 2009, с. 235]. Второе основание связано с различием формы и содержания: исследователь разделяет внешние, или содержательные, топы, представляющие собой «сочетание смысловых категорий, которые в совокупности выражают смысловую ценность, свойственную определенному мировоззрению или определенной культурной традиции», и внутренние, или логические, связанные с формами мышления (например, *вид – род*, отношения включенности вида в род и наследуемости видового понятия признаков родового) [Там же, с. 236].

Вообще анализ посылок аргументативных схем показывает, что их можно разделить на две группы: 1) топосы, или посылки-«правила», 2) посылки, в которых

констатируется факт / событие. Так, в схеме «От знака» (Приложение А, № 33⁹) посылка-топос – «Если есть *A*, то это указывает на *B*», а фактическая посылка – «*A* имеется»; в схеме «От незнания» (№ 32) посылка-топос – «Если бы *A* было истинно, то об этом было бы известно», фактическая – «*A* неизвестно».

Представляется также, что к топосам относятся и сама схема – способ выведения тезиса из посылок. В разных сферах общения могут считаться приемлемыми разные схемы. Так, если в НП-сфере приемлема схема «От примера» (№ 37), то в научной сфере, где, как правило, требуется соблюдение закона достаточного основания, употребления этой схемы для доказательства тезиса, скорее всего, недостаточно¹⁰.

Таким образом, применение той или иной схемы аргумента обусловлено его приемлемостью не только для автора, но и для адресата. При выборе способов доказательства тезиса автор моделирует потенциального адресата текста и определяет, какие аргументы соответствуют его убеждениям и могут быть приняты как убедительные и достаточные для подтверждения точки зрения, будут соответствовать его интеллектуальному уровню и не будут избыточными.

Для анализа аргументации в НП-статьях важно замечание Ф. Х. ван Еемерена об имплицитности некоторых элементов аргументативной схемы при ее реализации в речи: «невыраженные элементы смысла, которые присутствуют в диалоге лишь имплицитно, на практике часто являются основными компонентами аргументации», причем иногда такими невыраженными компонентами бывают и точки зрения (основные тезисы) [Еемерен, 2006, с. 24]¹¹.

В рамках неориторики предложено несколько классификаций аргументов (аргументативных схем, по Д. Уолтону, или аргументативных техник, по Х. Перельману).

⁹ Далее после названия аргументативной схемы в скобках указывается ее номер в Приложении А.

¹⁰ Об этом также см. [Брюшинкин, 2008].

¹¹ Подробнее о невыраженных посылках и их роли в структуре аргумента и аргументативной связности см. [Grennan, 1994].

В классификации Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки выделяются ассоциативные и диссоциативные аргументы. При использовании ассоциативных аргументов устанавливается связь между понятиями. Среди них выделяется три разновидности:

1) квазилогические аргументы (quasi-logical argument), например включение части в целое;

2) аргументы, основанные на структуре реальности (arguments based on the structure of reality), например каузальность;

3) аргументы, устанавливающие структуру реальности (the relation establishing the structure of reality), например проведение аналогии.

При использовании диссоциативных аргументативных техник происходит расщепление понятий, которые, на взгляд собеседника, составляют единое целое или «единую группу внутри некоторой мыслительной системы»: «dissociation modifies such a system by modifying certain concepts which make up its essential parts» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, p. 190].

Выделенные типы аргументов не являются изолированными: один и тот же фрагмент текста может быть интерпретирован различными способами. Так, высказывание *Если миром правит Провидение, то государству необходимо правительство* (*If the world is ruled by a Providence, the state requires a government*) можно считать реализацией квазилогической аргументативной схемы («то, что справедливо для целого, справедливо и для его части»), аналогией (схема, устанавливающая структуру реальности) и аргументом, основанным на отношениях сосуществования (структура реальности) [Там же, p. 192].

Д. Уолтон, К. Рид и Ф. Маканьо основывают типологию аргументов на другом принципе. В первую группу выделяются аргументы-рассуждения (дедуктивное, индуктивное, практическое и др.); во вторую – аргументы, основанные на источнике точки зрения (от знающего, от всеобщего признания и др.); в третью – аргументы, основанные на применении правил (например, на прецедентах); в четвертую входят цепочки аргументов, связывающих правила и случаи (например, «скользкий склон» и «парадокс кучи») [Walton, Reed, Macagno, 2008, p. 349–350].

Авторы данной классификации тоже делают оговорку о нестрогости и даже некоторой противоречивости классификации и о возможности отнесения одной схемы к разным типам или подтипам. Например, аргумент «От незнания» в разных контекстах использования может быть отнесен к группам «От знающего» и «От приверженности»; аргументы внутри группы «Применение правил» могут быть отнесены к нескольким подгруппам; то же относится к аргументам «Ad hominem» и «Ad populum» [Там же, р. 350–351].

В диссертации использована классификация схем аргументов, построенная на основе описанных выше классификаций, а также классификаций [Grennan, 1997; Katzav, Reed, 2004a, 2004b]. Она включает 49 схем, и в ней учитывается способ получения вывода из посылок и тип вывода: практический (направленный на изменение действий адресата) и теоретический (направленный на изменение его представлений)¹².

В фокусе нашего внимания находятся прежде всего теоретические аргументативные схемы, направленные на изменение картины мира, а не на совершение адресатом действия, поскольку задача НП-текста – изменить представление читателя о фрагменте мира, а не побудить к практическому действию. По этой причине детальное обсуждение в настоящей работе посвящено теоретическим аргументативным схемам. Мы разделили их на три группы по способу получения вывода:

– аргументы, основанные на представлении о структуре реальности и представляющие собой логическое или квазилогическое обоснование тезиса (например, аргумент «От частей к целому» или «От причины к следствию»);

– аргументы, демонстрирующие способы установления реальности или способы получения знания (например, экстраполяция примера или принятие «лучшего» объяснения как единственно верного);

¹² Рабочая классификация построена коллективом проекта РФФИ № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса» и в ходе анализа материала доработана нами: устранены внутренние противоречия и добавлены специфические для НП-текстов аргументативные схемы «От метода» (№ 40 в Приложении А), «От наличия других объяснений» (№ 41) и «От исследовательской процедуры» (№ 44).

– аргументы, представляющие собой ссылку на субъекта точки зрения (например, аргумент «От эксперта» или «Ad populum»).

Описание аргументативных схем и примеры их реализации см. в Приложении А данной диссертации. В нем схемы объединены в четыре группы: практические аргументы и три указанных типа теоретических схем.

Первая группа теоретических аргументов в наибольшей степени приближена к объяснительным и аргументативным конструкциям, подчиняющимся законам формальной логики. Некоторые из этих схем (например, «От причины к следствию», «От частей к целому») не противоречат логическим законам, другие относятся к квазилогическим аргументам. Такова схема «От части к целому»:

П₁: S истинно об A .

П₂: A – часть B .

Т: S истинно о B .

В данной схеме используются категории классической логики: *часть* и *целое* – однако грубо нарушается закон достаточного основания (один из четырех законов мышления): истинности суждения о части не всегда достаточно, чтобы утверждать истинность этого суждения о целом. Например, в ситуации, когда B – это пять яблок, A – одно из них, а S – красный цвет, то с точки зрения формальной логики данная схема не состоятельна: остальные (кроме A) четыре яблока могут быть не красными, следовательно, умозаключение «Истинно, что пять яблок красные» может быть ложным. (Ср. с ситуацией, в которой суждение S имеет квантор существования, где B – это доска, A – ее левый нижний угол, а S – наличие рисунка. В этом случае вывод аргументативной схемы «От части к целому» будет истинным: ‘На доске имеется рисунок’.)

Другая схема из первой группы – «От причины к следствию» в чистом виде тоже встречается редко. Схема состоит из двух посылок и вывода:

П₁: A – причина B .

П₂: Имеет место A .

Т: Имеет место B .

Эта схема соответствует законам формальной логики без оговорок.

Вторая группа аргументативных схем демонстрирует способы получения знания. К ней относится схема «От примера»:

П: В данном случае *S*.

Т: Во всех случаях *S*.

Другая схема в этой группе – «От знака», в которой, как правило, связывается явление / событие и его оценка или интерпретация:

П₁: Если есть *A*, то это указывает на *B*.

П₂: *A* имеется.

Т: Имеется *B*.

Третий тип аргументативных схем – ссылки на субъекта точки зрения. Пример – схема «От эксперта»:

П₁: *S* – эксперт в области *D*.

П₂: *S* говорит *A*.

П₃: *A* относится к *D*.

Т: *A* истинно.

Выбор типа и вида аргументативной схемы демонстрирует, каким образом автор НП-текста достигает своей цели – убедить читателя в состоятельности научной картины мира. Используя аргументы, основанные на структуре реальности, автор доказывает тезис с опорой на логические категории и объясняет научный объект в его связи с другими понятиями. Выбирая аргументы, демонстрирующие способы получения знания, автор показывает, как тезис был получен или как адресат может убедиться в его справедливости. Отдавая предпочтение ссылкам на субъектов точки зрения, автор передает ответственность за корректность тезиса другим людям – более компетентным, осведомленным, большинству людей и т. п.

2.2. Когнитивные основания и языковые средства аргументации в лингвистических теориях

В данном разделе изложены основные лингвистические подходы к исследованию аргументативного (убеждающего) воздействия автора на адресата и выявлены языковые средства выражения аргументации.

Собственно лингвистическое изучение аргументации в русском языкознании связано, прежде всего, с именем А. Н. Баранова, докторская диссертация которого является первым обобщающим трудом в этой области и направлена на «построение лингвистической теории аргументации, ориентированной на когнитивную модель аргументирования в рамках русского коммуникативного дискурса» [Баранов, 1990а, с. 4].

Когнитивная модель аргументации А. Н. Баранова основана на том, что в процессе аргументативного воздействия новые знания вводятся в модель мира адресата и модифицируют уже существующие знания. Этот процесс называется онтологизацией знания. Двумя основными параметрами онтологизации знания являются, во-первых, верифицируемость (принятие решения носителем знания об истинности или ложности информации) и, во-вторых, доступность (объем временного и др. ресурсов, которые требуются носителю знания, чтобы начать его использовать «в процессе функционирования системы (человека)»). Последний параметр характеризуется активированностью – неактивированностью (то есть степенью готовности к использованию) и эксплицитностью – имплицитностью (степенью осознанности для субъекта) [Там же, с. 12].

В процедуре понимания аргументативного высказывания, которую с некоторыми ограничениями можно назвать процедурой достижения результата аргументативного общения, выделяется два этапа: построение адресатом концептуального образа описываемой ситуации и интеграция этого образа в модель мира. В соответствии с этим выделяется номинативная аргументация, которая используется для навязывания адресату концептуальных рамок восприятия описываемой ситуации (например, в высказывании *Бутылка наполовину полна* выражается идея достаточности ресурсов; также широко используется метафоризация), и интегративная, разделяющая всё множество передаваемых смыслов на более и менее важные слои, на более или менее важные составляющие, при этом более важные компоненты смысла выносятся в содержание пропозиции; в качестве средств иерархизации широко используются служебные слова, например частица *даже*, выделяющая

известное адресату, а значит менее важное знание, и отделяющая его от нового, более значимого [Там же, с. 13].

Рассматривая прагматический аспект естественной языковой аргументации, А. Н. Баранов помимо логической правильности аргументов выделяет два типа отношений, влияющих на успешность коммуникации: «говорящий vs. акт аргументации (лингвистическая прагматика)» и «говорящий vs. слушающий (прагматика коммуникантов)» [Там же, с. 17]. В основе этих показателей лежат условия успешности аргументации, которая рассматривается как речевой макроакт. Типология условий успешности и эффективности речевых актов разработана Дж. Серлем и Д. Вандервекеном [Серль, 1986; Vanderveken, 1999]; условия успешности аргументативного речевого акта впоследствии также описывали Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст [Еемерен, Гроотендорст, 1994; Eemeren, Grootendorst, 2004]. Эти условия, по словам А. Н. Баранова, «задают те социально и культурно зависимые рамки употребления высказывания, которые обеспечивают его нормальное функционирование и дают возможность говорить о его уместности», уместность же понимается как «факт признания слушающим прав говорящего на произнесение в данной ситуации данного типа речевого акта» [Баранов, 1990а, с. 17]. Среди описанных им условий для понимания прагматической природы аргументации необходимо выделить первое из условий искренности: «говорящий считает, что тезис истинен, и хочет, чтобы слушающий знал, что тезис истинен и/или почему тезис истинен» [Там же, с. 18].

Отмечается связь макроакта аргументации с другими речевыми актами: например, с оцениванием и приведением примеров (экземплификацией), которые могут быть частью аргументирования, а могут преследовать самостоятельную цель.

Исследователь предлагает две типологии языковых единиц: в первой, лингвистической, учитывается их речевое поведение и отношения между элементами аргументативного речевого акта, вторая учитывает когнитивные процессы аргументирования и восприятия аргументации (онтологизации знания и др.). Часть этих показателей (преимущественно выражающих модусный компонент значения

высказывания) являются средствами выражения отдельных видов аргументов (например, предикат *общеизвестно* или глагол речи в главной части сложноподчиненного предложения), другие только указывают на ее наличие (например, *действительно* – маркер начала аргумента) [Баранов, 1990б, с. 198–221].

Исследование А. Н. Баранова выполнено в когнитивном русле, то есть отправной точкой для выявления аргументативной семантики в нем являются мыслительные процессы аргументирующего автора и мыслительные процессы адресата, осуществляющего онтологизацию полученного знания. В настоящем диссертационном исследовании мы отталкиваемся от социолингвистического понятия НП сферы общения, поскольку наиболее существенными считаем условия коммуникации, которые в большей степени определяют специфику данной речевой практики. Однако несколько положений, вынесенных А. Н. Барановым, представляются нам безусловно ценными и в рамках наших задач: параметры онтологизации знания (верифицируемость и активированность) позволяют уточнить функцию НП сферы общения, а процитированное выше условие успешности макроакта аргументации – указать на размытость границы между аргументацией и объяснением.

В когнитивно-прагматическом ключе интерпретируются также лингвистические проблемы аргументации в следующих исследованиях: [Гудкова, 2006; Кремер, 2007; Куликова, 2010; Губанов, Викторов, Кожемякова, 2020; Щербаков, 2020; и др.]; изучению особенностей аргументации в общественно-политическом, правовом, деловом, рекламном и др. дискурсах посвящены работы [Амиров, 2020; Иванова, 2012; Иванова, Никитина 2019; Куликова, Коростелева, 2019; Парунова, 2019, 2020; Zhmakina, 2020].

О. В. Куликова рассматривает взаимодействие «нормативной модели» аргументации и «модели собеседника», в которую, по задумке говорящего, должен вписаться его тезис. Целью аргументации автор статьи считает «восстановление нарушенной когерентности системы убеждений адресата» [Куликова, 2010, с. 104]. Выбор вида аргумента рассматривается как выбор стратегии аргументации, которая может быть обусловлена, в частности, содержанием доказываемого утверждения или источником обоснования. В качестве примеров приводится использование

стратегии «обращение к авторитету», когда источником обоснования события является третья сторона; стратегии «обращение к расхожему мнению» – при постановке гипотезы относительного физического закона, который признают все; стратегии «привлечение результатов эксперимента» – если нужно доказать закономерность явления, которое описывает физический закон [Там же, с. 102–104].

А. Р. Губанов, О. Н. Викторов, Е. А. Кожемякова и др. представляют когнитивную модель аргументации как фрейм, в котором разворачивается процесс принятия решений под влиянием аргументации. Во фрейме выделяется восемь классов-компонентов (компонентов когнитивной ситуации), связанных с этапами влияния на решение адресата. Регулятивные средства аргументативного дискурса классифицируются следующим образом:

1) выражения, используемые для расширения или сужения сферы действия тезиса: *кванторные слова, выражения в целом, в особенности, главным образом;*

2) маркеры аргументативного диалога:

а) пропозициональные показатели аргумента: *общеизвестно, действительно, во-первых, вдобавок, кроме того* (маркируют начало аргумента или связь между отдельными аргументами);

б) контекстные: *стало быть, таким образом, следовательно, а то и пр.* (маркируют связь тезиса и посылок);

3) маркеры, «опирающиеся на базовые компоненты естественной языковой аргументации», классифицированы аналогично собственно языковым средствам в смысловой классификации аргументативных маркеров А. Н. Баранова – по типу выражаемых отношений: «аргумент – источник», «говорящий – адресат», «аргумент – истинность», «аргумент – действительность»;

4) маркеры темпоральных особенностей аргументов: *во-первых; рассмотрим;*

5) маркеры, указывающие на переформулирование элементов текста: *иными словами, так сказать* [Губанов, Викторов, Кожемякова, 2020, с. 244].

К. В. Гудкова исследует аргументацию «как совокупность апелляций к когнитивной базе собеседника», в частности к концептам [Гудкова, 2006, с. 97].

Обращение к разным слоям концепта, предметно-образному или ценностному, определяет вектор аргументации, логический или риторический.

Другое направление в исследовании аргументации в российской лингвистике представлено работами А. А. Волкова. Эти работы выполнены в рамках классической риторики, в которой аргументация связывается прежде всего с формальной логикой [Волков, 2009, с. 13]. Структура аргумента включает схему (понятие близко к понятию схемы аргумента, рассмотренному в разделе 2.1), топ (общее место – утверждение, признаваемое аудиторией как истинное или правильное, на котором основывается аргумент, например ценностное суждение) и словесный ряд (редукцию – лексико-синтаксическое оформление аргумента, создающее с помощью семантических связей, многозначности и др. свойств языкового знака «языковую картину мысли»). Исследователь отмечает, что часто решающую роль в убеждении аудитории, особенно «этически некомпетентной», имеет словесное выражение, поскольку в реальной аргументативной практике восстановление и анализ имплицитных посылок, топов и логической формы аргумента оказывается невозможным [Там же, с. 228–235].

Типология топов и отчасти коррелирующая с ней типология аргументов связаны с категориями мышления, с представлениями об устройстве мира, с ценностями и т. п. Неполнота корреляции этих типологий объясняется важной ролью словесного выражения аргумента с его многозначностью, а также сложностью критериев убедительности аргумента (так, аргументы к авторитету могут содержать и логические схемы). Выделяется три основных типа аргументов: к реальности (к факту или к логике), к авторитету (к личному или безличному авторитету) и к аудитории (к человеку, к цели и пр.). Отмечается, что обращение к реальности влечет за собой оценку аргумента с позиций истинности / ложности, к авторитету – с позиций правильности / неправильности, к аудитории – с позиций прагматической приемлемости [Там же, с. 313]. Отмечается, что монологической речи свойственна бóльшая общность топики, чем в диалогической, а диалогической – бóльшая четкость и простота схем и редукций аргументов [Там же, с. 311–312]. Словесный ряд

аргумента формируется пяти образами: ролевыми (автора, оппонента и аудитории) и нарративными (предмета речи и инстанции аргументации).

Среди важных средств разделения и обсуждения позиций, выраженных в ролевых образах, А. А. Волков отмечает прежде всего использование местоимений 1-го, 2-го и 3-го лиц с различной референцией, соответствующих глагольных форм и наименований множеств лиц. С их помощью говорящий может объединять себя с аудиторией и отделяться от нее, отграничиваться от оппонентов, включать аудиторию в круг лиц, разделяющих то или иное мнение, и т. п. На уровне композиции текста выделяется помещение критики оппонента в кульминации этического конфликта, а также синтез описательной, повествовательной форм и рассуждения: фрагменты текста, написанные в этих формах, произносятся от лица автора, аудитории, автора и аудитории, оппонентов или другого множества людей, тем самым ритор наглядно демонстрирует разные позиции и приводит слушателей к аргументируемому выводу. На уровне синтаксических средств отмечается использование различных риторических фигур, в частности фигуры уступления, приращения, предупреждения, концессию (развитие точки зрения оппонента, которое опровергает эту точку зрения). На лексическом уровне отмечается выбор лексем с отрицательным значением или коннотацией для обозначения оппонента и помещения рядом с его номинациями [Там же, с. 350, 353–354, 356–359, 361–365].

Образ предмета речи значительно варьирует по объему и сложности в зависимости, во-первых, от того фрагмента действительности (реальной или условной), который берется ритором в качестве предмета, и, во-вторых, от сложности риторической формы. По словам исследователя, этот элемент системы образов речи может развиваться в отдельную подсистему, включающую лиц, события, факты и др. Стандартные средства выражения факта и проблемы – описание и повествование, однако они во взаимодействии с другими образами, в том числе ролевыми, приобретают сложные формы [Там же, с. 366–367]. Образ инстанции аргумента связан с выбором типа аргумента и предпочитаемым источником доказательства: реальности, авторитета или аудитории [Там же, с. 386].

Аргументация в системе указанных образов представляется ученым прежде всего как противопоставление мнений ратора и оппонента. Демонстрация этих позиций, последовательная компрометация и опровержение доказательств оппонента должны привести слушателей к пониманию справедливости позиции ратора [Там же, с. 379].

Конкретные языковые средства выражения аргументации рассматриваются в третьей группе работ, выполненных в семасиологическом ключе: [Иоанесян, 2011; 2020; Волкова, Мишланов, Салимовский, 2019] и др. В них представлен анализ поведения отдельных языковых средств в аргументативном контексте, однако в рамках этого подхода невозможна полная или хотя бы целостная классификация языковых средств выражения аргументации.

Наиболее подробно лингвистические особенности аргументации описаны в работах Е. Р. Иоанесян. Исследуя имплицитность в русском аргументативном дискурсе, автор отталкивается от средств выражения (а не от модели аргументации) и выявляет аргументативные значения высказываний, демонстрируя несовпадение логических и аргументативных импликаций. Данный подход основан на разработках французских лингвистов в области теории аргументации [Anscombre, Ducrot, 1979; 1983; Olivier, 1985; и др.]. Основное положение этой теории заключается в том, что «смысл высказывания содержит в качестве одной из своих составляющих компонент, который можно назвать аргументативной силой высказывания» [Иоанесян, 2011, с. 157]. Аргументативная сила имеет место в аргументации (аргументативном дискурсе), когда говорящий использует одно высказывание, чтобы с его помощью доказать / подтвердить истинность другого.

Аргументативная сила содержится, с одной стороны, в некоторых лингвистически специфичных (неуниверсальных) языковых единицах. Пример на русском языке – конструкция *P, и кто (P)?*, рассмотренная выше; на французском языке – фраза *Comment P?* ‘Как *P*?’, или (эксплицируя аргументативную структуру) *Comment P, alors que Q?* ‘Как [может быть] *P*, когда [имеется / произошло] *Q*?’ [Там же, с. 186].

С другой стороны, многие языковые единицы обретают свое аргументативное значение только в аргументативном высказывании, как, например, союз *но* или кванторное местоимение *кто угодно*. Они имеют «ограничения на тип выводов, в пользу которых они могут использоваться в качестве аргументов» [Там же, с. 210]. Аргументативное значение таких единиц «не выводимо из значения единицы на основе речевых постулатов», то есть не является импликатурой дискурса, как и не является частью значения слова. Так, в высказывании *Вода из крана течет (=P), но тонкой струйкой (=Q)* чисто логически союз *но* объяснить сложно: противопоставляются высказывания *Вода течет* и *Вода течет неинтенсивно*, которые друг другу не противоречат. Однако «фразы... с деинтенсификаторами... аргументативно координированы с соответствующими отрицательными предложениями *Вода из крана не течет...*» [Там же, с. 4, 8–9].

Конструкции типа *P, но кто (P)! / P, но кому (P)! / P, но как (P)! / P, но сколько (P)!* имплицитно положительную или отрицательную оценку актанта предиката *P*, например: *Кажется – все говорят – удалось. Но какой ценой!* Конструкции с союзом *и* типа *P, и кто (P)! / P, и как (P)! / P, и где (P)!* чаще имплицитно положительную оценку актанта предиката *P*: *Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию!* Аналогичная конструкция в вопросительном предложении (типа *P, и кто (P)?*), напротив, указывают на негативную оценку соответствующего актанта: *<...> и вот теперь он, этот самолюбивый и самоуверенный человек, повержен во прах и – кем?* [Иоанесян, 2020, с. 63–66]¹³.

Семантика предложений с квантором всеобщности, выражаемым единицами *любой, всякий, какой угодно* и пр., отличается от их логической интерпретации, когда утверждается равенство элементов множества. В ряде случаев кванторные слова «свидетельствуют об ориентации говорящего не на всю шкалу X, а только на крайние точки этой шкалы». Так, в высказывании *В условиях безработицы <...> люди соглашались порой на любую работу и любые оклады* словосочетание *на любую работу* означает ‘на самую тяжелую работу’, *любые оклады* – ‘самые низкие

¹³ Об осложнении семантики союзов *и* и *но* в подобных контекстах см. также [Прияткина, 2007, с. 153, 169–170; Санников, 2008, с. 246–248, 284–290].

оклады' [Там же, с. 67]. Кроме того, отмечается, что конструкции типа «любой + слово-эталон» могут имплицировать и оценку: *В ту же секунду у принявшего его обострялось обоняние, да так, что любая собака может просто отдыхать 'обоняние становилось очень острым, сильнее, чем у собаки'* [Там же, с. 69].

Аналогично оценочное значение могут принимать единицы, выражающие модус безразличия, включая некоторые кванторные слова (*не важно кто, кто угодно* и т. п.): выражение *не важно, какая зарплата* подразумевает ориентацию на негативный полюс шкалы «большой – маленький» – 'маленькая' (зарплата); напротив, высказывание *Не важно, каких усилий это стоит* имплицитно означает значение 'большие усилия' [Там же, с. 71–73].

Отдельная глава книги Е. Р. Иоанесян посвящена семантике аргументативных предикатов. В русском языке к ним относятся предикаты *не знать, неизвестно, не представлять (себе)* и т. п. Конструкция *S не знает, P ли* аргументирует (или имплицитно выводит) вывод 'не P', или 'P не имеет места': *Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей постоянно приятных, людей постоянного характера, людей, с которыми можно прожить век и не поссориться, – я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей* (Н. В. Гоголь) 'таких людей отыскать трудно, таких людей мало'; *Сколько под ними безвестно полегло народу – я не знаю, живет ли там столько сейчас* (Г. А. Бакланов) 'сейчас там столько людей не живет'. В основе этого (и подобных) аргументативных значений лежат максимы – в данном случае «Раз я не знаю, имело ли событие P место, значит, события P не было» (или «Если бы событие P имело место, я бы знал об этом») [Там же, с. 11–15]. Аналогичная максима лежит в основе аргументативного употребления неопределенных местоимений *почему-то, зачем-то* и т. п.: их прямое значение 'говорящему неизвестна причина / цель действия' в аргументативном дискурсе может сменяться значением 'веской причины нет / не нужно было этого делать'. Примеры таких употреблений: *Иван ужасный болтун – зачем-то рассказал о проверке Павлу; Она почему-то считает себя неотразимой красавицей.*

Эта максима подобна посылке-топосу аргументативной схемы «От незнания» (№ 32): «Если бы A было истинно, то об этом было бы известно».

Другое значение конструкции *Неизвестно P(X)* (*Неизвестно, когда P, Неизвестно, кто P* и т. п.) заключается в ориентации вывода на возможность неблагоприятного исхода ситуации или в указании на негативный полюс шкалы вариантов: *И без того бояр неведомо куда на воеводства садят, а он захотел еще дальше их загнать* (П. П. Бажов) ‘далеко, в глушь’; *Готовились тут я не знаю сколько веков отсиживаться... жратвы, не поверишь: мы три холодильника выели, еще тридцать семь осталось* (А. Лазарчук) ‘долго’.

Конструкция *Возможно / может быть / конечно, P, но Q* принимает значение ‘Я допускаю, что ты прав, и пропозиция *P* действительно является истинной, но знаю, что истинна и пропозиция *Q*’: *Возможно, этот метод и не нов, но он дает самые точные результаты; Вы выводите формулу оптимальной модели общества, она, возможно, замечательна, но в жизни все происходит по-другому* (В. Молчанов); *Ваня, конечно, глуп, но у него большие связи.*

Таким образом, подход теории аргументации Х. Перельмана, Д. Уолтона и др. и когнитивный подход А. Н. Баранова имеют ономаσιологический характер: отправной точкой для исследователей являются семантические конструкторы – схемы аргументации либо когнитивные модели аргументирования, и задачей такого лингвистического исследования становится поиск языковых средств выражения. Подход Е. Р. Иоанесян имеет семасиологический характер: отталкиваясь от языковых средств, исследователь формулирует аргументативные значения (ограничения на выводы) и максимы коммуникации.

В настоящем исследовании мы руководствуемся ономаσιологическим подходом и рассматриваем две возможности репрезентации отношения автора к адресату в аргументации.

Во-первых, аргументация реализуется в полемике автора с субъектом другого мнения, которое реконструируется и эксплицируется. Эти фрагменты требуют аналитического описания с выявлением точек зрения автора и адресата.

Во-вторых, схемы аргументов содержат эксплицитные посылки-топосы либо, при их отсутствии, правила выведения одних суждений из других. Так, в схеме «От причины к следствию» (№ 24) это первая посылка «*A* – причина *B*», в схеме «От

знака» (№ 33) – первая посылка «Если есть *A*, то это указывает на *B*», а в схеме «От цели» (№ 1) – правило, которое можно сформулировать как «Если действие *A* приводит к реализации нашей цели, это действие нужно совершать». Эти правила не универсальны. Они представляют собой в некотором роде гносеологические ценности – убеждения о том, какие доводы могут служить доказательством тезиса, а какие нет. Таким образом, при выборе аргументативных схем автор НП-текста демонстрирует, во-первых, свои гносеологические убеждения, а во-вторых, свои ожидания от убеждений читателя. Для характеристики аргументативного воздействия автора НП-статьи на адресата необходим подсчет употреблений различных видов аргументов и выявление основных аргументативных стратегий.

Исследователями выявлены маркеры некоторых аргументов и аргументативных связей. Среди первых преобладают языковые единицы, содержащие указание на субъекта: предикаты восприятия, мнения и т. п., прямые указания (номинации и характеризующие конструкции) на субъектов мнения. Ко вторым относятся прежде всего метаречевые конструкции и другие единицы, демонстрирующие отношения между элементами содержания (*во-первых, помимо этого, следовательно* и пр.). Кроме того, наблюдения Е. Р. Иоанесян позволяют обнаруживать имплицитные элементы аргументации: их необходимо восстанавливать в тех фрагментах текста, в которых значение высказывания не выводится из семантики языковых единиц (лексических и синтаксических) и речевых постулатов.

3. Субъектная организация и репрезентация участников коммуникации в тексте. Субъектная организация научно-популярной лингвистической статьи

В данном параграфе рассматриваются способы репрезентации участников коммуникации с помощью текстовых персонажей. В отечественной филологии эти механизмы изучаются в исследованиях по поэтике и лингвистике нарратива, в семантическом синтаксисе и теории референции. В рамках первого из указанных

направлений разработано понятие субъектной организации текста – соотношения участников прагматической ситуации, лиц и социальных субъектов, позиция которых представлена в тексте, а также персонажей текста, входящих в его «референтное пространство», то есть участников событий и носителей сюжетных функций. Семантический синтаксис и теория референции предоставляют аппарат для описания репрезентации участников коммуникативной ситуации в тексте. В семантическом синтаксисе нам необходимы прежде всего отношения модусной, «субъективной», и диктумной, «объективной», частей высказывания и средства их выражения. Теория референции позволяет определить круг лиц и реалий, включая автора и адресата, являющихся референтами или включенных в состав референта языковых выражений (далее – ЯВ), актуализированных в тексте.

Данный раздел диссертации содержит обзор основных нарративных исследований, описывающих репрезентацию коммуникантов в тексте, включая работы по нарративному синтаксису. В следующем параграфе (4) изложены ключевые для нашего исследования положения теории референции.

В обзор нарративных исследований включены исследования «образа автора» [Виноградов, 1971, 1980в] и субъектной организации текста [Корман, 1992а]. Материалом для таких исследований являются в основном произведения художественной литературы. Это, вероятно, вызвано представлением исследователей о художественной литературе как о «высшей форме вербально-коммуникативной культуры» [Тюпа, 2020, с. 6], в которой многослойность и многосубъектность проявляется ярче всего и поэтому особенно очевидна. Реальность, создаваемая НП-текстом, значительно отличается от художественного мира, в большей степени автономного от мира биографических коммуникантов. Таким образом, наша задача заключается в выявлении принципов описания текстовых субъектов, используемых исследователями, и их последующей конфигурации для дальнейшей характеристики субъектов НП-коммуникации. В значительной степени это современные лингвистические исследования нарратива, например труды Е. В. Падучевой, которая разрабатывала средства анализа, принципиально применимые к различным текстам [Падучева, 2010б].

Вторая задача данного параграфа заключается в описании ЯВ, выражающих соотношенность коммуникантов и текстовых персонажей. Для этого произведен обзор исследований нарратива, в которых разработаны понятия «своей» и «чужой» речи и – более конкретно – понятия «точка зрения» (отличное от понятия точки зрения в теории аргументации), «авторизация» и «адресация». Три последних термина характеризуют субъектов, от лица которых и в интересах которых может произноситься высказывание, восприниматься, описываться или оцениваться происходящее, вводится информация в привязке к одному из коммуникантов («авторизация» и «адресация») либо без такой конкретизации («точка зрения»). Понятия «авторизация» и «адресация», впрочем, включают не только «цитирование» слов, фраз, высказываний и рассуждений субъекта, соотносимого с автором и/или адресатом, но и любое указание на последних.

В нехудожественных текстах, к которым принадлежит НП-статья, задача выявления языковых средств выражения субъектной организации связана, прежде всего, с описанием референции ЯВ, обозначающих лицо или группы и множества лиц.

3.1. Субъектная организация текста в исследованиях поэтики и нарратива

Термин «субъектная организация» текста, введенный в работах Б. О. Кормана, определяется как «соотношенность текста с субъектами речи» [Корман, 1992а, с. 162]. Субъектами речи называются «те, кому приписан текст», то есть человек, от лица которого идет изложение [Корман, 1992б, с. 120]. Субъекты речи различаются по степени «близости к автору» и объектности: «Субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем... Чем в большей степени субъект речи становится определенной личностью, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию... повествователь ближе других субъектов речи к автору, а рассказчик в сказовом произведении дальше других субъектов речи от автора» [Корман, 1992а, с. 61–62]. Автор выделяет формально-субъектную и содержательно-субъектную организацию, первую –

на основании формальных признаков, вторую – «по мироотношению и стилю» [Там же, с. 62].

Понятие субъектной организации текста обладает высоким объяснительным потенциалом, который мы реализуем, имея в виду соотношение не только субъектов речи, но и участников прагматической ситуации и персонажей – участников сюжетной стороны текста. Рассмотрим явления, связанные с субъектной организацией, которые выявлены учеными в исследованиях нарративного текста.

Репрезентация «авторской» и «чужой» речи подробно изучена в исследованиях поэтики и нарративного текста [Эйхенбаум, 1919; Волошинов, 1930; Бахтин, 1994; Виноградов, 1971, 1980в; Успенский, 1995; Падучева, 2010б; и др.]. Для нашей диссертации наиболее ценными являются следующие положения этих работ.

1. Тексты различаются по степени четкости границ между авторской и чужой речью и по степени сохранения индивидуальных особенностей последней в противовес преобладанию предметного содержания [Эйхенбаум, 1919, с. 151–153; Волошинов, 1930; Бахтин, 1994, с. 399–405]. Примером текста с четким обозначением границ чужой речи и преобладанием предметного содержания является научная литература; напротив, пример текста с размытыми границами и сохранением индивидуальности чужой речи – сказ.

2. Биографический автор и субъекты, от лица которых ведется повествование, могут не совпадать. Среди вторых выделяются «всеведущий» повествователь, находящийся за пределами художественного мира, и рассказчик, включенный в художественный мир [Успенский, 1995, с. 19; Падучева, 2010б, с. 201–206]; В. В. Виноградов отделяет участвующего в сюжете персонажа от рассказчика, находящегося на периферии событий [Виноградов, 1980в, с. 204–209]. Для обозначения субъекта речи используется термин «точка зрения» [Успенский, 1995; Падучева, 2010б].

3. Точка зрения может проявляться не только как маркирование субъекта речи, но и в других планах: идеологическом (представления о мире), стилистическом (отбор языковых средств), пространственно-временном (место и время – реальные

и/или художественные), психологическом (восприятие мира) [Успенский, 1995, с. 15–16, 19, 50 и далее], дейктическом / референциальном (способы идентификации объекта и указания на него) [Падучева, 2010б, с. 245–249, 262].

4. Повествование не всегда помогает точно определить пространственный и временной параметры точки зрения, ее отнесенность к художественному миру и т. п. [Успенский, 1995, с. 124–126].

Особенностью поэтико-лингвистического подхода к субъектам нарративного текста является подход «от среднего уровня» – от специфической позиции нарратора, проецируемой на персонажный и прагматический уровень. Таким образом, заявляя о трехуровневости системы субъектов текста – автора-адресата / нарратора / персонажей, филологи, работающие в рамках теории «точки зрения», центральной считают позицию нарратора / повествователя / рассказчика (как в поэзии – лирического героя).

Тексты НП-сферы также характеризуются сложной субъектной организацией, однако если для нарративного текста второй уровень связан только с сюжетно-фабульной стороной содержания и его «авторством», то для НП-текста, ориентированного на убеждение адресата в правильности научной картины мира, он связан также с аргументативной стороной содержания, в которой важно не проникновение во внутренний мир персонажа, не сведение позиций во времени и пространстве, а аргументативная структура текста и типичные аргументативные схемы. Это означает, что на втором уровне (уровне нарратора) релевантна авторизация аргументов и различение поддерживающих (доказывающих) и конфликтных (опровергающих) аргументов. Поэтому субъектами этого уровня выступают носители мнения о языке – специалисты и дилетанты.

В субъектной организации НП-текста участники прагматической ситуации образуют первый, прагматический, уровень, на котором реализуются в том числе целевые установки коммуникантов. Для разделения сюжетного пространства текста на уровни требуется уточнение, связанное с тематикой статей.

Каждый научный объект в реальности по-разному актуализируется для читателя. Это связано с особенностями взаимодействия человека в его повседневной

жизни с разными явлениями действительности, с тем, на какие вопросы читателя может ответить научное знание. Так, повествование о Меркурии как астрономическом объекте может отвечать на следующие вопросы:

- *Как я могу представить себе размер другой планеты?*
- *Сможем ли мы когда-нибудь жить на Меркурии?*

В статьях по медицине предметом таких вопросов может стать возможность и способы лечения заболевания, потенциально грозящего любому человеку (см., например, статью М. Пантелеева «Искусственная кровь»¹⁴).

Объектом статей на лингвистическую тематику так или иначе является язык, что позволяет ввести в текст ряд опосредованных им отношений. Во-первых, и автор, и адресат являются носителями языка (либо русского, либо языка как такового). Это наиболее вероятная позиция, в которую может вступать адресат на сюжетном уровне, однако автор по отношению к языку может выступать еще и исследователем (что характерно для автора-ученого). Конечно, адресат может примерить на себя и роль исследователя, но в редком случае, когда автор описывает гипотетическую или экспериментальную ситуацию, как в примерах выше. И, наконец, автор может представить адресата носителем мнения о языке, как правило, наивного.

Таким образом, сюжетное пространство НП-текста лингвистической тематики делится на два уровня (уровень исследования и обсуждения языка и уровень практики, употребления языка). В этом случае субъектная организация НП-текста на лингвистическую тему представлена тремя уровнями:

1) прагматическим, на котором воздействие автора на адресата отражается в коммуникативных и метаречевых особенностях текста;

2) уровнем знания / мнения о языке, на котором специалистами реализуются процесс и результаты изучения языков и речевой деятельности, а также их взаимодействие с дилетантами в виде экспертных и наивных оценок языковых фактов;

¹⁴ Пантелеев М. Искусственная кровь // Постнаука. 2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/71657> (дата обращения 26.12.2021).

3) уровнем использования языка, отражающим речевые практики его носителей, процессы коммуникации, порождения и восприятия речи, строение соответствующих органов человека, его психическую деятельность, связанную с этими процессами.

Схема субъектной организации НП-текста представлена на рисунке 1.

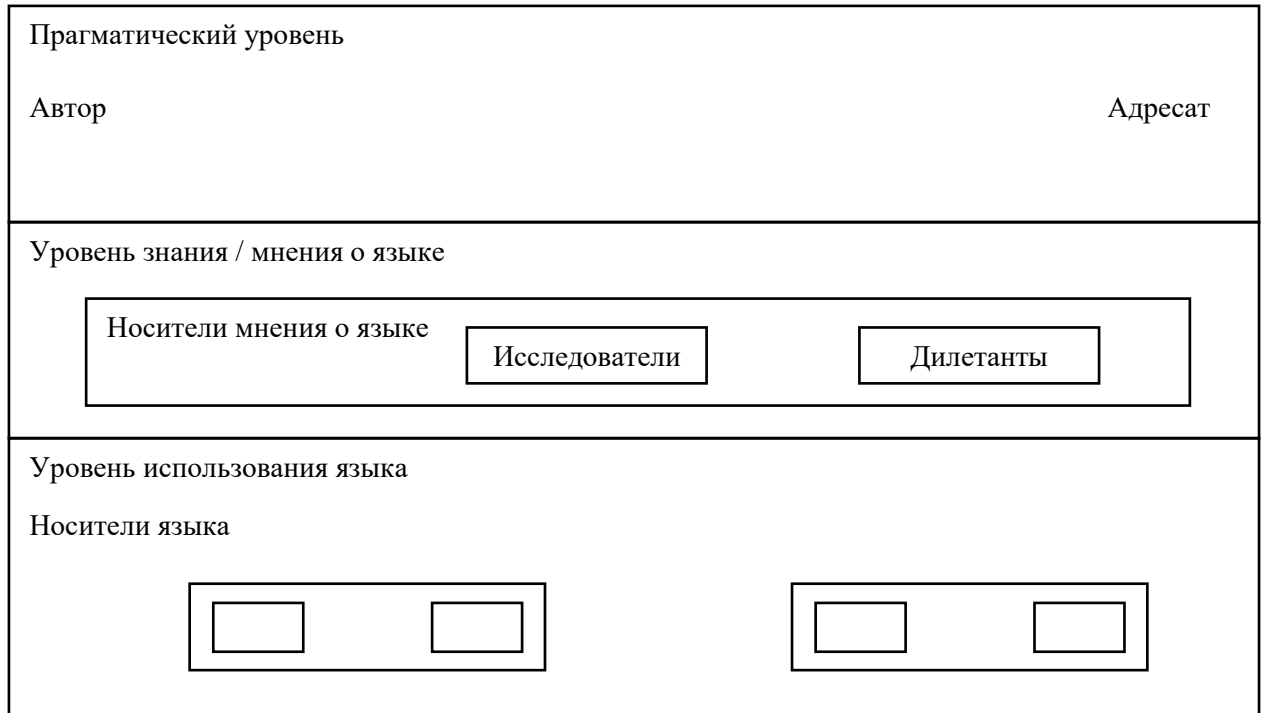

Рисунок 1 – Субъектная организация научно-популярной статьи лингвистической тематики

На первом уровне расположены прагматические автор (специалист, журналист-инициатор и журналист-транслятор) и адресат. На втором уровне представлены носители знания и мнения о языке. Носителями мнения (как правило, неверного) являются неспециалисты, носителями научного знания – ученые, авторы-журналисты. Устройство этого уровня не зависит от тематики текста: автор в любом случае знает о ней больше, чем адресат. Однако оно в некоторой степени зависит от типа автора.

В статьях специалистов сталкиваются научное и наивное представление о языке, причем если наивная картина мира читателя основана на наблюдениях и базовой рефлексии, то научная картина мира автора-ученого сформирована в результате получения профессионального образования и исследовательской работы. Статьи журналистов-инициаторов устроены подобным образом: автор не имеет профессионального образования и/или исследовательского опыта, однако в

коммуникации занимает позицию человека, обладающего предметными представлениями, которые близки к научной картине мира. В статьях журналистов-трансляторов такого столкновения нет.

Третий уровень – уровень использования языка – включает в себя носителей языка, их разнообразные группы, множества и подмножества. Это могут быть носители русского языка; носители языка как такового; отдельные группы носителей языков, выделенные по профессиональному, возрастному, половому и др. принципам; носители языков, знакомых среднестатистическому носителю русского языка (так, в статьях на русском языке про «необычные» языки, звуки и т. п. необычность определяется с точки зрения носителя русского языка, вероятно знакомого с английским, немецким или французским языками, которые, как правило, изучают в российских школах). Если в статье речь идет о физиологических или психических процессах, связанных с производством или восприятием речи, то на этом уровне персонажем может быть человек как живой организм. При сопоставлении речи человека и коммуникации животных субъектом третьего уровня будет, вероятно, человек как представитель вида *Homo sapiens*.

3.2. Субъектная организация текста и синтаксическая семантика

Разделение содержания предложения на объективную и субъективную составляющие, как и лингвистический термин «пропозиция», берет начало в логике [Фреге, 1977; Витгенштейн, 2005; Lewis, 1952]. Г. Фреге выделял в высказывании суждение («смысл предложения»), которое может быть истинным или ложным («истинностное значение» предложения, составляющее его денотат), и указание на субъекта, высказывающий это суждение [Фреге, 1977, с. 188–192, 195–196]. Б. Рассел отделял пропозицию («what we believe, when we believe truly or falsely») – двустороннюю единицу, синтаксическая форма которой изоморфна структуре фрагмента (факта) действительности и которая способна быть истинной или ложной, – от пропозиционального отношения («propositional attitude»), выражаемого соответствующими глаголами [Russell, 1956].

В лингвистике это различие впервые было применено Ш. Балли, который выделил в семантике высказывания диктум (событийное содержание) и модус (содержание отношения говорящего к событию). Это различие было постулировано как базовое для семантических исследований синтаксиса и проиллюстрировано высказываниями, в которых диктум и модус разделены формально (эксплицитные предложения: *Я хочу, чтобы вы вышли*), и высказываниями, в которых они формально совпадают (имплицитные высказывания: *Выйдите*). В первом примере в явном виде выделяется модальный субъект (говорящий, я), его представление (о желаемом: *вы вышли*) и модальный глагол, выражающий отношение субъекта к представлению (*хочу, чтобы*). Во втором примере нет указания ни на модального субъекта, ни на его отношение к представлению [Балли, 1955, с. 44–49].

Дальнейшее развитие семантического синтаксиса связано с детальной классификацией пропозиций (диктумная часть) и формализацией модусных значений.

Пропозиции, в той или иной степени содержащие субъективный компонент (в противопоставление чисто событийным), относятся к логическим: они могут выражать субъективно установленные отношения между объектами действительности, а значит, быть маркерами точки зрения, в отличие от пропозиций событийных (ср. *same-world* и *cross-world predicates* – предикаты, обозначающие отношения между объектами одного мира, и предикаты, не подразумевающие этих отношений [Fodor, 1979, с. 212]). К таким пропозициям относятся:

– пропозиция характеристики, в которой объекту или событию приписывается признак (пример Т. В. Шмелевой: *Одежда удобна*). При приписывании объекту субъективно определяемых признаков пропозиция характеристики рассматривается как «тяготеющая к модусу» [Шмелева, 1994, с. 20];

– пропозиция идентификации, с помощью которой устанавливается «тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта» [Арутюнова, 1976, с. 284]. Ссылаясь на К. Берка [Берка, 1961], Н. Д. Арутюнова

говорит о метаязыковом характере таких высказываний, поскольку они содержат сведения об употреблении элементов языка.

Модусный компонент семантики предложения описан менее подробно, чем диктумный. Выделяются две причины этого: способность части эксплицитных средств одновременно выражать несколько модусных значений и преимущественная имплицитность выражения некоторых категорий (например, уверенность в истинности содержания выражается в высказывании, как правило, нулевыми средствами) [Шмелева, 1994, с. 25].

Работая над понятием модуса высказывания, Н. Д. Арутюнова в поиске средств выражения непропозициональной части высказывания обращается к теории речевых актов и логическому анализу языка, в которых, в отличие от собственно семантических исследований, одним из ключевых моментов является истинностное значение высказывания. Так, в выделяемых Дж. Остином перформативах и близких к ним глаголах (вердиктивах, экзерситивах, комиссивах, бехабитивах и экспозитивах) Н. Д. Арутюнова отмечает черты, свойственные глаголам пропозиционального отношения (модальной рамке, интенциональным глаголам): отсутствие констатирующей семантики в акте произнесения этих глаголов в 1-м л., отсутствие истинностного значения и соответствие социально узаконенной процедуре [Арутюнова, 1976, с. 46–48].

Остановимся на актуальных для нашего исследования категориях модуса из списка, предложенного Т. В. Шмелевой.

Метакатегории модуса, которые связаны со стандартами и условиями общения и речевым жанром, представляют особый интерес для нашей диссертации, поскольку они наиболее полно отражают коммуникативную ситуацию с характеристиками коммуникантов и направленностью предметного содержания текстов. Однако средства выражения метакатегорий, прежде всего речевого компонента, по умолчанию отсутствуют, появляясь лишь в особых случаях: если коммуникативные задачи автора и адресата различны, если говорящий не уверен в выполнении условий речевого жанра, если автор боится нарушить условия речевого общения

(например, при включении в высказывание инородного или неприемлемого элемента) [Шмелева, 1994, с. 27–29].

Актуализационные категории модуса связаны с референцией, и, в частности, с дейксисом, поэтому речь об этом аспекте пойдет ниже, в следующем параграфе.

Социальные категории модуса репрезентируют отношения между автором и другими участниками общения и/или персонажами текста. Л. П. Крысин описывает некоторые средства модуса, отражающие социальную иерархию, например: *Повторите-ка ↔ Повторите, пожалуйста* [Крысин, 1983]. Более подробно социальные отношения участников коммуникативной ситуации описаны Т. В. Шмелевой, которая показывает, что в русском языке одно из главных средств проявления «социального аспекта смысла... предложения состоит в выборе номинаций для лиц, в первую очередь для участников коммуникации» [Шмелева, 1981, с. 64].

Из **кваликативных категорий** модуса для нашего исследования требуется рассмотреть прежде всего **авторизацию**, наиболее тесно связанную с точкой зрения и субъектной организацией текста.

Термин «авторизация» в значении ‘указание на источник информации, субъекта точки зрения’, указание «на субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» был введен в лингвистический оборот Г. А. Золотовой [Золотова, 1973, с. 263]. Авторизация представляет собой способ взаимодействия моделей предложения; иногда она может служить аналогом слов автора при прямой речи. Она выделяется только в высказываниях с эксплицитным указанием на источник информации – это так называемый «субъективированный», или «авторизованный», способ подачи информации – в отличие от «объективного», не содержащего таких показателей.

К эксплицитным средствам выражения авторизации отнесены предложно-падежные конструкции, в том числе вводные (*для него, в его понимании, по его мнению*), присоединительные конструкции (*и это хорошо*), односоставные инфинитивные предложения (*было бы неверно назвать...*), двусоставные глагольно-именные модели, подчиняющие авторизуемую придаточную часть сложного

предложения (*он думает, что*), ее обезличенные аналоги (*представляется, считается, что*). Последняя конструкция – сложноподчиненное предложение – может трансформироваться в простое с номинализованной авторизуемой пропозицией (*Он считает книгу неинтересной; она звалась Татьяной; Х квалифицирует Y как ... (В.п.); Причину этого он видит в безответственности и пр.*). Авторизующую функцию выполняют «квалифицирующие» глаголы (в указанных выше конструкциях), глаголы восприятия (в тех же конструкциях или в составе авторизуемой модели: *У моря видел дуб зеленый; Из соседней комнаты доносилось довольное урчание...*), глаголы обнаружения (*Он нашел ее больной*) [Золотова, 1973, с. 264–277].

Для обозначения многоуровневых модус-диктумных отношений Г. А. Золотова и ее соавторы вводят понятие субъектной перспективы. Она представляет собой «ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего», то есть субъектом, о котором идет речь в диктумной части высказывания, и говорящим [Там же]. Всего на этой оси выделяется пять потенциальных субъектных сфер, или субъектных зон: 1) S_1 – «субъект неосложненной модели» (субъект диктума в высказывании с моделью, не осложненной каузацией); 2) S_2 – каузатор; 3) S_3 – авторизатор (субъект мнения или речи); 4) S_4 – говорящий; 5) S_5 – адресат [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 231].

Приведем пример реализации всех пяти сфер в одном высказывании: *Я* (S_4 , говорящий) *от лица себя и многих водителей* (S_3 , авторизатор) *хотел бы уточнить* $\langle u \underline{O}_P \rangle$ (S_5 , адресат). *Правомочны ли действия Администрации нашего города Кирсанова Тамбовской области* (S_2 , каузатор), *обязывающей приобретать контрольно-кассовые машины (КМ) лиц, занимающейся*¹⁵ *предпринимательской деятельностью по перевозке пассажиров на личном автотранспорте (как основной вид деятельности, так и по совместительству)* (S_1 , субъект неосложненной модели)¹⁶. В данном примере адресат выражен имплицитно синтаксическим нулем, заполняющим валентность предиката *уточнить*, остальные субъекты выражены

¹⁵ Так в оригинале.

¹⁶ Обращение в юридическую онлайн-консультацию. URL: <https://www.9111.ru/questions/719260/> (дата обращения 11.12.2021).

эксплицитно: говорящий – местоимением 1-го л. ед. ч., авторизационный показатель представляет собой предложное сочетание *от лица*, каузатор и субъект неосложненной модели – существительными. Интересно, что говорящий подчеркнул, что является частью коллективного субъекта-авторизатора, используя анафорическое возвратное местоимение *себя*, но обозначил авторизатора и субъекта неосложненной модели разными выражениями, тем самым разделяя субъекта мнения и юридическое лицо.

Уточним, что в нашем исследовании понятие субъектной перспективы используется применительно к НП-текстам для различения субъектов, но не в качестве модели субъектной организации. Это связано с тем, что субъектная организация НП-статьи и параметры субъектов выявлялись исходя из условий общения: сферы общения, жанра, тематики, – а не из синтаксической организации высказывания.

Среди средств выражения точек зрения следует особо выделить синтаксический ноль, поскольку он занимает субъектные позиции при перечисленных выше предикатах, выполняющих авторизующую функцию. В работах [Онипенко, 2001, 2013] описаны различные употребления нуля с субъектным значением и предложена классификация эгоцентрических (содержащих отсылку к говорящему) средств, которая отталкивается от пяти субъектных сфер субъектной перспективы. Она включает дейктики, предикаты мнения, речи, восприятия и пр., другие показатели речевой рамки, например метаречевые вводные слова *во-первых, точнее говоря*; показатели наблюдателя, включая такие неочевидные единицы, как обозначающие маршрут наблюдателя: *Дорога повернула направо* [Там же, с. 116–120].

В работе [Падучева, 2010б] рассматриваются эгоцентрические элементы как средства выражения отсылки к говорящему в контексте повествовательных форм. Вслед за Дж. Лайонзом Е. В. Падучева различает каноническую и неканоническую коммуникативную ситуацию. Ситуация называется канонической, если удовлетворяет одновременно трем условиям: наличию автора и адресата в контексте сообщения, единству времени и места отправления и получения сообщения. В этом случае показатели субъекта речи, дейксиса, сознания и восприятия употребляются «в прямом значении», с говорящим в точке отсчета (при отсутствии показателей

смещения точки отсчета) [Там же, с. 259]. В неканонической коммуникативной ситуации (к которой относится и НП-коммуникация) часть эгоцентриков вообще не может употребляться либо их значение смещается. Для описания такого рода смещения вводится понятие «проекция» – «изменение контекста, в результате которого у эгоцентрического элемента возникает иной референт» [Там же, с. 267].

Более или менее регулярные закономерности проецирования выявляются в функционировании вторичных дейктиков, направленных не от говорящего, а от наблюдателя (которым может быть любое действующее лицо в нарративе). Так, в высказывании *Василий думает, что Николай, конечно, не пришел* эгоцентрический элемент *конечно* включен в состав предложения, которое подчинено глаголу мнения. Соответственно, субъектом – «автором» этого эгоцентрика является *Василий*, предцируемый глаголом в главном предложении. Аналогичные рассуждения применимы к глаголам речи, восприятия, эмоционального состояния и пр. [Там же, с. 266].

Важным компонентом методики выявления «авторства» того или иного фрагмента высказывания является «принцип авторизационного ключа», введенный Т. В. Шмелевой: «область действия» указания на источник информации распространяется с момента его упоминания и заканчивается перед сигналом переключения. По умолчанию (если в тексте нет такого указания) информация воспринимается как продукт речевой деятельности говорящего. Кроме того, значительное количество языковых элементов совмещают в себе диктумное содержание и указание на характер его получения (*звонит = я слышу, что...; блестит = я вижу, что...*) [Шмелева, 1994, с. 31–32].

Первые более или менее формализованные представления об адресации обнаруживаются в нарратологических исследованиях художественной литературы. Б. О. Корман применяет к читателю понятия, аналогичные понятиям «теории автора», и проводит различие между «биографическим читателем» как «социально-историческим и культурно-психологическим типом» и «концентрированным» читателем как элементом эстетической реальности, который «формируется произведением, создается, komponуется им». Рассматриваются аспекты

совмещения читателя с «концепированным читателем» в трех аспектах, предложенных Б. А. Успенским: пространственно-временном, идеологическом и фразеологическом. На идеологическом (прямо-оценочном) уровне такое совмещение описано как «прямое и открытое соотнесение объекта с представлениями субъекта сознания о норме... сразу же вводятся и действие, называются, обозначаются такие ценности, которые предполагаются обязательными для читателя» [Корман 1992б, с. 124]. Таким образом, степень «навязанности» совмещения идеологической точки зрения высока. Высока она и относительно пространственной и временной точек зрения. Что касается фразеологического аспекта, то здесь, по мнению Б. О. Кормана, появляется возможность «возвыситься над говорящим, дистанцироваться от него и превратить его в объект»; иными словами, «навязанность» фразеологической точки зрения для читателя не столь сильна [Корман 1992б, с. 124–125].

Н. Д. Арутюнова заявляет об обязательности параметризованной модели адресата для любого речевого акта. К параметрам модели относится социальный статус адресата, пол, возраст и т. п., коррелирующий с параметрами автора (например, учитель и ученик, отец и сын) и социальной ситуацией, в которую включены коммуниканты [Арутюнова, 1981, с. 357–358]. В разных коммуникативных ситуациях адресация проявляется по-разному. Как правило, она более заметна в канонических коммуникативных ситуациях, то есть при контакте коммуникантов, и зависит от сферы общения: например, в неофициальном межличностном и в публичном воздействующем дискурсах адресация текстов обычно более эксплицирована; напротив, научная и газетно-информационная речь адресована не так явно.

К средствам адресованности относятся как лексические, так и грамматические показатели: официальные и фамильярные обращения, уменьшительно-ласкательные формы, система местоимений и особых грамматических форм (например, звательный падеж) и пр. Самым прямым маркером адресности являются имена собственные. Одной из самых сложных сфер в плане определения и описания адресации, по мнению исследователя, является художественная литература, особенно проза [Арутюнова, 2012, с. 5–12].

Анна Зализняк, изучая функционирование категории адресации на материале преимущественно художественной литературы, выявляет несколько значений 2-го лица, помимо основного адресатного: автоадресатное, частично генерализованное ('я (как и любой другой человек)'), генерализованное ('любой человек (в том числе я)'), отождествляющее читателя с героем (прием повествования от 2-го л.; в нем совпадают адресатное, автоадресатное и обобщенно-личное значения) [Зализняк, 2012, с. 24–40].

Таким образом, в нарративной поэтике и синтаксической семантике разработаны параллельные системы терминов, связанные с тем, что разные участки текста, прежде всего повествовательного, связаны с особой позицией наблюдающего и информирующего субъекта, в терминах семантического синтаксиса, источника информации, а в теории нарративной поэтики – носителя точки зрения, которым может быть автор, герой или нарратор.

4. Теория референции и ее отношение к субъектной организации текста

Субъектная организация текста предполагает не только распределение текстовых субъектов по уровням, но и установление соответствия между субъектами разных уровней. Представляя собой лиц, эти субъекты могут находиться в отношениях тождества, различия и в более сложных и иногда противоречивых отношениях, которые рассматриваются в теории референции.

4.1. Основные понятия теории референции. Типы референции

Теория референции описывает отношение ЯВ к фрагментам и реалиям действительности, в том числе к участникам коммуникации и другим лицам. Понятие референции изначально использовалось в аналитической философии и философской логике [Фреге, 1977; Рассел, 1982; Стросон, 1982а, 1982б; и др.], иногда как синоним слов «денотат», «значение». Различение этих понятий провел У. Куайн,

разграничив теорию значения и теорию референции как области знания, исследующие отношения принципиально разного типа: отношения между знаками и отношения между знаками и действительностью [Quine, 1953, p. 130]. В дальнейшем Л. Линский провел различие между денотацией как свойством ЯВ и референцией как конкретным, единичным действием говорящего: «...Единичность [референции] обеспечивается говорящим, пользующимся этим [“референтным”] выражением, и контекстом его употребления вместе с самим выражением» [Линский, 1982, с. 162–163]. Этот подход был развернут Дж. Серлом, обратившимся к понятию фонда знаний собеседника и контексту коммуникации [Серл, 1982].

В отечественной лингвистической семантике фундаментальные работы в области референции принадлежат Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой [Арутюнова, 1976, 1980, 1982; Падучева, 2010а]. По определению Н. Д. Арутюновой, референция – это «отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова, 1982, с. 6], «способ “зацепить” высказывание за мир» [Там же, с. 18].

Н. Д. Арутюнова, обобщая результаты предшествующих исследований, выделяет три типа отношений между знаком и его референтом и соответствующие им три типа ЯВ: отношения обозначения, или денотации («имена естественных реалий и веществ»), именованья, или номинации (имена собственные), и указания (дейктики и др.) [Там же, с. 19].

Если адресат не знаком с объектом, чаще всего используются нарицательные имена и именные группы «с сингулярным значением, соответствующие фонду знаний адресата или с ним соприкасающиеся» [Там же, с. 21]. Эти выражения имеют лексическое значение, и Н. Д. Арутюнова перечисляет девять способов выделения единичного объекта из класса подобных (то есть установление референции с конкретным объектом): отношения родства, партитивные отношения, отношения дополнительности, единичная функция в рамках системы, посессивные, локальные отношения, роль в событии¹⁷, креативные отношения, сингулярные для данного

¹⁷ Так называемое атрибутивное употребление референтного выражения. В качестве примера приводится ситуация обсуждения преступника, личность которого не

фрагмента признаки [Там же]. Нужно отметить, что в большинстве приводимых ученым примеров уточняющий признак выражается либо дейктиком (*мой, этот*; при использовании последнего способа необходимо присутствие объекта в ситуации), либо именем собственным (*нос майора Ковалева, автор «Воскресения»*). Чтобы адресат верно идентифицировал объект, признак, служащий экстенсионалом ЯВ, должен быть объективным, а не оценочным.

Наиболее важным в рамках исследований НП-литературы является описание установления референции в ситуации, когда объект «не имеет с его [адресата] микромиром никаких точек соприкосновения» [Там же, с. 23]. В такой ситуации, по утверждению Н. Д. Арутюновой, референция выполняет не идентифицирующую, а таксономическую функцию, когда объект вводится в «фонд знаний» адресата [Там же].

В ситуациях, когда предмет не знаком адресату, в том числе в НП-коммуникации, «перед рассказчиком стоит не задача соблюдения правил идентификации..., а задача соблюдения правил кореференции» – «идентификации предмета по отношению к тексту» [Там же, с. 26], то есть коидентификации двух знаков, имеющих один и тот же референт. Говорящий «должен позаботиться о том, чтобы адресат смог “пронести” тождество предмета сквозь текст» [Там же]. Н. Д. Арутюнова обращается к правилу кореференции, сформулированному З. Вендлером [Вендлер, 1982, с. 220]: знак₂ не должен сообщать адресату новой информации о референте по сравнению со зна́ком₁, ср. *Я вижу человека. Человек одет в пальто и шляпу и Вчера ко мне заходил один человек. Человек в темных очках мне не понравился*¹⁸ («знаки» подчеркнуты нами. – Д. И.). Второй пример воспринимается как два не связанных друг с другом предложения [Арутюнова, 1982, с. 26]. Из этого можно вывести следующее правило совпадения / несовпадения референтов двух ЯВ: если информация, сообщаемая о референте зна́ком₂, больше, чем информация, сообщаемая зна́ком₁, то референты этих знаков различны.

идентифицирована: он может «идентифицировать именем, мотивированным тем событием, которое заставило о нем говорить (*преступник, грабитель, вор...*)» [Арутюнова, 1982, с. 27].

¹⁸ Примеры З. Вендлера, процитированные Н. Д. Арутюновой.

Дейктики указывают на объект, присутствующий в коммуникативной ситуации. Собственно дейктические единицы – это личные и указательные местоимения, номинации пространства и времени относительно места говорящего и момента коммуникации. Различные употребления местоимений и их референциальные свойства описаны Е. В. Падучевой [Падучева, 2010а, с. 136–245]; в параграфе 3 они названы эгоцентрическими элементами.

Е. В. Падучева, опираясь на идею Л. Линского, различает конкретную референцию, единичный факт соотнесения ЯВ с классом потенциально обозначаемых реалий, и тип референции, также называемый денотативным, или референциальным, статусом. Этот тип, или статус, присущ ЯВ: «...То, что данная именная группа (в контексте данного предложения) предназначена для конкретной референции, т. е. для соотнесенности с индивидуализированным объектом, в отличие от другой, которая имеет другое предназначение, является достаточно постоянным свойством данной именной группы» [Там же, с. 83]. Определение термину «референциальный статус» дал позднее И. Е. Ким: «способ, тип соотнесения языкового выражения с объектом действительности» [Ким, 2019, с. 14].

Помимо именных групп (далее – ИГ), референцию в высказывании обретают предикативные группы, однако в данном параграфе мы рассматриваем репрезентацию в текстах субъектов, а не событий, поэтому ограничимся описанием особенностей референции ИГ.

Выделяются субстантивные, предикатные и автонимные употребления ИГ. С помощью субстантивных употреблений «в поле рассмотрения» вводятся внеязыковые объекты, предикативные употребления обозначают свойства (*Петя – врач*¹⁹), автонимные ссылаются на самих себя (*Муж просто звал ее Наташа*²⁰) [Падучева, 2010а, с. 99–100].

Среди субстантивных употреблений ИГ выделяются референтные (конкретно-референтные) и нереферентные.

¹⁹ Зд. и далее примеры употребления ИГ Е. В. Падучевой. Группы, которые составляют предмет рассмотрения в примере, подчеркнуты.

²⁰ Референт ИГ «Наташа» в данном случае не человек, а его имя.

Референтные ИГ «индивидуализируют объект – или множество объектов, рассматриваемых как единый объект» [Там же, с. 87]. Выделяются три референтных статуса:

- определенные (референт известен и говорящему, и слушающему, например: *Ту книгу, которую ты мне дал, я уже прочел; Собаку он взял с собой*);
- слабоопределенные (референт известен говорящему и неизвестен слушающему, например: *Он хочет жениться на одной иностранке; На съезде присутствовал некий Дюбуа; Я поставил перед ним определенные условия*);
- неопределенные (референт неизвестен говорящему: *Какие-то люди побывали в моей комнате; Учебник взяла Маша или Даша*).

Все референтные употребления обладают презумпциями единичности и существования; иными словами, предполагается, что объект, о котором идет речь, существует, причем в одном экземпляре. Единичность выражается разнообразно. Среди морфологических средств частотны формы единственного числа в прямом значении – как выражение единичности, например: *Я прочел эту книгу*; превосходная степень в прямом значении в единственном числе также имплицитно выражает единичность объекта, подходящее под такое описание: *Лучшая из моих картин находится в Лувре*. Единичность может быть выражена лексически либо с помощью внеязыковых знаний о мире: *Жена Цезаря вне подозрений* – мы знаем, что в европейской культуре не принято иметь более одной жены одновременно. Еще один способ – нулевой, см. приведенный выше пример *Я поставил перед ним определенные условия* ‘определенную совокупность условий’. Презумпция существования выражается формами предиката изъявительного наклонения в высказывании, включающем данную ИГ.

По приведенным выше примерам видно, что в референт ИГ может входить как единичный объект, так и совокупность объектов, но такая, которая воспринимается как множество, существующее в одном экземпляре. В отношении ИГ, референтом которых является множество, используется противопоставление свойств собирательности и дистрибутивности. В первом случае множество рассматривается как нечто, составляющее единое целое: например, *Бортовые системы корабля*

работают согласованно; Число углов этого многоугольника четно; во втором случае – как множество единичных объектов, обладающих некоторыми идентичными свойствами: например, *Все сотрудники отдела выполнили свой годовой план; Оба банана оказались гнилые*. При употреблении ИГ, выражающей дистрибутивное множество, при использовании предиката по отношению к каждой составляющей множества высказывание будет иметь смысл и сохранит свое истинностное значение (ср.: *Василий Петрович выполнил свой годовой план*²¹; *Банан, лежащий слева, оказался гнилой*). При употреблении ИГ, обозначающей собирательное множество, такая трансформация невозможна (ср.: **Радиотехническая система корабля работает согласованно; *Верхний угол этого многоугольника четен* ‘представляет собой четное число’) [Падучева, 2010а, с. 86–93].

Кроме единичности и существования, которые присущи не только референтным употреблением ИГ, но и, например, атрибутивным, «важным свойством референтного употребления, в противоположность атрибутивному, является то, что слушающий должен выделить тот самый объект, который имеет в виду говорящий, причем то, что это “правильный” объект, не является просто функцией от его соответствия дескрипции» [Доннеллан, 1982, с. 160. Цит. по: Падучева, 2010а, с. 89–90].

Среди нереперентных ИГ выделяются группы с экзистенциальным, универсальным, атрибутивным и родовым статусом.

Экзистенциальные ИГ «употребляются в ситуации, когда речь идет об объекте (в частности, о множестве объектов), который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован» [Падучева, 2010а, с. 94]. Выделяется три разновидности таких ИГ:

– дистрибутивные ИГ появляются в высказываниях, в которых речь идет об однотипных ситуациях, в каждой из которых объект совершает одинаковые действия / имеет одно и то же свойство: *Всякие две пересекающиеся прямые имеют общую точку; К каждому воспитаннику приехали его родственники*. При описании дистрибутивной референции используется термин «коассигнация» –

²¹ В данном абзаце примеры наши. – Д. И.

соотнесенность каждого конкретного объекта с «референтным миром», к которому он относится;

– неконкретные ИГ встречаются в высказываниях «в контексте снятой утвердительности», то есть в высказываниях с модальными словами, с предикатами в повелительном или сослагательном наклонении, в будущем времени, в вопросительных высказываниях, в высказываниях с отрицанием и т. п.: *Он ищет новую секретаршу*; *Во избежание перегрузки лифта один из пассажиров должен выйти*;

– общеэкзистенциальные ИГ встречаются «в суждениях о части абстрактного (универсального) множества... в контексте предикатов, выражающих постоянные свойства, не локализованные во времени» [Там же, с. 95]: *Некоторые товары портятся при перевозке*; *Иная похвала хуже брани*; *Многие люди боятся тараканов*; *В этом лесу водятся лоси*.

Универсальные употребления ИГ означают, что говорящий указывает на все объекты, входящие в экстенционал данного ЯВ: *Все дети любят мороженое*; *Тот, кто сеет ветер, пожнет бурю*.

Атрибутивные ИГ характеризуются наличием презумпций существования и единственности объекта, о котором идет речь, и отсутствием «имения в виду» конкретного объекта. Такая ИГ содержит неполное описание, с помощью которого невозможно установить конкретную отнесенность к объекту, но можно установить его связи с другими, известными объектами. Самый известный пример атрибутивной ИГ – *Убийца Смита сумасшедший*. Также к атрибутивным ИГ относятся обобщающие высказывания типа *Самый сильный человек в мире не в состоянии поднять больше 200 кг*. Встречаются и атрибутивно-референтные употребления типа *Он наказал обидчика*²² ‘Он наказал человека X за то, что X нанес обиду’.

Родовые ИГ соотносятся с эталонным / типичным представителем класса: *Он поступил как мужчина*; *Скорпион похож на кузнечика*. Также к родовым употреблениям ИГ относятся высказывания, в которых референтом ИГ является класс объектов целиком: *Ягуары в Южной Америке вымирают* [Падучева, 2010а, с. 86–99].

²² Пример Н. Д. Арутюновой, процитированный Е. В. Падучевой.

Несмотря на то что по референциальным статусам распределяются не сами ИГ, а скорее их употребления [Там же, с. 86], разные типы ИГ преимущественно предназначены для того или иного типа референции [Там же, с. 83]. Безусловно, в каждом индивидуальном случае при установлении референциального статуса ИГ необходимо обращаться прежде всего к семантике высказывания, но многие употребления типичны. Ниже приведен список ЯВ, типичных для каждого из референциальных статусов, составленный на основе работ [Ицкович, 1963; Крейдлин, Рахилина, 1981; Кронгауз, 1988, Падучева, 2010а, Ким, 2019] и примеров в этих работах.

I. Референтные употребления:

1) определенные: *этот X*²³; *тот X*; *тот же самый X* (здесь, впрочем, референтные отношения могут осложняться кореферентностью); *оба*; *все три*; *все X* (в значении определенного множества); *каждый (из) X* (в значении определенного множества); менее надежный показатель – *такой X*;

2) слабоопределенные: *один X (...Тут один человек выбежал...)*; *кое-Х*; *кое-какой X*; *некий X*; *некоторый X*; *нечто (другое)*;

3) неопределенные: *какой-то X*; *X-то*; *один из*.

II. Нереферентные употребления:

1) экзистенциальные: *X-нибудь*; *какой-нибудь X*; *кто-нибудь из X*; *никакой X*; *ни один X*; *иной X*; *многие X*; *многие из X*;

2) универсальные: *всякий X*; *все X* (реже); *тот, кто* (в обобщающем значении); *любой X*; *каждый X*; *какой бы то ни было X*; *какой угодно X*; *любой из X*;

3) атрибутивные – нет;

4) родовые: тест, предложенный в [Крейдлин, Рахилина, 1981]: «*X* как <типичный> *Y*», «*X* как вид (форма) *Y*».

Референциальные статусы необходимы для отделения субстантивных употреблений, соотносящих ЯВ с реалиями, от несубстантивных употреблений, соотносящих ЯВ с понятийными областями (родовое употребление), с характеристиками и статусами реалий (предикатные употребления), с планом их выражения

²³ Зд. и далее *X* – общее имя.

(автономные употребления). Внутри группы субстантивных употреблений требуется отличать референтные, строго ограничивающие референт ЯВ, от нереферентных, очерчивающих множество реалий.

Референтные употребления ЯВ сопоставимы с использованием констант. Для нереферентных употреблений в математической логике предикатов используются кванторы, прежде всего существования и всеобщности.

4.2. Корреферентность и другие референтные отношения

Столкновение участников прагматической ситуации с референтным миром высказывания порождает личный дейксис, имеющий отношение к референции. Однако в «сюжете» текста действуют персонажи, получающие в тексте наименование. Каждое наименование имеет референт, между наименованиями в связи с их референтами устанавливаются референтные отношения.

Традиционно выделяются только корреферентность (корреференция – совпадение референтов двух и более ЯВ [Dik, 1968; Падучева, 2010а; Kuno, 1987; и др.]) и некорреферентность (строгое различие референтов двух и более ЯВ [Ким, 2019, с. 24, 28 и далее]). Ср. пример корреферентности и некорреферентности: *...Андрей Егоров – это тот самый друг, с которым я пришел в КРУЖОК и который играл в НЕМ и после меня. Андрей жил в Тополевом переулке...* (В. Смехов. Театр моей памяти). Корреферентны друг другу все выражения, выделенные полужирным, и два выражения, выделенные прописными буквами. Однако любые два выражения, одно из которых выделено полужирным, а другое – прописными, являются некорреферентными.

Корреферентность обладает широким кругом способов выражения: повтор, перифраза, анафора и синтаксический ноль [Гак, 1979; Шмелева, 1989, с. 7; Ким, 2019, 38–41, 44, 55].

Обращение к наименованиям лиц в текстах и диалогах показывает, что существует большое разнообразие референтных отношений (далее – РО), несводимых к корреферентности и некорреферентности. К ним относятся сложные РО:

пересечение, расширение, сужение, дробление, слияние, дополнение до целого – и неохарактеризованные РО [Ким, Резникова, 2000]. В высказываниях с неохарактеризованными РО невозможно однозначно установить, являются ли выражения ко-референтными или нет, например: *Кто-то уйдет, кто-то вернется. Кто-то простит, кто-то осудит* (А. Дольский. Прощальная). Сложные РО связаны с тем, что в референт одного из выражений может быть включен референт другого выражения, например: *Она сидела в растерянности, ее, по-видимому, угнетало, что вот уже и О (ее и другого лица) прощанье...* (В. Маканин. Гражданин убегающий)²⁴ – здесь наблюдается расширение референта [Там же, с. 6–7].

Среди разнообразных РО лингвистами подробно описана ко-референтность, в частности модус-диктумная ко-референтность, при которой одно из ко-референтных наименований лица находится в диктумной части высказывания, а другое помещено в модусную часть [Ким, 2019, с. 66 и далее]. Это явление исследовано в рамках разных научных традиций: в поэтическом подходе в связи с понятием точки зрения, в логико-философской традиции, в функциональном синтаксисе и в типологических исследованиях.

И. Е. Ким делает следующий вывод о модус-диктумной ко-референтности: «Отсылка из диктума высказывания в модусную его часть представляет собой особое явление, не сводимое ни к дейксису – отсылке к прагматической ситуации, – ни к анафоре – внутритекстовой отсылке» [Там же, с. 76]. Наиболее наглядный тому пример – наличие в некоторых языках особых логофорических местоимений, специализированных на выполнении именно этой функции [Hagege, 1974; Wiesemann, 1986; и др.]; конкуренция в русском и других индоевропейских языках местоимений в дейктическом и анафорическом употреблении [Волошинов, 1929; Успенский, 1970; Байков, 1990; и др.], изменение истинностного значения высказывания при замене местоимения дескриптивным выражением в диктумной части *oratio obliqua* [Castaneda, 1967, 1968 и др.], изменение принципа анафоры в изъяснительной конструкции – отсылка в модусную часть при любом порядке

²⁴ Пример И. Е. Кима и М. В. Резниковой.

следования частей (структурный принцип) вместо отсылки в предшествующую часть высказывания (линейный принцип) [Kuno, 1972, 1976, 1987 и др.].

Модус-диктумная кореферентность, как и референция наименований лиц, может отражать отношения персонажей субъектной организации, репрезентирующие взаимоотношения прагматических субъектов, в которой последним соответствуют носители точек зрения (модусные субъекты) и действующие лица сюжета (событийные персонажи).

В НП-литературе, посвященной научной области, при описании которой человек включен в объект изучения и обсуждения в тексте (например, коммуникативная ситуация, употребление языка), неизбежно встречаются лексемы и именные группы, обозначающие либо коммуникантов, либо сообщество, в которое входят коммуниканты или один из них, например *человечество*. В случае «неполного совпадения» коммуниканта и референта нужно говорить о включении коммуниканта в состав референта ЯВ как о разновидности отношения сопричастности. Последняя определяется как «широко трактуемое отношение, включающее в себя разные прямые и не прямые отношения героя к элементам содержательного события: бенефициентность, родство, соседство, гипо-/гиперонимические отношения и др.» [Ким, 1995, с. 141]. Сопричастность может реализовываться и динамически, в речи, – через сложные РО.

4.3. Референция языковых выражений, обозначающих множества

Поскольку в настоящем диссертационном исследовании речь идет о субъектах, нас интересует референция ЯВ к лицам и их группам / множествам.

Существует большое количество наименований лиц по их характеристикам, социальным статусам, отношениям друг к другу, а также разнообразные наименования их множеств, имеющих разный объем и разное содержание. Кроме того, ЯВ не обладают той строгостью, которую в логике связывают со значением кванторов. Так, использование местоимений со значением всеобщности не означает, что речь идет обо всем множестве: *Все знают об этом* не значит, что действительно все

люди знают об этом, речь идет о том, что знание чрезвычайно распространено. Это отчасти похоже на элятивное употребление превосходной степени прилагательного, например: *добрейшей души человек* значит, что у человека очень добрая душа, а отнюдь не самая добрая в мире или даже в ограниченном сообществе.

Разнообразие отношений ЯВ к лицам и их множествам предполагает некоторое разнообразие кванторов. Помимо кванторов всеобщности и существования, в математической логике существует понятие квантора единичности и ограниченного квантора: ограниченный квантор всеобщности – «для всех x , удовлетворяющих условию y ²⁵, имеет место $F(x)$ »; ограниченный квантор существования – «существует x , удовлетворяющее условию y , такое, что имеет место $F(x)$ » [Колмогоров, 2006, с. 131]. В многозначных логиках предикатов, допускающих третье и более логическое значение высказывания, кроме «истина» и «ложь», есть понятие экстра-кванторов, например «существует конечно много», «существует бесконечно много», «большинство» [Карпенко, 2005, с. 53]. Таким образом, с помощью кванторов можно приблизить значение логических выражений к смыслу выражений естественного языка.

Внутренняя структура множеств с помощью языковых средств русского языка репрезентируется слабо, как показал М. А. Даниэль на материале индоевропейских, уральских, алтайских, палеоазиатских, сино-тибетских языков, языков Кавказа, отдельных полинезийских, америндских, австралийских и африканских языков. Типология М. А. Даниэля включает три формы множественности: аддитивную, репрезентативную (с тремя разновидностями) и сочинительную [Даниэль, 2000, с. 4, 9, 14, 20–26]. В русском языке имеются средства выражения для аддитивной, сочинительной множественности и анафорической разновидности репрезентативной множественности. Аддитивность выражается множественным числом существительного: референт ЯВ *собаки* состоит из множества объектов, каждый из которых является референтом имени. Сочинительная множественность выражается средствами сочинительной связи. Например, в выражении *Вася и Петя* к каждому элементу множества референция является эксплицитной, но для каждого

²⁵ Например, принадлежащему n или меньшему или равному m .

референта предназначено свое выражение. Анафорическую множественность М. А. Даниэль иллюстрирует следующим примером:

– *А где Коля?*

– [Они с Васей] *пошли курить.*

Анафорическое выражение (в данном случае синтаксический ноль) отсылает к эксплицированному элементу множества «Коля и Вася», актуализированного ранее.

Требуют внимания наблюдения М. А. Даниэля над референцией местоименного числа. Местоимение *мы* в прямом значении («я и другие люди») является примером репрезентативной множественности, когда назван только один из референтов, и при этом все референты не обязательно составляют устойчивую группу. Предлагаются следующие «референциальные схемы» местоимения *мы* (то есть структуры референции при его различных употреблениях): «я и другие», «я и не-я», «адресат и другие».

Местоимение второго лица множественного числа *вы*, помимо аналогичных референциальных схем, может иметь еще одну – «совокупность адресатов». В этом случае речь идет уже об аддитивном употреблении местоимения.

Для обозначения лиц, не являющихся участниками коммуникативной ситуации, применяется термин «нелокутор». Местоимение 3-го л. мн. ч. *они* обладает, как правило, аддитивной структурой референции, за исключением периферийных случаев типа *Где Петя? – Они [=Петя с женой] ушли*, представляющих собой репрезентативные употребления, осложненные анафорической связью с номинацией фокусного (эксплицированного) референта.

В работе М. А. Даниэля приводится типология референциальных типов местоимений множественного числа. Под референциальными типами понимаются способы «комплектации референции именной репрезентативной формы».

1. Анафорический тип: в референт местоимения включается говорящий (*мы*) / адресат (*вы*) / нелокутор (*они*) и еще референт(ы), актуализированный(-ые) ранее: например, *Маша неожиданно позвонила мне. Мы [я, Маша] проговорили до утра.*

2. Локутивный тип, характерный только для местоимения первого лица *мы*. Референт этого местоимения включает только говорящего и адресата. Например: – *Я не хочу туда идти. – А мы и не пойдем.* Также в этот тип включается местоимение *вы* в значении ‘совокупность адресатов’.

3. Ассоциативный тип: в референт местоимения включается фокусный референт (говорящий / адресат / нелокутор) и совокупность лиц, связанных с фокусным референтом группообразующими отношениями: – *Где же ты был последнюю неделю? – Мы [говорящий, его жена и др.] только вчера приехали.*

4. Симилятивный тип: референт местоимения включает «открытый класс лиц, объединенных одним свойством», например: *Нам, татарам, все равно* [Даниэль, 2000, с. 118–124, 128–133].

5. Коррелятивный тип: группообразующим фактором являются родственные отношения. В качестве примера приводятся основы в австронезийском языке сурсунга, которые обозначают отношения родства и употребляются только в сочетании с местоимениями двойственного, тройственного и четверного числа. Такие формы обозначают «включающую [в] фокус местоимения ... группу лиц, связанных между собой данным отношением родства» [Там же, с. 133].

Изложенная в разделе 4.1 классификация референциальных статусов Е. В. Падучевой применима преимущественно к именам и ИГ, обозначающим единичные объекты. Ее не всегда можно использовать по отношению к сложным социальным субъектам (например, к языковым коллективам) и открытым множествам лиц (например, множеству носителей русского языка), и неизбежны ситуации, в которых невозможно однозначно и достоверно определить объем референта ЯВ, обозначающего совокупность лиц.

Первая причина неоднозначности референции – открытость групп, обозначаемых именами и ИГ с аддитивной референциальной структурой. Так, если мы захотим определить границы множества «носители русского языка», нам придется задать, в частности, следующие вопросы: *В каком возрасте / на какой стадии освоения русского языка ребенок становится его носителем? На какой стадии освоения русского языка иностранцами их можно считать носителями? Как далеко в*

исторической перспективе мы можем говорить о русском языке (и, соответственно, его носителях)? Насколько это зависит от частной темы текста?

Вторая – неопределенность самого ЯВ. Наиболее ярко это проявляется у синтаксического нуля, который реконструируется на месте незаполненных синтаксических валентностей предикатов и (реже) других компонентов предложения. Другое, тоже неоднозначное ЯВ – местоимение множественного числа, особенно первого лица. Многозначности (или, точнее, разнообразию референциальных структур) этого местоимения посвящены, в частности работы [Апресян, 1986; Даниэль, 2000]. Так, местоимение *мы* (и аналогично синтаксический ноль) может иметь собственную референцию, а может быть анафорическим, то есть отсылать к референту, актуализированному ранее. Не всегда может быть очевидно, к какой группе относится конкретное употребление выражения.

Для обозначения ситуации, когда референт ЯВ не определяется однозначно, то есть потенциально может включать разные объекты / группы объектов, в лингвистику было введено понятие мультииндексного типа референции [Adenntunji, 2006; Иванова, 2012].

Инструментарий теории референции позволяет описывать сложные отношения между языковыми знаками и их референтами. Однако специфика ЯВ, обозначающих участников коммуникативной ситуации, нелокуторов и множеств лиц способна затруднить определение референта, его объема, содержания и границ. Это означает, что выводы, сделанные относительно референции таких ЯВ, могут носить вероятностный характер или представлять собой множественную интерпретацию. В НП-статьях субъекты уровня знания / мнения о языке и уровня использования языка представляют собой лиц или множества лиц, которые связаны с прагматическими автором и/или адресатом с разной степенью вероятности и определенности. Референциальный анализ ЯВ, обозначающих этих субъектов, позволит продемонстрировать эти сложные взаимодействия.

Выводы

В главе 1 представлены теоретические основы исследования: охарактеризована НП-коммуникация, обоснован выбор модели коммуникации для описания условий общения и определены инструменты для анализа способов репрезентации отношения автора к адресату на аргументативном и референциальном уровнях.

На основе работ, посвященных НП-стилю, дискурсу и медиалингвистике (параграф 1), сделан вывод о межстилевой природе, или гибридности, НП-статьи, находящейся на стыке научной и художественно-публицистической литературы. НП-статья характеризуется функциональной сложностью: спектр задач такого текста включает сообщение научного знания, удовлетворение познавательного интереса аудитории, формирование более научного взгляда на мир и пр. НП-литература неоднородна с точки зрения знаний и коммуникативных целей разных авторов и типов аудитории.

В результате обзора различных подходов к типологизации коммуникации: функциональной стилистики, социалингвистики, теории речевых актов, теории речевых жанров, дискурсивных исследований – для описания НП-коммуникации в качестве ключевого выбрано социалингвистическое понятие сферы общения. Данное понятие позволяет в полной мере реализовать ономазиологический подход к исследованию: описать требования к автору и адресату и их характеристики, значимые для дальнейшего анализа:

– цель (общественная функция) – формирование у адресата представлений о фрагменте мира или изменение его представления о фрагменте мира, которое изначально может быть некорректным, неточным или неполным, а в результате прочтения текста должно приблизиться к научному;

– тематика, наследуемая из научной сферы, но имеющая свою специфику;

– гетерогенность, обусловленная функционированием в НП сфере общения научной и наивной картин мира.

Описаны участники коммуникативной (а по отношению к тексту НП-статьи прагматической) ситуации. Выделены три типа авторов:

- специалист, который владеет научным представлением о предмете текста, поскольку научная сфера является основной для его деятельности и общения;
- журналист-инициатор, который в той или иной степени осваивает научное представление при подготовке к созданию текста;
- журналист-транслятор, который не осваивает научного знания, а передает его адресату, адаптируя статьи ученых.

Адресат НП-статьи фактически представляет собой открытое множество людей, которые значительно различаются по многим характеристикам: уровню образования, знакомству с предметной областью, желанием освоить новое научное знание и т. п. Однако в НП-тексте используется собирательный образ адресата, который имеет определенные гносеологические установки (представление о приемлемости различных способов доказательств), мнение по поводу обсуждаемого в тексте явления и определенный речевой опыт.

В качестве инструмента для анализа отношения автора к адресату на аргументативном уровне (параграфе 2) выбрана классификация схем аргументов, составленная на основе классификаций Х. Перельмана и Д. Уолтона. Схемы аргументов представляют собой совокупность посылок и тезис; правила вывода тезиса из посылок, а также часть самих посылок имеют конвенциональный характер, то есть одна и та же схема может оказаться в разной степени приемлемой в разных коммуникативных сферах и средах. Таким образом, выбор автором аргументативных схем указывает на то, как он представляет себе негласные договоренности с адресатом о правомерности тех или иных способов доказательства тезиса.

Обзор исследований субъектной организации текста и смежных понятий, изучаемых в нарратологических и синтаксических исследованиях (образ автора, точка зрения, субъектная перспектива, авторизация, адресация и пр. – параграф 3), показал, что средства указания на субъекта, от лица которого ведется повествование, очень разнообразны: они включают дейктики, вторичные дейктики (обозначающие позицию не говорящего, а так называемого наблюдателя), средства выражения элементов и категорий модуса, некоторые виды логических пропозиций. Для определения лица, от которого ведется речь, применяются принцип авторизационного

ключа, определяющий «значение» нулевого выражения модусного субъекта, и методы выявления субъектных синтаксических нулей.

Построена модель субъектной организации текстов НП-статьи. Первый, прагматический уровень включает двух субъектов – автора и адресата. Второй уровень содержит субъектов знания / мнения о языке – специалистов (ученых или других людей, имеющих образование в данной области знаний) и носителей наивных представлений об описываемом фрагменте реальности. Области науки, где объект исследования включает человека, позволяют выделить еще один уровень субъектной организации текста – уровень изучаемой и обсуждаемой реальности. В лингвистических текстах на этом уровне находятся носители языка, субъекты коммуникации.

В параграфе 4 проведен обзор основных работ по теории референции, в которых рассматривается сущность референции и кореференции, типы референции, средства выражения тех или иных референциальных отношений, виды множественной референции. С помощью этой теории устанавливаются межуровневые отношения в субъектной организации текста, содержащего обозначения лиц, в том числе отношения между участниками коммуникативной ситуации и персонажами «сюжетных» уровней. Выявлено, что одно и то же языковое выражение, актуализированное в разном языковом окружении, может иметь разные референциальные статусы, причем более широким спектром референциальных статусов характеризуются языковые выражения, обозначающие множества и объединения лиц.

Глава 2. АРГУМЕНТАТИВНЫЙ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ АВТОРА К АДРЕСАТУ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

В данной главе дается характеристика материала исследования (параграф 1) и излагаются результаты практической части диссертации. Кроме того, в первом параграфе дана классификация материала по разновидностям жанра НП-статьи и по типам автора. Параграф 2 содержит результаты анализа аргументации в лингвистических НП-статьях: описано распределение аргументативных схем по типам авторов; выявлены частотные языковые средства, указывающие на тот или иной способ аргументации; определены частотные сочетания аргументативных схем, которые выражают определенный тип полемики. В параграфе 3 описана референция ЯВ, обозначающих лица и их множества; охарактеризованы особенности этих языковых средств; выявлены типы взаимоотношений автора и моделируемого им адресата на разных уровнях субъектной организации НП лингвистического текста.

1. Характеристика источников и материала исследования

Исследование проведено на материале 50 НП интернет-статей. При отборе источников материала – НП-сайтов – были использованы следующие критерии. Во время отбора статей (2016–2017 гг.) сайты-источники входили в топ-10 в рейтингах «Научно-популярные журналы» и «Наука» каталогов поисковых систем «Яндекс» и «Рамблер» и содержали как минимум пять статей лингвистической тематики. Были использованы следующие сайты: «Наука и жизнь» (<http://www.nkj.ru/>; далее – «НиЖ»), «STRF» (Science and Technology of the Russian Federation = Наука и технологии РФ, <http://www.strf.ru/>), «Постнаука» (<https://postnauka.ru/>), «Популярная механика» (<http://www.popmech.ru/>; далее – «ПМ»), «National Geographic Россия» (<http://www.nat-geo.ru/>; далее – «NG»), «Дилетант» (<http://diletant.media/>), «N+1» (<https://nplus1.ru/>), «Naked Science» (<https://naked-science.ru/>; далее – «NS»),

«Элементы» (<http://elementy.ru/>), «Земля. Хроники жизни» (<http://earth-chronicles.ru/>; далее – «ЗХЖ»). Все указанные ресурсы не имеют тематических ограничений, кроме сайта «Дилетант». Последний является историческим журналом, однако в нем имеются статьи, посвященные истории языка, поэтому сайт включен в источниковую базу.

Отбор статей проводился по тематическому критерию: выбирались тексты, посвященные лингвистическим вопросам. Тематика исследуемых текстов разнообразна, однако нам удалось выявить семь крупных тем: 1) современный русский язык; 2) история русского языка; 3) языки мира; 4) происхождение языка; 5) искусственные языки; 6) характеристики и особенности носителей языка; 7) методы и процедуры исследования. Имеются три текста, не вошедшие ни в одну из групп. В статье [Донских // ЗХЖ]²⁶ предметом является не отдельный язык или их группа, а сам феномен языка, который получает философское осмысление. Статья [Барина. Оттенки синего // NG]²⁷ посвящена истории цветообозначений в различных языках мира, поэтому она попадает одновременно в группу статей о истории русского языка и о языках мира. В [Фишман // ПМ]²⁸ рассматривается техническая возможность создать электронный переводчик между коммуникативными системами людей и животных. Особенностью текстов лингвистической тематики является то, что они содержат, помимо информации о структуре, составе, семантике языков, их истории и происхождении, информацию о носителях языков и их общностях и коллективах, об исследованиях и исследователях, их мнениях и экспертных оценках языков и языковых фактов, а также о мнениях носителей языка о языке и языковых феноменах.

Хронологические рамки источников исследования составили 2011–2017 гг.

Редакционная политика сайтов в отношении содержания статей различна. Наиболее надежное (достоверное) научное содержание имеют статьи, размещенные на сайтах «Постнаука» и «Наука и жизнь»: авторы этих текстов – ученые и, как

²⁶ Донских О. «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать. Зд. и далее при первом упоминании статьи в сноске указан автор (при наличии) и полное название статьи.

²⁷ Барина А. Оттенки синего. Когда мы научились различать новый цвет.

²⁸ Фишман Р. Переводчики с «языков» животных: как поговорить с питомцем.

правило, специалисты по той теме, которой посвящена статья. На последнем из указанных сайтов, впрочем, встречаются тексты, написанные корреспондентами и обозревателями журнала, и список этих людей фиксированный. В материале нашего исследования встречаются три такие статьи – [Стасевич // НиЖ²⁹; Смирнова // НиЖ³⁰; Вешняковская // НиЖ³¹], написанные неспециалистами, которые, однако, изучили соответствующие исследования достаточно глубоко.

На информационных страницах о журналах «STRF», «Naked Science», «National Geographic Россия» и «N+1» не указывается профессиональный статус авторов статей, однако возможность публикации текстов рядовых посетителей сайтов не предусмотрена.

К модерлируемым журналам, в которых размещаются статьи посетителей сайта после их проверки редакцией, относятся «Элементы», «Популярная механика» и «Дилетант» (критерии отбора при этом не оговариваются).

Сайт «Земля. Хроники жизни» не содержит сведений о редакционной политике журнала. Из метаданных статей видно, что материал добавляется на сайт пользователями, однако нам не удалось пройти процедуру регистрации. Отсутствие научной модерации обнаруживается, например, при чтении статей с заголовками типа *Праязык не выдумка лингвистов*³² или *Русский язык и санскрит два самых похожих языка в мире*³³ (в заключительном абзаце последней содержатся высказывания типа *Более того, напрашивается вывод о том, что санскрит – это чисто русский язык*) – наряду со статьями, отвечающими требованиям научности. С этого ресурса были выбраны тексты, содержание которых основано на научных данных и не включает положений псевдонаучного характера.

Тексты, отобранные в качестве источника материала, неодинаковы по объему и имеют некоторые различия в структуре. Средний объем статей – 1057 слов

²⁹ Стасевич К. Язык влияет на мышление с младенчества.

³⁰ Смирнова Ю. Хочешь выиграть – подумай об этом на иностранном языке.

³¹ Вешняковская Е. Читать 2.0: компьютеры учатся добывать из текста смысл.

³² Праязык не выдумка лингвистов // Земля. Хроники жизни. 22.05.2013. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2013-05-22-44158> (дата обращения 28.03.2017).

³³ Русский и санскрит два самых похожих языка в мире // Земля. Хроники жизни. 28.03.2014. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-28-62483> (дата обращения 28.03.2017).

(7698 символов с пробелами), минимальный – 167 слов (1095 символов), максимальный – 4094 слова (30 352 символов)³⁴. В ряде случаев прослеживается зависимость объема от сайта, на котором размещены статьи: так, на сайте «Элементы» статьи насчитывают не менее 1000 слов; на сайте «Постнаука» – не менее 800. Статьи на других ресурсах («Naked Science», «Дилетант», «STRF»), напротив, по объему не превышают 1000 слов. Объем текстов на остальных сайтах варьирует более широко.

Имя автора указано в 38 статьях, в четырех других (все они размещены на сайте «Земля. Хроники жизни») указан псевдоним пользователя, добавившего материал. Кроме того, во всех статьях «Постнауки» и в четырех статьях «Элементов» имеется информация об авторе-ученом.

Восемь статей (по четыре с сайтов «Постнаука» и «N+1») имеют подзаголовок; 38 текстов снабжены лидами (аннотациями под заголовком). Деление текстов на разделы имеется в 13 статьях, при этом в 11 текстах есть названия разделов (2 из них, кроме того, пронумерованы), 2 содержат только нумерацию без названий. В этом ряду выделяется статья «10 попыток создать идеальный универсальный язык» ([10 попыток ... // ПМ]³⁵), в которой названия языков, о которых идет речь, нумеруются в обратном порядке, что создает эффект ранжирования этих языков либо по «универсальности», либо по успешности этих «попыток».

Схемы и таблицы, поясняющие или дополняющие материал, встретились в двух текстах. Другой вид функциональных иллюстраций – видеофрагменты – содержится в двух статьях: [Кулапов // NG]³⁶ (в видеофрагментах произносятся экзотические звуки, описываемые в текстовой части статьи) и [Исламова // N+1]³⁷ (статья о жестовом языке, и в видеороликах демонстрируются жесты).

Три статьи имеют в конце справочную информацию (две из них – на сайте «STRF»), одна – в середине и в конце текста ([Исаев // Постнаука]³⁸). Последняя,

³⁴ При подсчете слов и символов не учитывались заголовки, подзаголовки и сведения об авторах.

³⁵ 10 попыток создать идеальный универсальный язык.

³⁶ Кулапов Н. Самые необычные звуки в языках мира.

³⁷ Исламова М. Понятно без слов.

³⁸ Исаев И. Диалекты русского языка.

кроме того, содержит видео по одному из аспектов тематики, размещенное на том же сайте.

По жанровой принадлежности были выделены следующие группы текстов:

1) подобные научным публикациям:

– эмпирической статье: [Титов // НиЖ ³⁹; Все слова радуги // N+1];

– обзорной статье: [Кибрик // Постнаука ⁴⁰; Бурас, Кронгауз // Элементы ⁴¹];

– дискуссионной статье: [Тер-Минасова // НиЖ ⁴²; Мурадова. Покушение ... // Элементы ⁴³; Мурадова. Сколько языков ... // Элементы ⁴⁴];

– рецензии на статью: [Бурлак // Постнаука] ⁴⁵;

2) подобные жанрам учебной литературы – главе учебника: [Исаев // Постнаука; Исламова // N+1; Пиперски // Постнаука ⁴⁶];

3) подобные публикациям в общественно-политической сфере:

– новости, которая чаще всего представляет собой пересказ статьи либо выступления ученого: [Стасевич // НиЖ; Фадеева // NS ⁴⁷; Баринаова. Не умеющие говорить дети ... // NG ⁴⁸; Васильев // NS ⁴⁹; Кондратенко // Элементы ⁵⁰; Лингвисты доказали ... // Дилетант ⁵¹; Лингвисты рассказали ... // N+1 ⁵²; Макаров // ПМ ⁵³; Малоян // NS ⁵⁴; Необычный язык ... // ЗХЖ ⁵⁵; Овечкин // NS ⁵⁶; Русский язык ... //

³⁹ Титов В. Где «валяются» кони?

⁴⁰ Кибрик А. FAQ: Мультимодальная лингвистика.

⁴¹ Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности.

⁴² Тер-Минасова С. Г. Великий и могучий или глобальный?

⁴³ Мурадова А. Покушение на лингвистическое убийство.

⁴⁴ Мурадова А. Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек.

⁴⁵ Бурлак С. Коэволюция языка и изготовления орудий предками человека.

⁴⁶ Пиперски А. Введение в индоевропеистику.

⁴⁷ Фадеева О. До конца XXI века может исчезнуть половина языков.

⁴⁸ Баринаова А. Не умеющие говорить дети уже различают иностранные языки.

⁴⁹ Васильев С. Власть гласных.

⁵⁰ Кондратенко Ю. Язык предпочитает одни слоги другим не только из-за удобства произношения.

⁵¹ Лингвисты доказали, что все языки имеют общие корни.

⁵² Лингвисты рассказали об универсальном звуковом коде языка.

⁵³ Макаров В. Бабуины могут использовать гласные звуки: язык обезьян.

⁵⁴ Малоян В. Предки коренных народов России и американских индейцев говорили на одном языке.

⁵⁵ Необычный язык турецких «свистельщиков».

⁵⁶ Овечкин О. Экономический рост приводит к исчезновению языков.

Дилетант ⁵⁷; Смирнова // НиЖ; Стригун // NS ⁵⁸; Ученые выяснили ... // Дилетант ⁵⁹; Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF ⁶⁰; Фишман. Реформы и войны ... // STRF ⁶¹];

– репортажу: [Болохова // STRF ⁶²; Люди, которые создают нормы // STRF ⁶³; Почему «дружба» ... // STRF ⁶⁴];

4) собственно НП-статьи:

– описание серии языков, звуков или иных языковых фактов: [10 попыток ... // ПМ; Баринаова. Как выучить русский ... // NG ⁶⁵; Кулапов // NG; Петров // ПМ ⁶⁶; Майборода // NG ⁶⁷];

– сообщения о языковом явлении, проблеме или изучении одного вопроса: [Взнуздаева // Дилетант ⁶⁸; Кто научил ... // Дилетант ⁶⁹; Мамонтов // ПМ ⁷⁰; Неземной язык ... // ЗХЖ ⁷¹; Универсальный язык // ЗХЖ ⁷²; Долотовская // N+1 ⁷³; Баринаова. Оттенки синего // NG; Ефимов // N+1 ⁷⁴];

– другие виды статей, в которых рассказывается о «внутренней кухне» ученого от первого лица [Иомдин // Постнаука] ⁷⁵, о лингвистическом инструменте и его пользе в жизни [Левонтина // Элементы ⁷⁶], дается подробный анализ проблемы [Вешняковская // НиЖ] или описывается собственное исследование [Фишман //

⁵⁷ Русский язык за полтора века утратил каждое третье исконно русское слово.

⁵⁸ Стригун Д. Внимание билингвов оказалось более переключаемым.

⁵⁹ Ученые выяснили, почему восточные и западные славяне похожи, а южные от них отличаются.

⁶⁰ Фишман Р. Генетики и лингвисты провели самое обширное на сегодня исследование истории славян и балтов.

⁶¹ Фишман Р. Реформы и войны меняют язык.

⁶² Болохова К. От музЭя до йогУрта.

⁶³ Люди, которые создают нормы.

⁶⁴ Почему «дружба» выше, чем «обида».

⁶⁵ Баринаова А. Как выучить русский и не сойти с ума.

⁶⁶ Петров А. Зачем люди придумывают языки?: Нео, эсперанто, волапюк.

⁶⁷ Майборода Н. Семь необычных европейских языков.

⁶⁸ Взнуздаева М. Азбука: от Кирилла и Мефодия.

⁶⁹ Кто научил Русь материться?

⁷⁰ Мамонтов Д. Гаюи и Брайль: кто изобрел шрифт для слепых?

⁷¹ Неземной язык индейцев пираха.

⁷² Универсальный язык Исаака Ньютона.

⁷³ Долотовская С. Скажи по-человечески.

⁷⁴ Ефимов А. Поклоно ѿ Онѣима.

⁷⁵ Иомдин Б. Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?

⁷⁶ Левонтина И. Русский национальный.

ПМ], предлагаются практические советы [Учимся говорить красиво // ЗХЖ]; одна статья представляет собой эссе [Донских // ЗХЖ].

Ряд статей имеет ссылки на научный источник знания – применительно ко всему содержанию статьи или его фрагменту. Таких текстов одиннадцать (ссылка в одном из них дается на уже недоступный источник); пять статей ссылаются на англоязычные оригиналы (на НП-статьи), которые были либо полностью переведены, либо использованы в качестве материала. Шесть статей содержат информацию о первой публикации статьи в бумажном или электронном виде и ссылку на электронный первоисточник / на оцифрованную версию бумажного первоисточника. В двух статьях содержатся ссылки на цифровые инструменты исследования (корпус и базу текстов); есть одна статья со ссылкой на сайт организации, проводившей исследование. Ссылки на статьи и др. не научные источники по смежным темам встречаются в девяти статьях. Кроме того, в 11 текстах есть ссылки на другие статьи по смежным темам, расположенные на этих же сайтах: четыре из них – в «National Geographic Россия», три – в «Постнауке», два – в «Популярной механике» и по одной в «Науке и жизни» и «Элементах». На сайте «Земля. Хроника жизни» встретилась одна статья с рекламной ссылкой, включенной в текст.

По критериям характера картины мира автора и используемому им подходу к представлению содержания НП-текстов отобранные для анализа тексты разделены на три группы:

1) тексты, в которых автор – носитель научной картины мира (специалист-ученый или журналист, имеющий образование в описываемой области знаний), а адресат – носитель наивной картины мира. Авторы этой группы текстов мы называем **авторами-специалистами**;

2) тексты, в которых автор – носитель наивной картины мира с элементами научной (журналист, в той или иной степени освоивший научный материал и самостоятельно строящий логику его изложения), адресат – носитель наивной картины мира. Авторы таких текстов назовем **журналистами-инициаторами**, поскольку их тексты представляют собой структурно самостоятельные произведения;

3) тексты, в которых автор и адресат – носители наивной картины мира; научная картина мира репрезентируется с помощью введения второго субъекта речи – ученого, чьи слова автор цитирует или пересказывает, но не обсуждает. Авторы таких текстов мы называем **журналистами-трансляторами**, поскольку они передают научное содержание, пересказывая или дословно цитируя ученых.

При указании имени автора без конкретизации его профессиональной принадлежности производился поиск дополнительных сведений о нем на сайте издания и других сайтах. Таким образом была определена профессиональная принадлежность десяти авторов, написавших 13 статей. Один из них имеет филологическое образование, но не является ученым. Мы отнесли этого автора к первой группе.

Не удалось найти сведений об авторах 25 статей (нет сведений об авторе или автор анонимен). Для самостоятельного определения типов авторов мы воспользовались методическими приемами в области автороведческой экспертизы, которая позволяет устанавливать социологические признаки автора текста, в частности его профессиональную принадлежность [Комплексная ..., 2007, с. 36; Стернин, Антонова, Карпов, 2013, с. 7]. Исследователи и составители методических рекомендаций в этой области отмечают, что для определения профессиональных характеристик автора нужно учитывать описание производственных процессов, упоминания конкретных лиц и событий, связанных с данной областью, использование профессиональной лексики, соответствие текста тому или иному стилю речи [Комплексная ..., 2007, с. 65–66]. Используются также признаки для определения возрастной характеристики автора. Они определяются как «признаки, отображающие свойства восприятия и мышления (интеллектуальные навыки)»; к ним относятся оценки событий [Дроздова, 2010, с. 402]. Оценка явления, чужой профессиональной точки зрения и т. п., сделанная с профессиональных позиций, на наш взгляд, демонстрирует профессиональное отношение автора к предмету описания.

Исследователи отмечают вероятностный характер выводов автороведческой, в частности диагностической, экспертизы [Стернин, Антонова, Карпов, 2013, с. 5].

Мы выработали следующие критерии для определения типа автора НП-статьи:

– если автор текста описывает исследовательскую процедуру от первого лица и авторизационные показатели чужой точки зрения отсутствуют, то автор является специалистом. Однако среди указанных 25 статей таких не обнаружилось;

– если при описании или объяснении явления автор свободно пользуется данными разных разделов языкознания, это, вероятнее всего, автор-специалист; журналист, как правило, такой способностью не обладает даже при условии глубокого погружения в материал;

– ошибки в употреблении терминов свидетельствуют о том, что автор не является специалистом в описываемой области и относится к журналистам – ко второму или третьему типу авторов;

– если в тексте обнаруживаются показатели оценки и профессиональной квалификации по отношению к описываемым явлениям или, что более важно, к чужим профессиональным действиям или мнениям (*справедливо, достоверно* и т. п.), это может свидетельствовать в пользу того, что автор является специалистом, хотя и не гарантирует этого (не основной критерий). Полное отсутствие таких показателей свидетельствует скорее о том, что автор – журналист, но это тоже не может быть единственным или главным критерием;

– обилие авторизационных показателей чужой речи свидетельствует о том, что автор относится, вероятнее всего, к третьей группе – к журналистам-трансляторам;

– коммуникативные ошибки типа употребления сложных терминов без пояснений с большой вероятностью свидетельствуют о том, что автор является специалистом: ему сложнее отделить лингвистическое знание от своего опыта, реконструировать наивное (читательское) представление о мире и встроить в него специальное знание, в то время как профессиональный журналист, как правило, лучше знаком со своей аудиторией, и его научные представления о предмете сформировались незадолго до написания статьи.

Данные критерии были проверены на материале статьи [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF]. Изначально мы не нашли дополнительных данных об авторе, но после анализа и установления типа автора в соответствии с указанными

критериями информация всё-таки была обнаружена, и, таким образом, мы смогли сопоставить свои выводы со сведениями об авторе.

В заголовке, введении и начале основной части статьи содержится несколько показателей научности фрагмента картины мира, транслируемого читателю: «объективная» (профессиональная) квалификация результатов исследований и процессов в науке (*самое обширное [исследование]; Многие аспекты... остаются изученными недостаточно полно; эта область незнания сужается*), квалификация явлений без эксплицитных авторизационных показателей (*В современном мире практически не осталось «чистых» народов с простым и ясным происхождением; метафора плавильный котел*), оценка непрофессиональных представлений о явлении (*оставляя простор для самых разных, порой довольно диких, трактовок и спекуляций*). Однако в основной части статьи содержится множество показателей «чужой» точки зрения – ссылок на публикации, на их авторов, цитат: *...Результаты... исследования опубликованы [ссылка] в свежем номере журнала PLoS One; с точки зрения лингвистики; источники такой ситуации относят к...; учеными было собрано...; у руководителей группы исследователей мы поинтересовались... Олег Балановский ответил; добавляет Олег Балановский; было показано, что...; сложная работа была проделана и лингвистами; авторы обобщили; Олег Балановский резюмирует; по мнению ученых*. Такое систематическое отчуждение себя от носителей научного знания подводит к выводу, что автор статьи – журналист, который понимает общее положение дел в генетических и лингвистических этноисследованиях, но не берет на себя квалификацию языковых феноменов и лингвистических понятий, оставляя это ученым. Это говорит о том, что автор не относится к специалистам и с большой вероятностью не имеет филологического образования.

При определении подтипа автора-журналиста (инициатор или транслятор) мы оценили Р. Фишмана как журналиста-инициатора, поскольку в тексте есть указание на действие автора, организующее содержание текста: «У руководителя группы исследователей мы поинтересовались, с какой целью были выбраны сразу три генетических системы».

При последующем повторном поиске информации об авторе подтвердилось, что он имеет нефилологическое образование ⁷⁷.

Приведем другие примеры применения критериев определения характеристик автора.

Статья [Ефимов // N+1] содержит множество научных квалификаций объекта изложения (берестяных грамот) и других показателей того, что автор имеет опыт его изучения, однако мы перечислим только те маркеры, которые касаются лингвистического аспекта:

– квалификативные высказывания *Грамоты на дешевой бересте – это тексты невысокого статуса, сродни современным записным книжкам или SMS-кам (устанавливается сходство речевых жанров); ...Язык, на котором они написаны, максимально приближен к разговорному (осуществляется отнесение языка отдельной речевой практики к функциональной разновидности языка); В нем гораздо слабее, чем в книжном древнерусском языке..., влияние церковнославянского (указывается свойство разговорной разновидности языка); ...Чем больше находилось берестяных грамот, тем более любопытными становились языковые закономерности, которые в них проявлялись* (дается профессиональная оценка);

– идентифицирующие высказывания: *это именно единичные ошибки; на юге Руси утвердился фрикативный звук, донныне характерный для украинского языка и южнорусских говоров;*

– отдельные квалификативные и оценочные лексемы и выражения: *характерные [искажения имен], [описки], сильно [окали], очень часто [предложения начинаются с А], самые яркие [особенности]; очень важный [симптом]; было бы несправедливо [сводить значение экспедиции к...];*

– указания на исследовательские действия, не содержащие показателей «чужой» авторизации: *остается предположить, что...*

Однако статья содержит значительно больше маркеров принадлежности автора к представителям исторической науки: квалификации явлений (*новгородская*

⁷⁷ Роман Фишман // Книжное удовольствие. URL: <https://artdelivre.ru/writer/roman-fishman/> (дата обращения 26.12.2021).

почва исключительно благоприятна для консервации бересты; там была высока интенсивность переписки); указаний на исследовательские действия и их результаты (раскоп был большой; множество косвенных данных в древнерусских источниках указывало на то, что...; перспективы открывались умопомрачительные; по берестяным грамотам можно изучать...); квалификации исследовательских процедур (В качестве исторического источника берестяные грамоты – нечто прямо противоположное летописям; частная и деловая переписка и хозяйственные записи – бесценный источник сведений о...; первые десять грамот оказались вполне репрезентативной выборкой) и пр. Способность автора выносить подобные оценки в рамках исторической науки и более бедный (ограниченный источником) набор подобных оценок в рамках языкознания, а также приводимые для объяснения явлений языка ссылки на исследования (например, А. А. Зализняка) вместо содержательных объяснений свидетельствуют о том, что автор, вероятнее всего, историк, однако хорошо знакомый с достижениями лингвистики, которые он использует в своих исторических исследованиях. В связи с этим автора статьи целесообразно отнести к специалистам.

Встречаются и спорные случаи. В статье «10 попыток создать идеальный универсальный язык» [10 попыток ... // ПМ] автор не указан. Перечислим показатели точек зрения, которые могут принадлежать специалисту либо журналисту с филологическим образованием.

– Во вступлении к статье при характеристике описываемого явления (попыток создать универсальный язык) автор использует неопределенный показатель количества – *множество*. Употребление слова с квантитативным значением и семантикой неопределенности (не указано даже приблизительное количество, нет критериев оценки) можно расценить как профессиональную квалификацию. Однако это не может служить полноценным доказательством, поскольку разнообразие универсальных языков является предметом данной статьи, а общими знаниями о предмете статьи обладает и ученый, и журналист.

– Подобный неопределенно-количественный показатель используется автором для обозначения популярности языка сольресоль (*имел многочисленных*

последователей). В отличие от предыдущего, этот показатель в большей степени указывает на научность картины мира автора, поскольку знание о «нормальном», «среднем» количестве последователей искусственного языка (и, соответственно, оценка такого количества) является более узким, специальным, чем представление об общем количестве искусственных языков.

– Во фрагменте *Чаще всего забытый язык является культурным наследием, а его изучение является своеобразной данью предкам и возвращением к истокам* содержатся два высказывания с пропозицией идентификации, причем осуществление этой идентификации возможно только на основании научного (стремящегося к полноте) представления о судьбе универсальных языков. Об этом свидетельствует превосходная степень наречия *чаще всего*, семантика которой предполагает осведомленность автора обо всех универсальных языках или по крайней мере наличии репрезентативной выборки.

– Наконец, источниками знаний об универсальных языках являются различные разделы лингвистики и сведения о научной жизни: искусственные языки, отношение научной общественности к этим языкам (*многие языковеды высмеяли; не были оценены по достоинству; не снискавший успеха*), знания о разделах языкознания (эксплицитно упоминаются и в некоторых случаях поясняются семантика, письмо, грамматика, фонетика), представление о принципах моделирования семантики (*принцип образования всех понятий из малого количества фундаментальных*), виды практического применения искусственного языка (*используется для обучения людей с коммуникативными затруднениями, это делает возможным его использование... в качестве инструментария для ученых*), представления о норме исследовательских, в частности лингвистических, процедур (*эту теорию невозможно подтвердить или опровергнуть, потому что описание языка было опубликовано лишь в 2004 году, а кроме самого автора, на свете вряд ли найдутся люди, в совершенстве владеющие ифкуилем*⁷⁸; *это делает возможным его использование... в*

⁷⁸ Это рассуждение, однако, можно назвать довольно тривиальным, что несколько обесценивает его как аргумент в пользу хорошей научной квалификации автора.

качестве инструментария для ученых, исследующих отношения между языком, мышлением и культурой).

Как видим, в тексте присутствуют показатели, которые ранее были обозначены как маркеры возможной профессиональной принадлежности автора к специалистам. Однако встречаем также некорректное употребление термина во фрагменте *Карл Блисс использовал в своем интернациональном языке, блиссимволике, принципы семантики (значение слов, а не построение последних из фонем)*. Употребление такого словосочетания маловероятно для ученого или для журналиста, имеющего филологическое образование. Таким образом, несмотря на наличие некоторых признаков, сближающих текст с текстами специалистов, данного автора следует признать журналистом-инициатором, а наличие профессиональных оценок отнести к тщательной работе журналиста с материалом.

Отдельно следует сказать о статье «Все слова радуги», в которой редактор во введении представляет статью лингвиста К. Бауэрн, переведенную А. Ройтберг. Несмотря на то, что текст написан англоязычным автором для англоязычных читателей (последнее подтверждается многочисленными примерами из английского языка), она вошла в материал нашего исследования по двум причинам. Во-первых, она размещена на русскоязычном сайте – это означает, что редактор посчитал уместным представить текст русскоязычному читателю (это, впрочем, было бы недостаточным аргументом при отсутствии адаптации текста ⁷⁹). Во-вторых, статья снабжена внутритекстовыми примечаниями редактора, в одном из которых английские слова переводятся на русский язык, в другом поясняются отдельные термины, а в третьем дается принятый в русскоязычной литературе перевод наименования языка, не имеющего единого международного названия. Мы отнесли этот текст к первой группе – к текстам ученых.

⁷⁹ Ср., например, с переведенной с французского языка статьей «Каждые 15 дней в мире погибает язык», оригинал «Tous les 15 jours, une langue meurt». URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2013-10-13-52690> (дата обращения 26.12.2021), представляющей собой дословный перевод без комментариев для русскоязычного читателя и, судя по всему, стилистических правок. По этой причине данная статья не была включена в материал нашего исследования.

Требует пояснения и статья «Великий и могучий или глобальный?» С. Тер-Минасовой. Лид и первые два абзаца принадлежат редактору, который актуализирует для читателя тему текста, вводит контекст его создания и указывает, что сама «статья» является сокращенным изложением научного доклада, то есть текстом другого жанра другой сферы общения, нежели изучаемые нами. Несмотря на это, текст включен в материал нашего исследования, поскольку, во-первых, не является стенограммой (то есть специально подготовлен для печатной и электронной публикации), во-вторых, размещен на НП-сайте и, в-третьих, имеет несложное содержание профессионально-оценочного характера и содержит множество средств языковой выразительности. Такой же характер имеет и статья [Донских // ЗХЖ].

Автор текста [Долотовская // N+1] по образованию биолог. Статья посвящена серии экспериментов, в которых на обезьянах моделируется происхождение речи, то есть тематике, исследуемой как в лингвистике, так и в биологии. По этим двум признакам данная статья аналогична статье [Ефимов // N+1]. В первом абзаце текста, однако, обнаруживается отличие: в нем дается ссылка на научную статью с содержанием экспериментов, а далее указывается прагматическая позиция автора-журналиста: *Мы решили разобраться, что означают новые результаты для понимания природы языка, что на сегодняшний день ученые думают о его возникновении...* Таким образом, вводится еще один, отграниченный от автора субъект – *ученые*. Автору же (журналисту-инициатору) отводится роль посредника между научным знанием и читателем.

Распределение текстов по типам автора представлено в Приложении Б. Выделено 17 текстов специалистов, 16 текстов журналистов-инициаторов, 17 текстов журналистов-трансляторов.

Материал обрабатывался с помощью таблиц Excel и корпуса с аргументативной разметкой <https://uniserv.iis.nsk.su/arg/>⁸⁰, разработанного с нашим участием.

⁸⁰ Корпус разработан при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-00-01376 (18-00-00889 и 18-00-00760) «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса»), находится по адресу <https://uniserv.iis.nsk.su/arg/>; доступ открыт только для разработчиков. Устройство корпуса, модель аргументативной разметки, методика разметки и промежуточные результаты работы с корпусом представлены в статье [Pina, Kononenko, Sidorova, 2021].

С помощью таблиц Excel проводились систематизация, анализ материала и статистические подсчеты, связанные с аргументативными и референциальными характеристиками НП-статей.

Разметка аргументации позволила представить ее графически, в виде дерева аргументов (пример см. на рисунке 2). В левой части экрана статья представлена в текстовом виде, в правой – в виде графа. Слева в тексте полужирным курсивом выделены индикаторы аргументов, определяемые системой автоматически; зеленым маркером – фрагменты текста, выбранные пользователем для построения графа. В правой части темно-зеленые прямоугольники содержат эксплицитные суждения (посылки и тезисы), серые прямоугольники – имплицитные суждения, светло-зеленые овалы – аргументативные связи. На рисунке 2 граф ориентирован снизу вверх – от вспомогательных посылок к основному тезису.

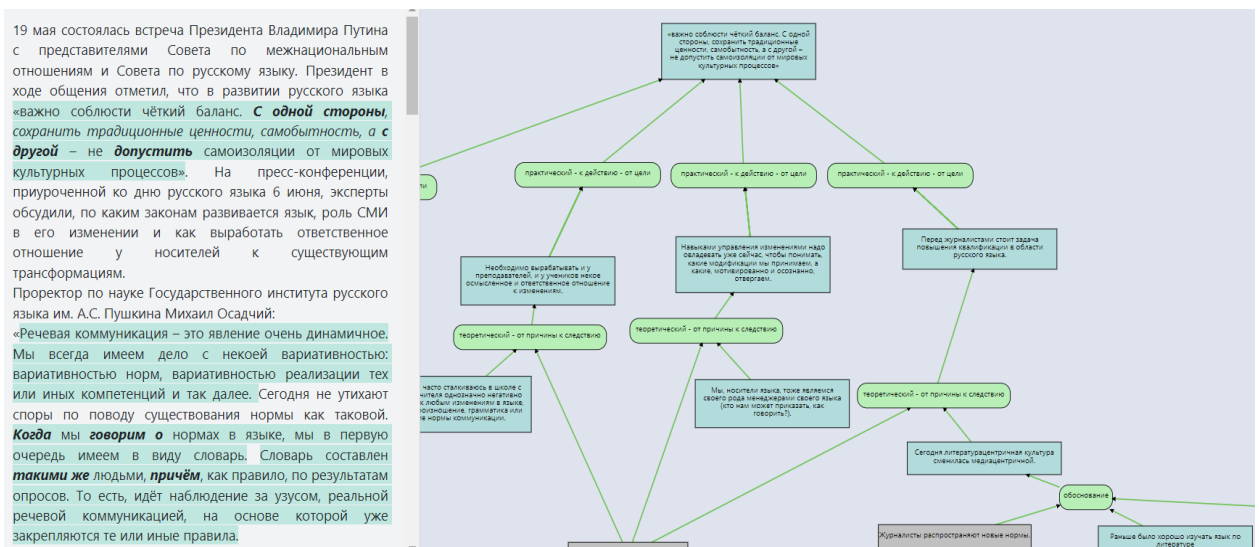

Рисунок 2 – Пример аргументативной разметки в корпусе <https://uniserv.iis.nsk.su/arg/>

Таким образом, мы сделали отбор НП-статей для анализа, построили классификацию потенциальных участников прагматической ситуации НП-коммуникации, что позволило нам произвести деление отобранных для анализа текстов НП-статей на коммуникативно-прагматических основаниях. Анализ материала позволил осуществить разметку аргументации в тексте и провести статистические подсчеты количества употреблений языковых средств.

2. Аргументативные схемы и их устойчивые сочетания в научно-популярной лингвистической статье

Аргументация представляет собой основной механизм реализации функции убеждения в НП-статьях, а именно в тех их фрагментах, которые представляют собой рассуждение. Аргументативные схемы и аргументативные структуры в системе рассуждения являются аналогами сверхфразовых единств повествовательных текстов и повествовательной части НП-текста. Этот параграф посвящен анализу аргументативных схем и их устойчивых сочетаний, используемых авторами НП-текстов.

2.1. Виды аргументов, используемых в научно-популярной статье

Абсолютное большинство в НП-текстах составляют теоретические аргументативные схемы, которые представлены тремя разновидностями: основанные на структуре реальности (логические или квазилогические), демонстрирующие способы установления реальности (получения знания) и представляющие собой ссылку на субъекта точки зрения. Из них авторы выбирают те, которые, по их мнению, окажутся убедительнее и/или которые в большей степени отвечают характеру научного знания. В данном разделе рассматриваются способы аргументации, предпочитаемые авторами-специалистами, журналистами-инициаторами и журналистами-трансляторами.

Для выявления характерных особенностей аргументации НП-текстов проанализирован не только текст лингвистической тематики, но и статьи из других областей науки, не входящие в основной материал данного диссертационного исследования (см., например, [Ким, Ильина, 2019; Ким, Ильина, 2020]), однако для статистических подсчетов в рамках настоящей работы использовано 15 статей – 30 % текстов, из них семь статей написаны специалистами [Бурлак // Постнаука; Исаев // Постнаука; Иомдин // Постнаука; Левонтина // Элементы; Мурадова. Сколько языков ... // Элементы; Титов // НиЖ; Кулапов // NG] и восемь – журналистами:

четыре – инициаторами [Стасевич //НиЖ; Неземной язык ... // ЗХЖ; Фадеева // NS; Фишман // ПМ] и четыре – трансляторами [Баринова. Не умеющие говорить дети ... // NG; Васильев // NS; Малоян // NS; Лингвисты доказали ... // Дилетант].

Всего было выделено 272 контекста, представляющих собой реализацию аргументативных схем. Контексты составляют отрывки текста, которые содержат (эксплицитно и имплицитно) посылки и вывод, реализующие аргументативную схему. Объем этих фрагментов различен: это может быть одно высказывание или его часть, а может быть сложное синтаксическое целое.

Первый случай можно проиллюстрировать отрывком из [Фишман // ПМ], в котором представлена реализация аргументативной схемы «От аналогии» (№ 38): *Если уж мы не умеем понимать наших соседей по планете и по дому, представителей других видов того же класса млекопитающих – то что мы скажем представителям совершенно иной жизни?*

Схема «От аналогии» состоит из двух посылок и вывода:

П₁: Случай С аналогичен текущему.

П₂: В случае С – S.

Т: В текущем случае S.

В приведенном примере первая посылка формулируется как ‘Коммуникация между людьми и животными аналогична коммуникации между людьми и представителями инопланетной жизни’, вторая посылка – ‘Коммуникация между людьми и животными не состоялась’, вывод (тезис) – ‘Коммуникация между людьми и представителями инопланетной жизни не состоится’.

Пример второго случая, когда аргументативная схема реализуется в сложном синтаксическом целом, представлен во фрагменте статьи [Бурлак // Постнаука]: *Но это [результаты эксперимента] не означает, что у хабилисов уже был настоящий язык: дело в том, что существуют коммуникативные системы, промежуточные между языком и его отсутствием. <...> Авторы статьи пишут, что для правильного изготовления олдувайских орудий надо усвоить несколько понятий, таких, как меловая корка (ее надо снять, прежде, чем⁸¹ делать орудие), плоский край*

⁸¹ Авторская пунктуация сохранена.

(именно из него должен получиться отщеп), угол удара, бугорок (на который надо направлять удар). Но для того, чтобы передать эти понятия, совершенно обязательно изъясняться сложноподчиненными предложениями – однословных реплик вполне может оказаться достаточно [Бурлак // Постнаука].

В этом отрывке реализуется схема «От наличия других объяснений» (№ 41):

П₁: А объясняет В.

П₂: X – другое (возможно, более удачное) объяснение В.

Т: Имеет место X.

Первая посылка в тексте реализуется следующим образом: ‘Наличие у хабилисов настоящего языка объясняет результаты эксперимента’, вторая – ‘Наличие однословных реплик – другое (возможно, более удачное) объяснение результатов эксперимента’, вывод – ‘Хабилысы использовали однословные реплики’.

Как видно из приведенных примеров, некоторые элементы аргументативной схемы (включая вывод) могут реализовываться имплицитно, и их приходится реконструировать, опираясь на контекст – оспариваемый тезис, посылки и пр. Кроме того, некоторые синтаксические конструкции требуют трансформаций: например, риторический вопрос из первого примера (*...что мы скажем представителям совершенно иной жизни?*) необходимо преобразовать в отрицательное высказывание.

Подсчет аргументативных схем в проанализированных текстах показал следующее. В НП-статьях, написанных специалистами, преобладают аргументы, демонстрирующие способы получения знаний (46 %); схемы, основанные на структуре реальности, и схемы – ссылки на субъекта знания встречаются реже (23 и 30 % соответственно). В текстах, написанных журналистами, преобладают аргументы третьего типа – ссылки на субъекта знания (47 %); немногим реже встречаются аргументы, указывающие на способы получения знаний (42 %); (квази)логические встречаются совсем редко – в 8 % случаев. Однако при отдельном подсчете аргументов в статьях журналистов-инициаторов и журналистов-трансляторов наблюдается существенная разница: в первых распределение в целом приближено к распределению в текстах специалистов (за исключением (квази)логических аргументов, доля которых существенно меньше), а в статьях, представляющих собой

ретрансляцию речи ученых, 84 % аргументов являются ссылками на субъектов мнения (Таблица 1).

Таблица 1 – Распределение типов аргументов в научно-популярных статьях специалистов и журналистов

Тип аргумента	Доля аргументов в статьях специалистов	Доля аргументов в статьях журналистов			Всего
		Статьи журналистов-инициаторов	Статьи журналистов-трансляторов	Всего в статьях журналистов	
Практические аргументы	1 % (1)	2 % (2)	3 % (1)	2 % (3)	1 % (4)
Основанные на структуре реальности	23 % (33)	9 % (9)	3 % (1)	8 % (10)	16 % (43)
Демонстрирующие способы установления реальности	46 % (66)	54 % (53)	10 % (3)	43 % (56)	45 % (122)
Представляющие собой ссылки на субъектов точки зрения	30 % (42)	35 % (35)	84 % (26)	47 % (61)	38 % (103)
Всего	142	99	31	130	272

Такое распределение можно легко объяснить, исходя из характеристик НП сферы общения: автор-специалист лучше, чем журналист, разбирается в предмете описания: знает его устройство, понимает причинно-следственные связи, умеет получать знания такого рода и иллюстрировать их. Для журналиста же самым простым способом написать статью является цитирование выводов ученого или близкий к тексту пересказ его слов, при этом эксплицитные ссылки на ученого делают знание легитимным. Так, в статье [Малоян // NS] 11 из 12 аргументов являются ссылками на субъектов мнения: 8 – «От эксперта» (№ 43), 2 – «От исследовательской процедуры» (№ 44; указание на применение методов лингвистической филогении, но без объяснения их сущности), 1 – «Ad populum» (№ 46; субъект всеобщего мнения не выражен эксплицитно, но, судя по всему, это сообщество ученых, лингвистов и антропологов).

Примером другого подхода журналиста к передаче научного знания является статья [Фишман // ПМ], в которой из 31 аргументативной схемы 6 относятся к аргументам, основанным на устройстве реальности, 13 – к демонстрирующим способы получения знания, 11 – к ссылкам на субъектов точки зрения, 1 – к

практическим схемам. Внутри первой и второй групп аргументативные схемы разнообразны: 1) «От части к целому» (№ 21), «От частей к целому» (№ 22), «От условия к следствию» (№ 26) / «От причины к следствию» (№ 24), «От действия к характеру» (№ 29); 2) «От примера» (№ 37), «От аналогии» (№ 38), «От знака» (№ 33). Третья группа в основном представлена аргументами «От эксперта» (№ 43), которые использованы при цитировании полемизирующих друг с другом ученых (прием, нетипичный для журналистов-трансляторов).

В статье [Ким, Ильина, 2020] мы проводили исследование языковой личности Р. Фишмана, автора последней из указанных статей, в аргументативном аспекте (на материале лингвистических и нелингвистических статей анализировался выбор аргументативных схем и сложность аргументативных структур) и пришли к выводу о том, что его аргументативный стиль приближен к научному. Автор действительно старается освоить материал, о котором собирается писать, чтобы выстроить изложение в своей логике и затронуть разные аспекты научного знания. Хороший пример представлен в нелингвистической статье «Тайная жизнь растений»⁸²: *...Сегодня ученый [Стефано Манкузо] является основателем и главой уникальной «Международной лаборатории нейробиологии растений» и призывает заняться разработкой «растительноподобных» роботов. В этом призыве есть своя логика. Ведь если задачей такого робота будет не работа на космической станции, а исследование водного режима или мониторинг среды, то не стоит ли ориентироваться на растения, которые столь замечательно к этому приспособлены? А когда придет время заняться терраформированием Марса, то кто лучше растений «подскажет», как вернуть жизнь пустыне?..* В нем практический аргумент «От эксперта» в первом высказывании, употребление которого свойственно текстам журналистов-трансляторов, сопровождается аргументом «От ценности» (№ 2; П₁: ‘Разработка растительноподобных роботов усиливает ценность освоения других

⁸² Фишман Р. Тайная жизнь растений // Популярная механика. 2017. № 4. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/433580/Taynaya_zhizn_rasteniy (дата обращения 13.09.2020).

планет’, П₂: ‘Освоение других планет – ценность’, Тезис ‘Нужно разрабатывать растительноподобных роботов’). Оба аргумента имеют один и тот же тезис.

В то же время в статьях [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF] и [Фишман. Реформы и войны ... // STRF] автор проявляет меньшую самостоятельность, хотя и организует текст.

Рассмотрим, есть ли различия в составе групп каждого типа аргументации в текстах специалистов и журналистов. Распределение схем аргументов, опирающихся на устройство реальности, представлено в Таблице 2.

Таблица 2 – Распределение схем аргументов, опирающихся на устройство реальности, в НП-статьях

Схема аргумента, № в Приложении А	Доля аргументов в текстах специалистов, шт. (%)	Доля аргументов в текстах журналистов, шт. (%)			Всего
		Статьи журналистов-инициаторов	Статьи журналистов-трансляторов	Всего	
От частей к целому, 22	–	11 % (1)	–	10 % (1)	2 % (1)
От причины к следствию, 24	48 % (16)	–	100 % (1)	10 % (1)	40 % (17)
От следствия к причине, 25	6 % (2)	–	–	–	5 % (2)
От условия к следствию, 26	42 % (14)	78 % (7)	–	70 % (7)	49 % (21)
От характера к действию, 27	3 % (1)	–	–	–	2 % (1)
От действия к характеру, 29	–	11 % (1)	–	10 % (1)	2 % (1)
Всего	33	9	1	10	43

Такие аргументы почти не представлены в текстах журналистов-трансляторов.

Подсчет количества употреблений каждого вида (квази)логических аргументов показал, что в НП-статьях преобладают причинно- и условно-следственные отношения. Что касается распределения указаний на отношения строгой или нестрогой детерминированности, то у журналистов преобладает схема «От условия к следствию» (№ 26), а у специалистов встречаются оба типа отношений, но чаще причинно-следственные.

Так, в статье [Бурлак // Постнаука] автор воспроизводит рассуждения ученых-экспериментаторов, которые моделировали традиции передачи умения изготавливать орудия труда в разных популяциях – имеющих язык и не имеющих его: *...В тех «традициях», которые использовали язык, умение утрачивалось медленнее, и орудия у них получались лучшие. Из этого авторы эксперимента делают вывод, что изготовление орудий задало новое направление отбора.* Схема аргумента «От причины к следствию» (№ 24) реализована следующим образом:

П₁: 'Появление феномена, дающего существенное преимущество одной популяции над другой, задает новое направление отбора'.

П₂: 'Такой феномен (язык) имеет место'.

Т: 'Имеет место новое направление отбора популяций (по наличию в них языка)'.

Употребление аргумента «От причины к следствию», а не «От условия к следствию», то есть достаточность условия, доказывается обращением импликации: отсутствие нового направления отбора популяций свидетельствовало бы об отсутствии феномена, дающего существенное преимущество одной популяции над другой.

Интересная реализация схем «От причины к следствию» и «От условия к следствию» наблюдается в статье [Иомдин // Постнаука]: *Однако именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение, какой предмет как называется, и составить из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь, очень трудно. По-разному говорят представители различных профессий, люди разных возрастов и интересов, жители разных городов. Кроме того, язык постоянно меняется, и быт – сфера наиболее интенсивных изменений: то и дело появляются новые предметы, рождаются новые названия, старые слова меняют свои значения, и возникает неуправляемый хаос.*

Маркером схемы «От причины к следствию» является причинный союз *потому, что* с частицей *именно*: таким образом выражается единственность условия выполнения тезиса, то есть трудность выбора «правильного» значения слова вызвана высокой частотностью и употребительностью бытовой лексики, и только

ими. Однако при детализации и выделении более дробных связей между этими утверждениями обнаруживаются два других условия:

- 1) представитель каждой социальной (возрастной, территориальной, профессиональной) группы имеет собственное мнение о значении бытовых слов;
- 2) быстрое изменение состава бытовой лексики и значений слов.

Получается сложный фрагмент аргументативной структуры (см. Рисунок 3), в котором детерминация может быть нечетко указанной, а значит, недостоверной.

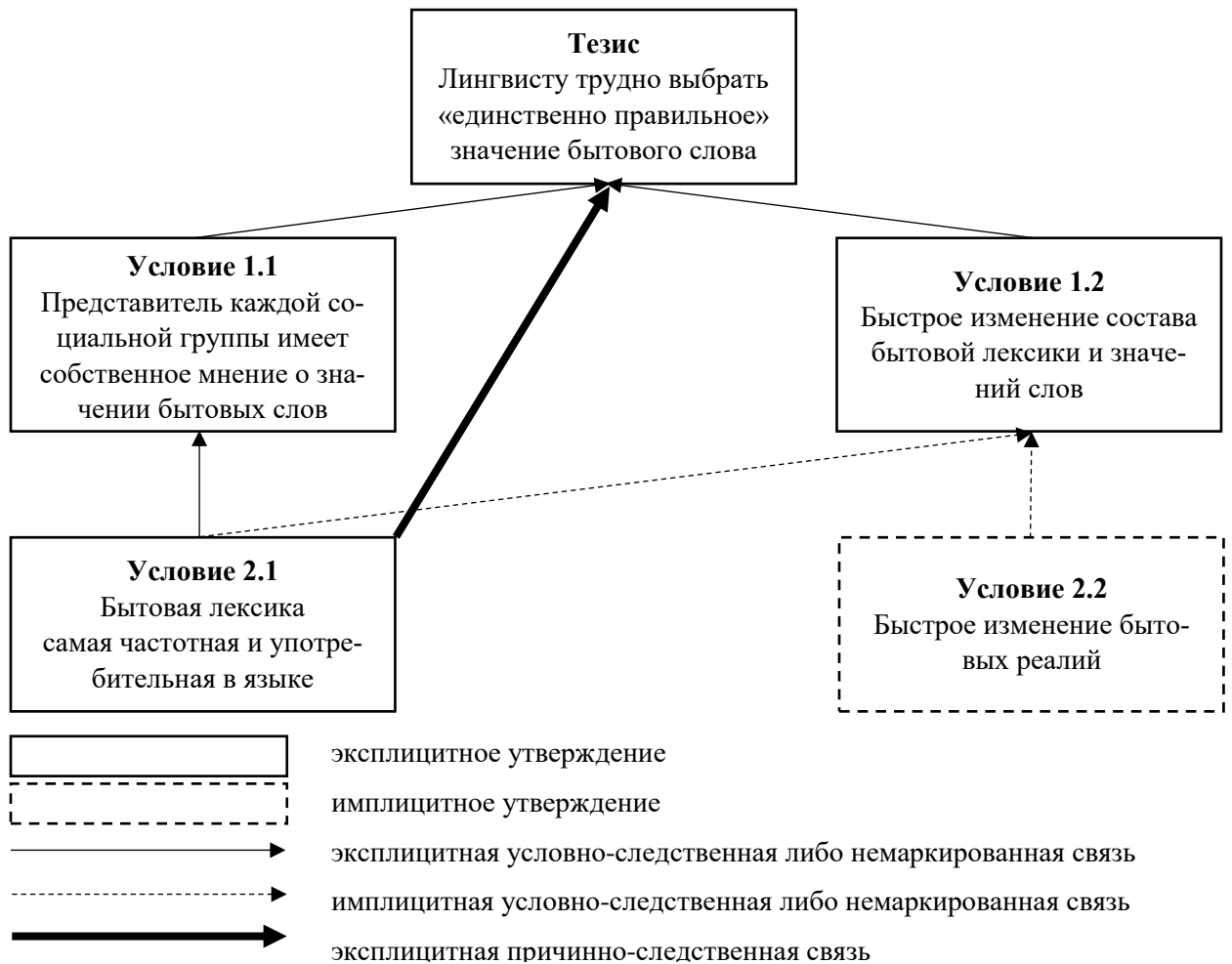

Рисунок 3 – Фрагмент аргументативной структуры статьи [Иомдин // Постнаука]

Типичный пример реализации схемы «От условия к следствию» в журналистских текстах представлен в статье [Фишман // ПМ]: *Хозяйка котов, несомненно, знает, какими звуками они выражают свое желание «пожевать», да вот беда: у Анатолия для этого один звук, а у Мартына – совсем другой. Так кошачий словарь не составишь* (П₁: ‘Разный план выражения знаков языка – условие невозможности

составления словаря этого языка»; П₂: 'У котов разные звуки для выражения одного желания – «пожевать»'; Т: 'Невозможно составить словарь кошачьего языка').

Среди аргументов, демонстрирующих способы установления реальности, в НП-текстах преобладают схемы «От примера» (№ 37; 50 %) и «От знака» (№ 33; 31 %). Распределение этих схем в текстах журналистов и специалистов различается незначительно (Таблица 3).

Таблица 3 – Распределение схем аргументов, демонстрирующих способы установления реальности, в НП-статьях

Схема аргумента, № в Приложении А	Доля аргументов в текстах специалистов, шт. (%)	Доля аргументов в текстах журналистов, шт. (%)			Всего
		Статьи журналистов-инициаторов	Статьи журналистов-трансляторов	Всего	
От классификации / определения, 30	3 % (2)	4 % (2)	–	4 % (2)	3 % (4)
От установленного правила, 31	2 % (1)	2 % (1)	–	2 % (1)	2 % (2)
От незнания, 32	2 % (1)	–	–	–	1 % (1)
От знака, 33	35 % (23)	26 % (14)	33 % (1)	27 % (15)	31 % (38)
От лучшего объяснения, 34	5 % (3)	–	–	–	2 % (3)
От исключения, 35	–	2 % (1)	–	2 % (1)	1 % (1)
От примера, 37	48 % (32)	53 % (28)	–	50 % (28)	49 % (60)
От аналогии, 38	2 % (1)	6 % (3)	–	5 % (3)	3 % (4)
От корреляции к причине, 39	3 % (2)	2 % (1)	–	2 % (1)	2 % (3)
От метода, 40	–	6 % (3)	67 % (2)	9 % (5)	4 % (5)
От наличия других объяснений, 41	2 % (1)	–	–	–	1 % (1)
Всего	66	53	3	56	122

В реализации схемы «От примера» наблюдается следующая особенность: тезис «Во всех случаях S» редко реализуется именно в этой форме, с квантором всеобщности. Чаще встречаются тезисы с кванторами большинства, большого количества, увеличения количества. Это связано, как нам представляется, с двумя факторами. Во-первых, тематика исследуемых статей – язык – является продуктом эволюции и истории человека, и поэтому в его функционировании нечасто

встречаются универсальные правила, даже в пределах одного языка. Предполагаем, что в НП-статьях, посвященных физическим явлениям, химическим взаимодействиям или математическим закономерностям, тезисов с кванторами всеобщности в аргументах «От примера» больше. Во-вторых, наивной картине мира свойственна неточность и приблизительность, поэтому говорящий может не делать разницы между всеобщностью и большинством.

Приведем пример такой реализации схемы «От примера» с квантором большого количества: *Африканский континент богат на необычные звуки. В языке кхóса (или коса), на котором говорят в Южной Африке, встречаются весьма необычные для европейского слуха щелкающие согласные, или кликсы (от англ. «clicks»)* [Кулапов // NG]. Тезис этого высказывания – ‘В языках Африки много звуков, необычных для русского языка / для славянских, германских и романских языков’ – содержит квантор большого количества, выраженный предикатом *богат*. Посылка утверждения – ‘В африканском языке кхоса есть щелкающие согласные’.

В статье [Иомдин // Постнаука] имеется пример, более точно соответствующий исходной формулировке аргументативной схемы: *Определения ГОСТов предельно точны* (отсутствует эксплицитный квантор всеобщности, однако употребление пропозиции характеристики с наименованием характеризуемого объекта во множественном числе обозначает общее правило): *«Книга – книжное издание объемом свыше 48 страниц»; «Свитер – трикотажная плечевая одежда с длинными рукавами, без застежки, с высоким воротником более 5 см»*. В быту же язык не терпит такой точности: *книгу из 47 страниц мы обычно все равно готовы считать книгой, свитер с воротником четыре сантиметра – свитером*. Тезис в данном фрагменте – ‘В ГОСТах слова всегда определяются более точно, чем мы их понимаем в бытовой речи’, посылка – ‘Под определение книги в ГОСТе попадает меньше объектов, чем мы называем книгами в бытовой речи’ (аналогично реализуется эта схема с примером про свитер).

Приведем пример реализации схемы «От знака» (№ 33): *Как шутиливо замечает сама исполнительница на этой записи, одну из песен ее народа – свадебную «Qongqothwane» – в Америке и Европе именуют «The Click Song», поскольку не*

могут произнести ее оригинальное название [Кулапов // NG]. В данной схеме первая посылка ('Если есть *A*, то это указывает на *B*'), как правило, имплицитна и является топосом – общим для коммуникантов знанием или убеждением. В данном примере ее можно сформулировать следующим образом: 'Если название песни переименовывают не дословно, а с указанием на звуки в названии, значит, эти звуки необычны для языка, на который осуществляется перевод' (возможно, формулировка должна быть более широкой и включать другие жанры искусства и другие особенности в названиях произведений). Вторая посылка – указание на факт такого перевода, а вывод ('Щелкающие звуки необычны для европейских языков') не сформулирован явно, однако подразумевается, причем как в рамках данной схемы, так и в схеме «От условия к следствию» (№ 26; невозможность произнести на европейских языках название «Qongqothwane» – условие перевода названия с указанием звуков, использованных в нем).

Что касается остальных схем, то тексты специалистов отличаются несколько бóльшим разнообразием: схемы «От классификации / определения» (№ 30), «От незнания» (№ 32), «От лучшего объяснения» (№ 34) и обратная ей схема «От наличия других объяснений» (№ 41) встретились только в статьях ученых, например: [П₁] *Карты ДАРЯ несут принципиальную лингвогеографическую информацию* 'Карты ДАРЯ предоставляют лингвогеографическую информацию'. [П₂] *Нет других более точных и объемных сведений о географическом устройстве русских диалектов Центра Европейской части России* 'Другие сведения не более [не так] точны и объемны' [Т: 'Карты ДАРЯ предоставляют корректную лингвогеографическую информацию'] [Исаев // Постнаука]. Это может быть связано с тем, что лингвисты, в отличие от журналистов, хорошо знают, каким образом формируется лингвистическое знание, и, как правило, сами являются исследователями.

В статьях журналистов-трансляторов схемы, демонстрирующие способы установления реальности, как и (квази)логические, встречаются редко: дважды встретилось указание на метод и один раз – схема «От знака».

Распределение аргументов – ссылок на субъекта точки зрения, на первый взгляд, мало различается у специалистов и журналистов: у тех и у других самой

частотной является схема «От эксперта» (60 % у ученых, 80 % у журналистов), а второе место занимает схема «Ad populum» (19 и 8 % соответственно) (Таблица 4).

Таблица 4 – Распределение аргументов – ссылок на субъекта точки зрения в НП-статьях специалистов и журналистов

Схема аргумента, № в Приложении А	Доля аргументов в текстах специалистов, шт. (%)	Доля аргументов в текстах журналистов, шт. (%)			Всего
		Статьи журналистов-инициаторов	Статьи журналистов-трансляторов	Всего	
От знающего, 42	7 % (3)	–	–	–	3 % (3)
От эксперта, 43	60 % (25)	83 % (29)	77 % (20)	80 % (49)	72 % (74)
из них:					
схем, в которых субъектом является автор;	14 % (6)	–	–	–	6 % (6)
схем, в которых субъектом является оппонент	10 % (4)	9 % (3)	–	5 % (3)	7 % (7)
От исследовательской процедуры, 44	2 % (1)	–	15 % (4)	7 % (4)	5 % (5)
От свидетеля, 45	12 % (5)	9 % (3)	–	5 % (3)	8 % (8)
Ad populum, 46	19 % (8)	9 % (3)	8 % (2)	8 % (5)	13 % (13)
Всего	42	35	26	61	103

Однако среди реализаций схемы «От эксперта» (№ 43) у специалистов четверть составляют контексты, в которых экспертом является сам автор, и это имеет эксплицитное выражение, а шестую часть – контексты, в которых экспертами являются оппоненты автора в полемике. Такой эксперт-оппонент, как правило, квалифицирует языковое явление некорректно, по мнению автора. В этом случае схема «От эксперта» не выполняет функцию легитимации знания, составляющего тезис. Подробнее такие схемы рассмотрены в третьей части этого параграфа при описании конфликтной (полемической) аргументации.

Аргумент «Ad populum» (№ 46) используется, как правило, в двух случаях. Часто он представляет дилетантское мнение, носителем которого может быть читатель, например: *Чаще всего при объяснении происхождения этой поговорки ссылаются на некий загадочный крестьянский обычай – дать коню поваляться, перед тем как его будут запрягать или седлать. Якобы благодаря такой*

«производственной гимнастике» лошади меньше устают во время работы [Титов // НиЖ]. «Всеобщность» мнения выражена здесь наречием *чаще всего* и неопределенно-личным типом предложения с предикатом *ссылаются*. Автор не разделяет это мнение, о чем в этом фрагменте свидетельствует частица *якобы*. В других случаях эта аргументативная схема демонстрирует общеизвестные факты, например: *Уже давно было известно о генетическом родстве туземцев Северной Америки и коренных народов России* [Малоян // NS]. В этом случае «всеобщность» мнения выражена указанием на длительное время его существования *уже давно*.

Подводя итоги данного раздела, можно описать некоторые закономерности выбора авторами способов аргументации, а значит предпочтительных, по их мнению, способов доказательства истинности научной картины мира.

1. Наиболее распространенные аргументы, используемые в НП-статьях лингвистической тематики, демонстрируют способы установления реальности. Это означает, что в целом авторы таких статей склонны не только описывать научное знание, но и показывать читателю, каким образом его можно получить или как можно убедиться в его истинности. Чуть менее популярны аргументы, представляющие собой ссылки на субъектов точки зрения. Чаще всего это ученые, хотя нередко ссылки и на общеизвестное мнение – либо как на основу для понимания результатов научных исследований, либо как на неправильное мнение, всеобщее заблуждение. На долю аргументов, основанных на структуре реальности (то есть на ее «объективных» законах, на общечеловеческих категориях мышления), пришлось всего 16 %. Это может быть связано со стремлением уйти от излишнего наукообразия либо со сложностью, громоздкостью таких способов объяснения.

2. Авторы-специалисты в три раза чаще, чем журналисты, обращаются к структуре реальности. Это может свидетельствовать как о том, что специалист лучше знает описываемый фрагмент мира, так и о том, что такие аргументы кажутся ему более убедительными.

3. Распределение типов аргументов у журналистов-инициаторов в целом совпадает с общим распределением: наиболее частотны аргументы,

демонстрирующие способы установления реальности (получения знания), немного менее частотны ссылки на субъектов точки зрения.

4. Подавляющее большинство аргументативных схем, используемых журналистами-трансляторами, – ссылки на субъектов точки зрения, которыми являются ученые. Это означает, что в таких статьях журналист не оценивает себя как субъекта знания, самостоятельно убеждающего читателя в истинности научной картины мира, а основным источником убедительности он полагает позицию ученого.

2.2. Средства выражения аргументативных схем и их элементов

Аргументативные схемы различаются по широте варьирования средств выражения и возможностям формализации. Последнее зависит от наличия регулярных и присущих только данной схеме лексических маркеров и повторяющихся синтаксических конструкций. Приведенные ниже примеры языковых средств, а также перечень средств, приведенный в Приложении В, выявлены в работе с аргументативным корпусом <https://uniserv.iis.nsk.su/arg/>.

Определение, описание и формализация языковых средств выражения аргументации велась в целях разработки словаря индикаторов различных аргументативных схем для их дальнейшего автоматического распознавания. С этой точки зрения выделяются сильные (специфичные, присущие только одной схеме) и слабые (присущие нескольким или многим схемам) индикаторы. В рамках лингвистического описания, входящего в задачи диссертационного исследования, и автоматической аргументативной разметки одни и те же языковые средства могут характеризоваться по-разному. К таким средствам, например, относится вводное слово *так* ‘например’. При лингвистическом описании его легко отличить от части составного подчинительного союза (*так, что; так, как*) либо омонимичного наречного местоимения, и в этом случае вводное слово является сильным показателем схемы «От примера». При автоматическом же распознавании последовательность символов «. Так,» может встретиться и в неаргументативных контекстах, например: *Этот пример очень ярко показывает, как член того или иного языкового*

коллектива стремится говорить так, как говорят все в его окружении [Болохова // STRF]; Так, как я удивился в тот раз, я не удивлялся никогда [пример наш. – Д. И.].

Среди наиболее частотных аргументативных схем хорошо формализуемыми оказались схемы «От примера» (№ 37) и «От эксперта» (№ 43).

Для схемы «От примера» специфичными показателями являются слова, принадлежащие словообразовательному гнезду с корнем «пример»⁸³:

- [Тезис] **«Пример:»** [Посылка];
- [Тезис] **«Привед»**<у/ем> (<количественное слово>) **«пример»**(<а, ы, ов>)

[Посылка]

- [Тезис]«.» **«Например,»** [Посылка]
- [Тезис]«.» **«Например:»** [Посылка]

К менее специфичным, но регулярным индикаторам относятся следующие (в скобках примеры реализации этих средств):

– [Тезис]«.» **«Так,»** [Посылка] (...[Т] *в последнее время всё чаще появляются экспериментальные работы, из которых следует, что – да, язык воздействует на сознание. Так, [П] в 1991 году в журнале Cognition была опубликована статья, в которой говорилось, что корейцы по сравнению с англичанами больше обращают внимания на то, как объекты соединяются друг с другом, насколько хорошо они друг к другу подходят* [Стасевич // НиЖ]);

– [Тезис]«:» [Посылка] (...*странное ударение трусы́ вместо трусы. <...> [Т: 'В истории русского словоупотребления есть примеры постановки ударения трусы́ вместо трусы'] Корпус говорит нам, что такой вариант был: [П] Фелицы слава, слава Бога, / Который брани усмирил, / <...> Который оком лучезарным / Шутам, труса́м, неблагодарным / И праведным свой свет дарит* [Г. Р. Державин. Фелица

⁸³ Зд. и далее при описании показателей аргументативных схем в квадратных скобках указана часть схемы (посылка или тезис), в кавычках – слова, словосочетания и/или последовательности символов, в треугольных скобках – варианты форм слова или указания на классы языковых единиц. Индикаторы выделены полужирным шрифтом. В примерах начало элемента аргументативной схемы маркируется помещением обозначений «П_(1/2/3)» (вместо «Посылка_(1/2/3)») и «Т» (вместо «Тезис») в квадратных скобках перед началом соответствующего фрагмента.

(1782)]; *Что забывших про долг и про честь / Беглецов и предателей много / У несчастной их родины есть; / Что трусов малодушных не счесть; / Но что больше всего равнодушных, / Беззаботно насилью послушных* [М. О. Цетлин (Амари). *Аист* (1906)] [Левонтина // Элементы];

– [Тезис]«.» [Посылка] (*Африканский континент богат на необычные звуки. В языке кхóса (или коса), на котором говорят в Южной Африке, встречаются весьма необычные для европейского слуха щелкающие согласные, или кликсы (от англ. «clicks»)*) [Кулапов // NG].

Последние два индикатора самые слабые из перечисленных, поскольку могут выражать причинно-следственные, пояснительные, авторизационные и другие отношения.

В НП-статях частотна также аргументативная схема «От эксперта»:

П₁: S – эксперт в области D.

П₂: S говорит A.

П₃: A относится к D.

T: A истинно.

Как правило, первая посылка репрезентируется словами *эксперт, специалист, исследователь*, также может указываться место работы субъекта, его ученая степень и/или звание. Вторая посылка выражается средствами прямой или косвенной речи, третья обычно имплицитна и реконструируется, исходя из презумпции связности текста. Тезис, как правило, представляет собой диктумную часть второй посылки. Приведем пример из статьи [Бурас, Кронгауз // Постнаука]: [Посылка₂] [П₁] *Авторы статьи* [Конец П₁] *делают вполне справедливый вывод о том, что* [T] *усложнение орудийной деятельности задавало вектор отбора в направлении усложнения коммуникативной системы* [Конец T и П₂].

Другие аргументативные схемы встречаются реже, чем «От примера» и «От эксперта», устойчивые лексические индикаторы в них не употребляются, однако используются семантически актуальные для данной аргументативной схемы языковые средства.

Так, аргументативная схема «Ad populum» (№ 46) имеет следующую структуру:

П: Все признают *A*.

Т: *A* истинно.

У этой схемы есть относительно устойчивый семантико-грамматический маркер – всеобщность, выраженная формально безличным высказыванием, которая часто сочетается с квантифицирующими наречиями времени. Используются разные предикаты, такие как *можно слышать*, *можно встретить*, *(как) известно* и т. п., например: [П] *На интернет-форумах, посвящённых вопросам языка, часто можно встретить такую версию*: [Т] *«Русский валенок начинал валяться с кона – мыска. И фраза “Ещё кон не валялся” означает, что до окончания работы над валенком очень далеко»* [Титов // НиЖ]; ... [П] *Вряд ли стоит сомневаться, что [Т] рано или поздно мы научимся переводить и мяуканье, и лай, и даже карканье* [Фишман // ПМ]; [П] *Уже давно было известно о [Т] генетическом родстве туземцев Северной Америки и коренных народов России* [Малоян // NS].

Аргумент «От причины к следствию» (№ 24) представлен следующей схемой:

П₁: *A* – причина *B*.

П₂: Имеет место *A*.

Т: Имеет место *B*.

Несмотря на отсутствие регулярного маркера, контексты, реализующие эту аргументативную схему, содержат в себе причинные конструкции с разными показателями отношения: союзом *потому что*; *и* в значении следствия; бессоюзными причинными конструкциями; причинными предлогами; показателями причинных отношений, включающими в себя элементы с семантикой обработки информации. Примеры реализации этих средств: *То же и с произношением слова, только [Т] здесь работать еще сложнее* [П₁⁸⁴]; [П₂] *ударения в письменном тексте не увидишь, нужно обрабатывать записи устной речи и проводить масштабные опросы* [Иомдин // Постнаука]; [Чаще всего при объяснении происхождения этой поговорки ссылаются на некий загадочный крестьянский обычай – дать коню поваляться, перед тем как его будут запрягать или седлать. Якобы] [П₁] благодаря

⁸⁴ Зд. и далее в качестве Посылки 1 лучше было бы отметить всю причинную конструкцию, однако в этом случае она будет совпадать с самим контекстом, реализующим аргументативную схему.

[П₂] такой «производственной гимнастике» [Т] лошади меньше устают во время работы [Титов // НиЖ]; [П₂] У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, [П₁] и [Т] лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь [Иомдин // Постнаука]; [Любой язык является сложным образованием. И дело не только в грамматике: в языке есть несколько взаимодействующих пластов, а] [Т] сложность связей между пластами [П₁] объясняется [П₂] непростой историей народа, социальным расслоением общества, образованием и развитием литературного языка, расселением племен, обладавших различными диалектами, и так далее [Исаев // Постнаука].

Аргумент «От метода» (№ 40) построен по следующей схеме:

П₁: Метод *X* используется в области *D* и включает действия *A*₁, *A*₂ ... *A*_{*n*}.

П₂: С помощью метода *X* получили результат *B*.

П₃: *B* относится к области *D*.

Т: *B* истинно.

Маркером этой аргументативной схемы являются слова, относящиеся к тематической группе «научное исследование»: *метод, методика*, а также существительные, обозначающие процедуры научного исследования: *эксперимент, опыт*, см., например: [П₁] Методика напоминает знаменитую идею «испорченного телефона» – она эксплуатирует те проблемы с передачей смысла, которые неизбежно возникают при переводе текста с одного языка на другой через «цепочку» переводчиков, буквально переводящих переданный им текст [Лингвисты доказали ... // Дилетант]; [П₁] Методы лингвистической филогении [П₂] помогли доказать [Т] языковую связь между коренными народами Сибири и индейскими племенами Северной Америки [Малоян // NS]; [П₁] В ходе экспериментов две возрастные группы [П₂] показали и [Т] разницу: 11-месячные малыши не просто реагировали на звуки, но делали это избирательно [Барينو́ва // NG].

Аргумент «От свидетеля» (№ 45) построен по следующей схеме:

П₁: *S* наблюдал ситуацию *D*.

П₂: *S* говорит *A*.

П₃: *A* относится к ситуации *D*.

Т: А истинно.

Индикатором этой аргументативной схемы являются глаголы восприятия, маркирующие первую посылку, например: [*Выдающийся ученый, академик Андрей Зализняк приводит множество таких примеров. В древнерусском языке говорили «буда», «миса», «пряга», «лава» — сейчас «будка», «миска», «пряжка», «лавочка».*] [П₁] *Мы и теперь наблюдаем такие изменения: [Т] в современном языке говорят не «шнурки для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка» — и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика [Бурлак // Постнаука]; [В кхóса есть три основных щелкающих звука, обозначаемых на письме с помощью букв С, Х и Q.] [П₁] Попробуйте услышать [Т] разницу между ними в этой скороговорке [Кулапов // NG].*

Для других аргументативных схем устойчивых языковых примет выявить не удастся. Это касается и довольно часто встречающейся схемы «От условия к следствию» (№ 26).

Как видим, средства выражения различных аргументативных схем и их групп могут быть в большей или меньшей степени специфичными, то есть свойственными определенным схемам и группам. Легче всего по языковым приметам опознаются аргументы – ссылки на субъекта точки зрения.

2.3. Конфликтная (полемиическая) аргументация в научно-популярной статье

На материале 15 текстов обнаружено 52 контекста с конфликтными, или атакующими, схемами, то есть аргументами, направленными на полемику с другой точкой зрения. В данном разделе параграфа рассматриваются основные типы конфликтного взаимодействия субъектов и способы их выражения.

Выявлено пять основных разновидностей конфликтного взаимодействия:

- 1) столкновение научного и наивного представления о предмете;
- 2) столкновение точек зрения двух специалистов (или двух групп специалистов);

- 3) противопоставление разных точек зрения носителей языка на язык;
- 4) автополемика;
- 5) полемика между специалистом-нелокутором и автором-журналистом.

Выявленные типы конфликтного взаимодействия отчасти коррелируют с формами диалогичности, выявленными исследователями НП-стиля и НП-дискурса (см. параграф 1 гл. 1, с. 22). Особняком стоит последний вид взаимодействия, в котором мнение ученого противопоставлено мнению автора-журналиста.

2.3.1. Полемика между носителем научного и носителем наивного представления о языке

В рассматриваемых НП-статьях встретилось 22 контекста с противопоставлением научного и наивного взглядов на язык (42 % от общего числа), из них 18 – полемика между автором-специалистом и носителями наивных представлений, к которым может относиться читатель; один – полемика между журналистом-инициатором и дилетантом; три – «полемика» между мнением дилетанта и статистическими данными (а именно данными Национального корпуса русского языка).

Конфликт между автором-специалистом и читателем чаще всего представляет собой комбинацию аргументов «Ad populum» (№ 46) и «От эксперта» (№ 43). С помощью показателей авторизации автор сталкивает друг с другом потенциального адресата, носителя «всеобщего», но неправильного мнения, и автора-ученого, знающего истинное положение дел.

Фрагмент аргументативной структуры, регулярно встречающийся в НП-текстах, выглядит следующим образом:

Аргумент «Ad populum» → *P* (тезис)

<Связка-противопоставление: *но / однако / тем не менее / на самом деле* и т. п.>

Аргумент «От эксперта» → *не-P* (контртезис)

(Вывод) *Не-P*.

Приведем пример. («Ad populum») [П₁] *Многие образованные люди* (≡ ‘все’) *сейчас возмущаются* [Т] *обилием уменьшительных...* ‘плохо, что в русском языке

сейчас много уменьшительных слов = P' [связка-противопоставление] *А между тем* («От эксперта») [П₁] *лингвисты* (= ‘эксперт в области лингвистики’) [П₂] *знают, что* [Тезис] *многие* [П₃] *слова* (‘относятся к языку’), *которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными* ‘раньше тоже было много уменьшительных → большое количество уменьшительных слов – это нормально’ [Иомдин // Постнаука].

В приведенной реализации структуры «Ad populum» P , но «От эксперта» $не-P$ → $не-P$ эксплицированы посылки обоих аргументов, кроме третьей посылки аргумента «От эксперта», связка и оба тезиса. Заключительный тезис (вывод) в норме полностью совпадает с контртезисом и поэтому оказывается имплицитным. Однако данная аргументативная структура может быть реализована и с другими имплицитными структурными элементами.

Чаще всего опускается первая посылка аргумента «От эксперта» (« S – эксперт в области D »), поскольку весь текст, кроме части его фрагментов, имеющих авторизационные показатели, является авторским, то есть по умолчанию имеет в качестве источника информации автора. Таким образом, если автор статьи – ученый-лингвист, то первая посылка выполняется априори. Однако эта невыраженная авторизация становится частью аргумента «От эксперта» только при актуализации противоположной точки зрения и наличии связки-противопоставления.

Рассмотрим пример: [П] *Какие-то изменения* [в культуре, связанные с глобализацией] *нам представляются* [Т = P] *явно негативными* (‘Какие-то изменения в культуре, связанные с глобализацией, явно негативны’), [связка-противопоставление] *но* (имплицитный аргумент «От эксперта») *у любого явления всегда как минимум две стороны; Глобализация оказалась явлением противоречивым* ($не-P$) [Тер-Минасова // НиЖ]. В данном случае автор использует для обозначения субъекта всеобщего мнения псевдоинклюзив. Зная «правильный ответ», автор играет с читателем в игру, смысл которой в том, что он как бы солидаризуется с читателем, становясь на его точку зрения, но затем опровергает «совместный» тезис.

Одной из реализаций рассматриваемой аргументативной структуры с имплицитной позицией субъекта всеобщего мнения является конструкция с маркером

посылки аргумента «Ad populum» *может показаться*. Отсылка к всеобщему мнению здесь является не прямой, а включает в себя формально безличную конструкцию (с субъектом точки зрения ‘носителям некоторого мнения’), ирреальность (или, в другой терминологии, потенциальная реальность) возможности и персуазивное значение недостоверности. Таким образом, неопределенность субъекта мнения распространяется на условную фигуру человека, который не знает истинного положения вещей. Этим человеком не может быть лингвист, но может быть человек, далекий от лингвистики, а таких среди читателей статьи большинство. Модальность возможности актуализирует потенциальность как широкую распространенность мнения, а персуазивность недостоверности является элементом аргумента «От эксперта». Экспликация же самого аргумента «От эксперта», как мы знаем, необязательна, поскольку автор является ученым, который осведомлен в описываемом сюжете и поэтому может называться экспертом. Приведем пример: («Ad populum») [П + ‘P недостоверно’] *Может показаться, что [T = P] изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно... [противопоставление] Однако (имплицитный аргумент «От эксперта») именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело... (не-P) [Июдин // Постнаука].*

В такой структуре на месте предиката мнения может использоваться описательный оборот: [*Выше были упомянуты четверо ученых, оставивших значительный след в индоевропеистике... Все они жили в XIX веке, и*] («Ad populum») [П + ‘P недостоверно’] *может создаться впечатление, будто [T = P] индоевропеистика – это отсталая наука, законсервировавшаяся сто с лишним лет назад. [связка-противопоставление] Но (имплицитный аргумент «От эксперта») это не так (не-P)... [Пиперски // Постнаука].* Обратим внимание на то, что поскольку в аргументе «Ad populum» тезис эксплицитен (*индоевропеистика – это отсталая наука, законсервировавшаяся сто с лишним лет назад*), то в аргументе «От эксперта» достаточно только указать, что тезис предыдущего аргумента неверен (*это не так*), чтобы получить тезис, отстаиваемый автором: ‘индоевропеистика – это вполне современная наука’.

Аналогичную роль играет показатель *казалось бы*, в котором модальное значение выражается частицей *бы*, например: [*На земном шаре люди говорят более чем на 6000 естественных языков, кроме того, существует множество мертвых.*] («Ad populum») [П + ‘*P* недостоверно’] *Казалось бы*, [Т = *P*] *какое вавилонское разнообразие!* ‘на Земле слишком много языков’. [связка-противопоставление] *Но тем не менее* (имплицитный аргумент «От эксперта») *находятся энтузиасты, которые разрабатывают новые языки* ‘языков на Земле не так много (*не-P*) → некоторые люди увеличивают количество языков на Земле’ [Петров // ПМ]. В данном случае отметим развитие тезиса аргумента «От эксперта». Поскольку содержание тезиса этого аргумента предопределено первым аргументом в данной структуре, автор имеет возможность «нарастить тезис», содержательно поменять его, хотя и в узком диапазоне (в данном случае указать на следствие этого тезиса).

Максимально имплицитной реализацией рассматриваемой аргументативной структуры является использование парного (двухместного) союза *не просто ... а*, а также его аналогов, в которых позицию *а* занимает анафорическое местоимение или другое средство кореферентности, ср., например: [Пресуппозиция: (нулевая авторизация = всеобщее мнение) Корпус – это большое собрание текстов] *Корпус – это не просто* (левая часть связки-противопоставления) *большое собрание текстов. Это* (аналог союза *а*) *собрание сбалансированное* [Левонтина // Элементы]. В данном случае частица-связка *это* выполняет роль не противопоставляющего союза *а*, а пограничного сигнала, разделяющего противопоставленные парным союзом именные сказуемые с опущенной второй частью (в другой терминологии субстантивные предикаты) *большое собрание текстов* и *сбалансированное собрание текстов*. Обратим внимание на неочевидный маркер «всеобщего» мнения: *просто* в составе союза обозначает, что в этой части умозаключения представлено более понятное для всех представление.

Встретился пример и обратной реализации рассматриваемой нами аргументативной структуры («От эксперта» → *P*, но «Ad populum» → *не-P*), сопровождающийся инверсией позиции автора-ученого и адресата – носителя всеобщего мнения: («От эксперта») (П₂) *Этот очень краткий обзор непрерывно растущего*

встречного движения (политкорректное название влияния [имплицитная П₃] английского языка ('является предметом филологии') как глобального на национальные языки, в данном случае – на русский) 'глобальный английский язык плохо влияет на русский язык' (P) сделан [П₁] русским филологом не первой молодости. («Ad populum») [П] Молодёжь в России, наверное, воспринимает и этот процесс, и его результат [Т = не-P] по-другому [Тер-Минасова // НиЖ].

В НП-статьях, написанных журналистами (в основном инициаторами), описываемая аргументативная структура также встречается, однако в максимально эксплицитной реализации, см., например: [*Возникает вопрос, в каком возрасте впервые проявляется влияние языка на мышление. И,*] («Ad populum») (П + 'P недостоверно') *казалось бы, сам собой напрашивается ответ, что [Т = P] это происходит в детстве, когда ребёнок выучивается говорить. («От эксперта») [П₁] Исследователи из Северо-Западного университета согласны с такой точкой зрения, [связка-противопоставление] но [П₂] с одной оговоркой – [повтор П₂] по их данным, [Т = не-P; имплицитная П₃] язык ('является объектом лингвистики') начинает влиять на сознание ещё до того, как человек произносит своё первое слово [Стасевич // НиЖ].* Автор показывает, что исследователи соглашались с P. Однако в тезисе и контртезисе по-разному оценивается отношение возраста, в котором впервые проявляется влияние языка на мышление, к моменту, когда ребенок начинает говорить. Таким образом, оговорка на самом деле означает несогласие.

Эксплицитность наиболее важных элементов схемы аргумента «От эксперта» связана с тем, что субъектом экспертного мнения в таких статьях выступает, как правило, не автор, а другой субъект речи (ученый), что требует наличия специальных показателей авторизации (подробнее о средствах выражения авторизации см. раздел 3.2 гл. 1).

Автор может комбинировать аргументативную структуру с другими схемами аргументов, встраивая их внутрь фрагмента, выражающего эту структуру. Так, интересен фрагмент статьи [Левонтина // Элементы], в котором ученый, встречаясь с распространенным мнением о речевом факте, приводит опыт использования лингвистического инструмента, по сути дела исследование, которое является еще одним

аргументом – «От свидетеля», и лишь потом не соглашается с позицией «молчаливого большинства»: ... («Ad populum») [П] *Многие заметили, что [Т = P] помимо нормативного варианта в Донбассе и из Донбасса в литературной речи начал распространяться вариант на Донбассе и с Донбасса <...> (≅ «От свидетеля»)* Корпус позволяет быстро прикинуть, действительно ли раньше в литературной речи такого не встречалось. <...> (имплицитный аргумент «От эксперта») *Вообще-то* (показатель достоверности и низкой категоричности) [Т = не-Р] *этот вариант и раньше встречался – и у приличных авторов* [Левонтина // Элементы]. Авторизационный предикат *заметили* выражает также и слабую персуазивность: факт замечен не автором, поэтому автор не выражает максимальную уверенность в достоверности факта. Соответственно, показатель достоверности *вообще-то* при контртезисе подчеркивает ненадежность предиката *заметили* в плане достоверности факта. Кроме того, *вообще-то* служит аналогом связки-противопоставления. Таким образом, в данном случае автор встроил в рассматриваемую нами аргументативную структуру аргумент «От свидетеля», расширив ее.

2.3.2. Полемика специалистов

19 контекстов (37 %) содержат противопоставление точек зрения ученых. Эти взаимодействия можно разделить на три группы:

- противопоставление современных научных представлений научным представлениям прошлого (5 контекстов);
- противопоставление двух современных точек зрения с выводом об истинности / приемлемости одной из них (8 контекстов);
- противопоставление двух современных точек зрения без вывода об истинности / приемлемости одной из них (6 контекстов).

Данная структура представляет собой сочетание двух схем «От эксперта».

В первой разновидности структуры содержится указание на то, что первый тезис был доказан раньше. Связка между схемами может быть имплицитна, а может выражать дополнение, а не противопоставление:

(*Ранее / уже давно / указание на временной период и т. п.*) Аргумент «От эксперта»₁ → *P* (тезис)

<Связка: *но, также*>

(*Новый / современный / указание на более поздний временной период*) Аргумент «От эксперта»₂ → *не-P* (контртезис) либо *P+* (дополненный тезис)

(Вывод) *Не-P* либо *P+*.

Рассмотрим пример: («От эксперта»₁) *Уже давно было* (= ‘раньше’) (имплицитные П₁: ‘субъект знания – эксперт в области истории/антропологии’, П₂: ‘антропологи (знают и) говорят’) *известно* [Т = *P*; П₃] *о генетическом родстве* (‘относится к антропологии’) *туземцев Северной Америки и коренных народов России*. («От эксперта»₂) *Новые* (= ‘современные’) (имплицитные П₁: ‘авторы исследования – эксперты в области антропологии’ и П₃: ‘исследования относятся к антропологии’) *исследования* [П₂] *доказывают* [связка со значением дополнения] *также* [Т = *P* + ‘существует генетическое родство и языковая связь между туземцами Северной Америки и коренными народами России’] *языковую связь между ними* [Малоян // NS].

Вторая группа, в которой противопоставлены две современные научные позиции и сделан выбор в пользу одной из них:

Аргумент «От эксперта»₁ → *P* (тезис)

<Связка-противопоставление: *но (в действительности), однако, единственно*>

Аргумент «От эксперта»₂ → *не-P* (контртезис) либо *A*, при котором невозможно *P*

(Вывод) *Не-P*.

Приведем пример из статьи [Титов // НиЖ]: («От эксперта»₁) *Существует и другая версия* – [Т = *P*] *лошади катаются по земле, чтобы на них не надевали седло или хомут*. [П₂] *Этот вариант излагает* «Словарь русской фразеологии» (имплицитная П₁: ‘«Словарь русской фразеологии» – источник экспертного мнения в области фразеологии’). (П₃ ‘интерпретация фразеологизма «конь не валялся» относится к области фразеологии’ имплицитна, поскольку поддерживается единством темы.) [связка-противопоставление] *Но в действительности* [имплицитные П₁

‘автор – эксперт в области лингвистики’, П₂: ‘автор говорит, что А’; Т = А ‘перед запряганием коням не давали валяться’] *коневоды перед тем, как запрячь лошадь, не только не дают ей «поваляться», но, напротив, тщательно чистят. Столь же тщательно проверяется чистота сбруи* (следовательно, Р не может быть верно). В обеих схемах П₃ ‘интерпретация фразеологизма «конь не валялся» относится к области фразеологии’ имплицитна, поскольку поддерживается единством темы.

Третья группа фактов представлена в двух статьях журналистов-инициаторов. Не будучи специалистами в лингвистике, авторы этих текстов эксплицитно указывают на источник мнений (П₁), например: *Этолог, автор учебника «Зоопсихология» и других книг о языке и интеллекте животных Жанна Резникова* [Фишман // ПМ]; *Ули Зауэрланд из берлинского Центра общего языкознания* [Неземной язык ... // ЗХЖ]. Общий вывод к структуре отсутствует, поскольку автор-специалист не может выступать арбитром в ситуации спора двух специалистов. Вместо этого автор может ставить под сомнение первую посылку (опять же с помощью мнений других ученых: *Трудность заключается в том, что Эверетт и его супруга – фактически единственные люди, которые провели бок о бок с пираха длительный срок (миссионер с женой семь лет прожили в племени)*. (‘некому подтвердить, что Эверетт эксперт в области языка пираха, если других экспертов нет’) *"Мы опираемся на выводы одного-единственного человека"*, – признаются другие исследователи [Неземной язык ... // ЗХЖ]).

2.3.3. Столкновение точек зрения носителей языка

Четыре примера (8 %) столкновения точек зрения носителей языка встретились в статьях [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы] и [Неземной язык ... // ЗХЖ]. В первой рассматриваются точки зрения (или практики) носителей умирающих языков о том, стоит ли их сохранять; во второй – точка зрения американского проповедника, который считает нужным рассказывать о событиях Библии, и представителей народа пираха, которые считают невозможным разговор о том, свидетелем чему рассказчик не был.

Для этих сюжетов аргументативная структура формулируется только в общем виде, без указания видов отдельных схем:

Аргумент₁ → *P* (тезис)

<Связка-противопоставление: *но, однако* – либо конъюнкция>

Аргумент₂ → *не-P* (контртезис) либо *A*, при котором невозможно *P*

Поскольку в таких конфликтах (по крайней мере, в обнаруженных примерах) речь идет о мнениях, а не об установлении истины, общий вывод к структуре отсутствует. Мнения могут противопоставляться (например, с помощью союза *но*) или перечисляться (сосуществовать): *А если мы говорим о старом, мало кому понятном и почти не используемом языке? Однозначного ответа на этот вопрос нет.* [Точка зрения₁] *Одни относительно легко и с удовольствием отказываются от невостребованного языка,* [Точка зрения₂] *другие, в пику глобализации, продолжают сохранять язык, который по всем признакам обречен на вымирание, и передают его детям* [Мурадова. Сколько языков ... // ЗХЖ]. Интересно, что в терминах субъектной организации текста в данном примере наблюдается межуровневое взаимодействие: с одной стороны, наблюдается практика (люди перестают говорить на невостребованном языке), с другой стороны, имеется явление, промежуточное между использованием языка и знанием о нем, – его сознательное сохранение, являющееся продуктом рефлексии.

В выявленных примерах часть тезисов носителей языка эксплицитно подкрепляется теми или иными аргументами, другая часть – нет, и мы можем говорить о них только предположительно. Так, в примере из [Мурадова. Сколько языков ... // ЗХЖ], приведенном выше, первая точка зрения может быть подкреплена аргументом «От простоты цели» (№ 12; П: Цель *S* легко / сложно достичь. Т: К *S* следует / не следует стремиться), о чем свидетельствует наречие *легко*: в среде, не говорящей на одном языке и говорящей на другом, трудно практиковать и сохранять первый (в терминах аргументативной схемы это цель) и легко говорить на втором. С другой стороны, наречие *легко* может характеризовать не языковое поведение в среде, а процесс отказа от части своей идентичности, который для кого-то может проходить безболезненно (*легко*), а для кого-то сложнее. В этом случае схема «От простоты

цели» не применима: нет цели, к которой стремится такой носитель языка. Вторая точка зрения вообще не подкреплена эксплицитно, и мы, исходя из темы данного фрагмента текста, можем только предполагать, что носители этой точки зрения исходят из аргументации «От ценности» (№ 2; П₁: А усиливает / ослабляет V. П₂: V – ценность. Т: Нужно / не нужно делать А).

2.3.4. Автополемика

Примеров с автополемикой встретилось три (6 %): один в статье [Бурлак // Постнаука] и два в статье [Исаев // Постнаука]. Общая аргументативная структура такая:

Аргумент₁ → P (тезис)
 <Связка-противопоставление: но, однако>
 Аргумент₂ → не-P (контртезис)

 (Вывод) Не-P.

Аргументативные схемы, как и в столкновении мнений носителей языка, индивидуальны в каждом случае.

Разберем первый пример: *Изучать эволюцию, моделируя ее на цепочках испытываемых, за последние годы стало уже традицией <...>* [Аргумент₁] *Единственно, не очень понятно, насколько современный человек – со своими знаниями, умениями и когнитивными привычками – может служить адекватной моделью человека другого вида, например, Ното habilis, изготовителя олдувайских орудий* (Т: ‘Использовать современного человека как модель для человека другого вида не вполне корректно’), [Аргумент₂] *но, с другой стороны, других людей у нас сейчас на планете нет* (Т: ‘Приходится использовать современного человека как модель для человека другого вида’) [Бурлак // Постнаука].

Первый аргумент ‘современный человек не может в полной мере служить адекватной моделью для человека другого вида’ выражен сложноподчиненным изъяснительным высказыванием, в котором модусный показатель *не очень понятно* выражает сомнение в истинности содержания диктумной части

высказывания или даже некатегоричную уверенность в ее ложности. Это, вероятнее всего (эта оговорка необходима из-за имплицитности посылок), реализация аргументативной схемы «От установленного правила» (№ 31; П₁: ‘Согласно правилу соответствия модели изучаемому явлению, если модель не является адекватной для исследования оригинала, ее нельзя использовать в исследованиях’, П₂: ‘В обстоятельствах эволюционного эксперимента применяется это правило’).

Второй аргумент ‘современный человек – наиболее подходящая модель из имеющихся на Земле для человека другого вида’. Это реализация либо (вероятнее всего) схемы «От оправдания» (№ 36; П₁: ‘Имеет место правило соответствия модели изучаемому явлению’, П₂: ‘Имеется оправдание несоответствия модели изучаемому явлению при проведении эволюционного эксперимента’), либо «От цели» (№ 1; П₁: ‘Использование современного человека как модели для человека другого вида приводит к более или менее объективным выводам об эволюции’, П₂: ‘Получение объективных выводов об эволюции – наша цель’), либо «От лучшего объяснения» (№ 34; П₁: ‘Моделирование деятельности человека другого вида на современном человеке помогает объяснить эволюционные процессы’, П₂: ‘Другие объяснения хуже’).

2.3.5. Полемика между специалистом-нелокутором и автором-журналистом

В статьях журналистов [Фишман // ПМ] и [Неземной язык ... // ЗХЖ] встретилось три факта (6 %), которые, на первый взгляд, могут встречаться скорее в псевдонаучных текстах, – это случаи полемики автора-журналиста с ученым. Отличие таких фактов в НП-текстах заключается в том, что автор не ставит под сомнение точку зрения ученого, а рассматривает предмет обсуждения в более широкой, не только научной, перспективе, например: [Точка зрения₁] *Ули Зауэрланд, который взялся исследовать культуру пираха, назвал их крайне примитивным народом.* [Уступительная связка] *Хотя это как посмотреть.* [Точка зрения₂] *Некоторые последователи духовных практик, стремящиеся быть "здесь и сейчас", могли бы поучиться у этих туземцев, живущих в хижинах и не знающих ни грамоты, ни счета*

[Неземной язык ... // ЗХЖ]. Ученый оценивает культуру пираха, применяя критерии европейской цивилизации, а автор – используя критерии других культур или субкультур. В статье [Фишман // ПМ] автор, полемизируя с мнением ученого о невозможности, а значит, и бесперспективности составления словаря животных, сначала обращается к достижениям другой области науки, а затем актуализирует эту задачу обращением к научно-фантастической перспективе общения потенциального человечества с представителями внеземных цивилизаций: *Хозяйка котов, несомненно, знает, какими звуками они выражают свое желание «пожевать», да вот беда: [Аргумент₁] у Анатолия для этого один звук, а у Мартына – совсем другой. [Тезис₁] Так кошачий словарь не составишь, – продолжает Жанна Резникова. – Повторяющиеся ситуации можно наблюдать в природе и устраивать в лаборатории, но [Переформулированный в обобщенном виде аргумент₁] четко различающихся сигналов в сложном потоке издаваемых животными звуков выделить пока не удастся...*

[Уступительная связка] *Впрочем, [Контраргумент₂] на фоне стремительного развития систем перевода, использующих элементы искусственного интеллекта, [Контртезис] обрисованная Слободчиковым перспектива не выглядит совсем уж фантастикой. [Контраргумент₃] А на фоне все более захватывающих поисков внеземной жизни такая задача становится почти насущной.*

Таким образом, общую структуру полемики между специалистом и автором можно представить следующим образом:

Аргумент₁ → P (тезис)

<Уступительная связка: *хотя, впрочем*>

Аргумент₂ → не-P (контртезис)

(Вывод) P не безусловно.

В описанных конфликтных аргументативных структурах явная позиция автора и потенциальная позиция адресата репрезентируются следующим образом:

– в противостоянии носителей наивной и научной картин мира автор является носителем научной точки зрения (автор-специалист выражает ее компетентно, а

журналист присоединяется к мнению ученого), а адресату приписывается мнение неспециалиста;

– в столкновении точек зрения двух специалистов при наличии общего вывода к структуре автор, также независимо от того, специалист он или журналист, присоединяется к этому выводу; если общего вывода нет, то автор либо сохраняет нейтралитет (как в случае с определением верного варианта перевода высказываний на языке пираха в [Неземной язык ... // ЗХЖ]), либо использует другую аргументацию и выражает свою точку зрения за пределами этой структуры (как в [Фишман // ПМ]);

– в противостоянии точек зрения двух носителей языка или их групп и автор, и адресат потенциально присоединяются к одной из точек зрения, и в расширенном контексте такое присоединение может быть эксплицитным. Например, в начале статьи [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы] автор рассказывает, что она выучила язык своих предков из внутренних, непрактических соображений, а затем излагает две точки зрения носителей умирающих языков: практичную и непрактичную; фрагменты процитированы в разделе 3.2 на с. 158 и в разделе 2.3.3 на с. 134 соответственно;

– во фрагментах, содержащих автополемику, представлена точка зрения автора и продемонстрировано движение его мысли;

– в столкновении точек зрения специалиста-нелокутора и автора-журналиста также репрезентирована точка зрения автора.

Итак, обнаружены особенности в употреблении аргументативных схем и их сочетаний разными типами авторов лингвистической НП-статьи. Во-первых, журналисты-трансляторы редко являются самостоятельными субъектами аргументирования, предпочитающими приводить в качестве аргументов мнение других, более компетентных субъектов-ученых. Во-вторых, авторы-специалисты активнее, чем журналисты, используют присущую научной коммуникации аргументацию, основанную на структуре реальности. В-третьих, тексты ученых содержат специфический способ убеждения – полемическую аргументацию, в которой читателя

неявным образом относят к носителям неправильного общего мнения, а автор-специалист занимает научную точку зрения и опровергает позицию адресата.

Данные особенности характеризуют автора как субъекта речи, задающего пределы своей ответственности за научное содержание текста; но также они характеризуют представление автора о читателе как адресате аргументации, владеющем наивной картиной мира, но доверяющем авторитету ученого.

3. Референциальный аспект отношения автора к адресату научно-популярной лингвистической статьи

Изначально теория референции, развиваясь в традиции аналитической философии, безразлична к характеру отражаемых языком реалий. Референт – это индивидуальный объект, единственным актуальным (для референции) свойством которого является дискретность. Все остальные свойства реалии выходят за пределы референции и связываются с понятийным содержанием термина, обозначающего реалию, а для нарицательных имен – ее класс.

Однако уже в первых работах по референции по отношению к общим (нарицательным) именам возникает необходимость очерчивать круг референтов с опорой на сигнификат – понятийное содержание имени.

Антропоцентрический взгляд на язык показал, что в естественном языке семантика, связанная с человеком, моделируется очень детально. В частности, собственные имена не только присваиваются человеку, но и закрепляются в социуме, традиции, праве. Это говорит о значимости отдельного человека для носителей языка, в отличие от многих других классов реалий. Таким образом, референция к лицам небезразлична к понятийному содержанию ЯВ, обозначающих лиц, а также к организации множеств лиц и их подмножеств. Кроме того, рассматривая в НП-статьях о языке ЯВ, обозначающие лиц по отношению к владению языком и языками, а также к исследованию языка, мы обнаруживаем некоторые очевидные

границы классов, связанные с этническим, социальным и профессиональным делением человечества.

3.1. Языковые выражения для обозначения лиц и их классификация

Субъектная организация НП статьи лингвистической тематики, реконструированная в параграфе 3 гл. 1, предполагает наличие на ее первом (прагматическом) уровне автора и адресата, на втором – субъектов знания и/или мнения о языке (носителя общеизвестного знания, специалиста или сведущего человека, дилетанта), на третьем – носителей языка, их групп и/или множеств. С другими субъектами автор и адресат могут вступать в отношения сложной или непрямой референции: так, автор может включаться в множество ученых, адресат – во множество дилетантов, и оба – в множество носителей русского языка. Будучи участниками прагматической ситуации, внешней по отношению к актуализированным в тексте НП-статьи ЯВ, автор и адресат могут быть референтами этих выражений или входить в состав множеств и коллективов лиц, являющихся их референтами.

Анализ языковых единиц с семантикой лица в исследуемых текстах позволил выявить 1627 контекстов, в которых референт ЯВ с той или иной степенью определенности включает автора и/или адресата. В ходе анализа определены грамматические признаки единиц, влияющие на объем референта (например, лицо и число), собственно объем референта (например, носители русского языка, носители мнения о языке, специалисты, только автор и т. п.) и референциальный статус ЯВ. Последний представляется важным в рамках основной задачи нашего исследования – выявления способов установления отношения автора к адресату, поскольку, по нашей гипотезе, тип референции (референциальный статус) определяет или по крайней мере влияет на вероятность и определенность соотнесения автора и/или потенциального адресата с референтами ЯВ, обладающих этим статусом.

Для настоящего исследования принципиально, что объем референта и референциальный статус многих ЯВ не всегда можно определить однозначно. Часто

подобные интерпретации имеют вероятностный характер. Это обусловлено следующими факторами:

– многозначность самих языковых единиц: омонимичность *мы* инклюзивного, *мы* эксклюзивного, *мы* псевдоинклюзивного и др.; *вы* в прямом значении и *вы* обобщенного; кореферентного и референциального (определенно-личного, неопределенно-личного, обобщенно-личного) синтаксического нуля и пр.;

– сфера действия кореференции, порождающая возможность референциального конфликта [Кибрик, 1987], когда на роль antecedента претендует более чем одно ЯВ. Так, в анализе мы пользовались понятием фокусной анафоры, подобным, хотя и не аналогичным понятию авторизационного ключа. Мы сформулировали его упрощенно: если ЯВ₂ может быть кореферентным ранее употребленному ЯВ₁ и при этом знаков смены antecedента нет, мы считаем, что ЯВ₂ кореферентно ЯВ₁; подробнее о понятии фокусной анафоры см. [Кибрик, 1988; Федорова, 2000; Арышева, Катышев, 2012; Катышев, 2013]. Однако этот подход не гарантирует правильной интерпретации во всех случаях.

Классификация наименований лиц, встретившихся в материале исследования, опиралась в большей мере на референциальные свойства ЯВ, чем на их частеречную принадлежность. Это связано с тем, что одним из необходимых нам параметров является включенность или возможность включения прагматических коммуникантов в состав референта ЯВ. Исходя из этого, мы выделили следующие типы языковых средств, расположив их в порядке убывания определенности, с которой коммуниканты соотносятся с ЯВ.

1. Формы 1-го л. ед. ч. (личное и притяжательное местоимения *я*, *мой*, глагольные формы), как правило, обозначают автора высказывания. Исключением может быть обобщенное употребление этой формы (например, *Когда я ем, я глух и нем*), которое, впрочем, в исследуемом материале не встретилось.

2. Формы 2-го л. ед. и мн. ч. обозначают, как правило, адресата, однако обобщенное значение этих форм встречается чаще, чем у форм 1-го л. Такое значение реализуется, например, в следующих фрагментах: *Хочешь выиграть – подумай об этом на иностранном языке* [Смирнова // НиЖ]; *Вы не человек, если хотя бы раз в*

жизни не вытягивали из себя слова, пытаюсь заполнить неловкую паузу в разговоре [Учимся говорить красиво // ЗХЖ].

3. Формы 1-го л. мн. ч. (личное и притяжательное местоимения *мы*, *наш*, глагольные формы). Такие выражения могут обозначать множества лиц, как включающих, так и не включающих автора. Первый случай можно проиллюстрировать примером *Голландцы, как и мы, считают тождественными объекты, являющиеся в действительности зеркальными отражениями друг друга* [Бурас, Кронгауз // Элементы]. Референтом местоимения *мы* является множество носителей русского языка, включая автора. Второй вариант реализован в заголовке статьи *Учимся говорить красиво* [ЗХЖ]. Здесь субъектом при предикате, выраженном глагольной формой 1-го л. мн. ч., является читатель, которому автор предлагает различные техники для улучшения речи. Поскольку в прямом значении местоимение *мы* означает ‘я и другие’, оно соотносится с автором с большей определенностью, чем следующие средства выражения в списке.

В Таблице 5 приведены все выявленные в исследованном материале значения 1-го л. мн. ч.

Таблица 5 – Возможные типы референтов личных местоимений и форм глаголов 1-го л. мн. ч. в научно-популярной лингвистической статье

Роль референта в прагматической ситуации	Уровень субъектной организации текста	Пример	Количество
Автор («авторское мы»)	Знания / мнения о языке	<i>Мы</i> решили разобраться, что означают новые результаты для понимания природы языка [Долотовская // N+1] ⁸⁵	2
	Прагматический	Так что <i>остановимся</i> лишь на некоторых самых ярких особенностях. Об <i>оканье мы</i> уже сказали [Ефимов // N+1]	15
Автор и нелокуторы (эксклюзив)	Знания / мнения о языке	<i>Всё это – увы!</i> – касается в большой степени <i>нас</i> , представителей гуманитарных наук [Тер-Минасова // НиЖ]	22

⁸⁵ Здесь, впрочем, допустима другая интерпретация: местоимение *мы* может выражать и прагматическую позицию автора.

Автор и читатель (инклюзив)	Прагматический	<i>Не будем сейчас закапываться в философские различия между глаголами, а обратимся лучше к истории вопроса [Бурас, Кронгауз // Элементы]</i>	25
Автор, читатель и нелокуторы (инклюзив)	Использования языка	<i>Мы членим природу по линиям, проложенным нашим родным языком [Бурас, Кронгауз // Элементы]</i>	232
Читатели и нелокуторы (псевдоинклюзив)	Использования языка	<i>Учимся говорить красиво [ЗХЖ]</i>	1

4. Формы 3-го л. или ЯВ, соотносимые с 3-м л.⁸⁶, – как правило, существительные со значением лица или множеств лиц, реже – местоимения 3-го л. и анафорические местоимения, кореферентные языковым выражениям со значением лица. Нам встретилось 318 употреблений существительных, обозначающих лицо, без учета повторов – 102. Из них 68 обозначают лицо (лиц), 29 – множество(-а) лиц, 1 представляет собой пример аддитивного множества (люди и народы), 4 представляют собой единицы, референт которых определить трудно.

Единицы, обозначающие лиц, распределяются по следующим лексико-семантическим группам:

1) общие обозначения лица *человек / люди*; к этому классу также относится субстантиват *смертный*;

2) обозначения лиц по их коммуникативной роли или по отношению к использованию языка, например: *носитель (языка), автор, говорящий, собеседник, создатель текста*;

3) обозначения лиц по социальной роли: *блогер, покупатели, сотрудники компаний* и т. п.;

4) обозначения лиц по национальности / языку, например: *(восточные, западно-восточные) славяне, русскоязычные люди, русские, русский читатель*;

⁸⁶ Существительные, словосочетания, прилагательные в субстантивированном употреблении и т. п., не обладающие грамматическим признаком лица, но употребляемые с глаголами в 3-м л.

5) обозначения лиц по принадлежности к группам носителей языка: общие обозначения *член [языкового] коллектива, представители различных профессий*, частные номинации *взрослые, культурные люди, русские слышащие люди, носители литературного языка, педагоги, билингвы, люди, свободно владеющие только одним языком* и пр. В эту же группу входят обозначения ученых, если в тексте рассказывается об особенностях их речи, например: *Наш привычный очень наукообразный, строгий, подчеркнуто безличный стиль (в работах, диссертациях, написанных одним автором, «мы скромности», отсутствие «я», пассивный залог, безличные обороты)...* [Тер-Минасова // НиЖ];

б) пересекается с предыдущей группой (но не входит в нее) группа обозначений лиц по признаку отнесенности к месту проживания: *европеец, жители всей планеты, жители разных городов, городские люди, жители российского севера* и т. д.;

7) обозначения лиц по характерному или разовому действию, например: *любой желающий (Ngram Viewer позволяет получить статистику любому желающему [Фишман. Реформы и войны ... // STRF]), желающий отказаться [от своего языка и культуры]*;

8) трижды встретилось словосочетание, ограничивающее круг лиц по временному признаку: *современный человек / современные люди*;

9) в отдельную подгруппу выделены обозначения лиц, изучающих язык: *лингвисты, лингвисты-русисты, ученые, онтоинженеры* и пр. Эти существительные обозначают лиц, относящихся ко второму уровню субъектной организации текста НП-статьи.

Требует комментария состав четвертой группы, в которой соединены, на первый взгляд, два разных номинативных вида существительных: названия лиц по национальности и названия лиц по используемому языку. Очевидно, что множества этих лиц совпадают не полностью: есть представители русской национальности, не владеющие русским языком, например дети эмигрантов или люди, которые в силу особенностей развития вообще не освоили язык, однако есть и иностранцы, прошедшие языковую ассимиляцию, и их русскоязычные потомки. В лингвистических

текстах часто происходит смешение этих множеств, в частности при обсуждении истории русского языка, например в рассказе о носителях древнерусского языка, явно не включающих в себя автора и адресата текста, или о взаимодействии славянских племен.

В таких случаях мы описывали отношение автора и/или адресата с референтом ЯВ следующим образом. Анализируя референцию ЯВ, не содержащих слов и форм 1-го и 2-го лиц, а также номинаций автора и адресата, мы интерпретировали отношения референта этих ЯВ и участников прагматической ситуации как сопричастность автора и/или адресата носителям древнерусского или праславянского языка на основании преемственности языка-предка и современного русского языка, носителями которого являются участники прагматической ситуации. ЯВ, содержащие слова, прямо отсылающие к участникам коммуникативной ситуации, типа *наши (предки)* ‘носители древнерусского языка’, на наш взгляд, целесообразно характеризовать как выражения с референтом, включающим автора и/или адресата либо которому автор и/или адресат сопричастен на основании языковой общности, см., например: *Говоря о серых животных и птицах, наши предки употребляли слово «голубой»* [Баринова. Оттенки синего // NG]).

Авторы статей о современном русском языке также иногда не делают различий между носителем русского языка и носителем русского менталитета или представителем русской национальности: *Иностранцам все же не понять загадочную русскую душу, и первые же проблемы возникают на уровне изучения языка* [Баринова. Как выучить ... // NG]; *Собственные имена – очень важный компонент языковой и культурной картины мира O_{Adj}/O_P . Именно поэтому они – мощный хранитель национальной идентичности O_{Adj}* ⁸⁷ [Тер-Минасова // НиЖ]. Подобные случаи интерпретировались следующим образом: референты этих выражений включают автора и/или адресата либо же автор и/или адресат сопричастен референту ЯВ на основании языкового единства.

⁸⁷ Здесь и далее зна́ком O с нижним индексом маркируется синтаксический ноль (значимая незамещенная позиция). Особенности обозначения синтаксических нулей и их грамматических свойств см. ниже, в следующей подстраничной сноске.

Встретилась и комбинация двух указанных типов отношения сопричастности: *Русский язык велик и могуч. Причем не только в его цензурной части, но и в нецензурной. Кто научил русских ругаться, разбиралась Снежана Петрова* [Кто научил ... // Дилетант]. В приведенном фрагменте в номинации *русских*, во-первых, не различаются национальная принадлежность и владение языком; во-вторых, речь идет о древнерусском языке, начиная с XII в. Мы склоняемся к тому, чтобы интерпретировать это выражение так же, как и выражения типа *носители древнерусского языка*, – говорить о сопричастности автора и/или адресата статьи к референту этого выражения на основании преемственности древнерусского и современного русского языков.

Среди ЯВ со значением множества лиц встретились общие обозначения (*народ, мир, мировая общественность, (человеческое) общество*), обозначения множеств лиц по национальности / языку (*неанглоговорящие народы, (современные) славянские народы, малочисленные этносы* и пр.), по принадлежности к группам носителей языка (*каждое новое поколение, возрастная группа, разные группы пользователей, разные группы говорящих*), по отнесенности к месту жительства (*население, Россия 'население России', европейский мир*), по коммуникативной роли / роли по отношению к языку (*аудитория соцсетей, употребленные в собирательном значении существительные (современная) лингвистика, (современная) наука, норма*).

5. Последнее в ряду средств выражения лиц и их множеств – синтаксический ноль, заполняющий валентности предикатов и других компонентов высказывания, в том числе предикатов в свернутых пропозициях, ср.: *Представьте, что вы видите стол: вы называете его столом и знаете, что это такое и чего от него* $0_{\text{д}}$ ⁸⁸ *ожидать* [Васильев // NS] и *Кроме того, исследователи намерены определить, как*

⁸⁸ Здесь и далее синтаксический ноль маркируется с помощью цифры 0, выполненной курсивом, с нижним индексом, обозначающим падеж, который соответствует незамещенной валентности управляющего слова. Падежное оформление незамещенной синтаксической позиции маркируются первыми буквами названия падежа. В случае оформления притяжательным местоимением или прилагательным используется сокращение *Adj.* Если незамещенная падежная форма сочетается с предлогом, сочетание предлога с маркером синтаксического нуля заключается в угловые скобки.

изменения структуры θ_{Adj} ⁸⁹ [нашего ‘человеческого’] головного мозга при владении двумя языками отражаются на поведении человека [Стригун // NS]. Во втором примере, на наш взгляд, наличие лица в позиции актанта может быть неявным или менее явным для читателя, поэтому в градации языковых средств по признаку вероятности, с которой участники прагматической ситуации соотносятся с референтом ЯВ, синтаксический ноль (незамещенная позиция субъекта) при предикатах в свернутых пропозициях занимает последнее место.

Поскольку такие незамещенные позиции составляют почти половину обозначений лиц и их множеств, семантические классы единиц с соответствующими валентностями очень многообразны. Перечислим наиболее частотные.

1. Характеризующие лицо как биологическое существо:

– со значением процессов жизни: θ_{Adj} жизнь, θ_{Adj} / θ_P деменция, θ_{Adj} младенчество, θ_{Adj} смерть;

– со значением частей тела, систем жизнедеятельности: θ_{Adj} головной мозг, θ_{Adj} язык, θ_{Adj} генетическая система, θ_{Adj} левое полушарие.

2. Характеризующие лицо как социальное существо:

– со значением речевого или коммуникативного действия: порождение и восприятие $\theta_{Tв}$ речи, θ_{Adj} ответ, изменение $\theta_{Tв}$ [слов], θ ⁹⁰ называть, θ_{Adj} ругань, θ_{Adj} поисковый запрос, θ_{Adj} произношение, θ распознавать, θ сформулировать; отдельно мы выделили подгруппу метатекстовых слов со значением порождения или восприятия текста самой статьи: θ отметить, θ_D видно;

– со значением социальных процессов (кроме коммуникативных): миграция θ_{Adj} / θ_P , θ_{Adj} изоляция.

3. Описывающие внутренние процессы и состояния:

⁸⁹ Эта разновидность нулевой позиции чаще всего выражает посессивные отношения: ее можно заместить, например, местоимениями *наш*, *ваш*, прилагательным *человеческий*. Это значение также может выражаться родительным падежом существительного: *человека*, *людей*, *носителей языка* и пр. Во избежание громоздкости зд. и далее указываем только сокращение *Adj*.

⁹⁰ Здесь и далее падеж синтаксического нуля в субъектной позиции при инфинитиве не указывается: при функционировании в контекстах он может становиться именительным при употреблении личных форм глагола, дательным субъекта при употреблении инфинитива, творительным при пассивных формах причастия или возвратно-страдательных личных формах, возможны также другие падежные формы со значением субъекта.

– со значением психологических процессов: O_{Adj} мышление, O_{Adj} эмоциональная реакция, O почувствовать себя;

– со значением знания, мнения о мире: O_D известно, знаменитый <среди O_P >, базовый <для O_P >, O считать;

– со значением интеллектуальных действий: O объяснить ‘выяснить причину’, O потренироваться, изучение $O_{Tв}$, O принимать решение, O_{Adj} решение, O сужать (задачу);

– со значением оценки: O_D интересно, сложные <для O_P >, O_{Adj} отношение.

Чаще всего синтаксический ноль маркирует позицию притяжательного прилагательного или местоимения (259 контекстов, в ряде случаев допустим вариант существительного в родительном падеже) и существительного в дательном падеже (258), реже встречается корреляция нуля с формами творительного падежа (131), родительного (101) и (еще реже) именительного в неопределенно-личных высказываниях (36); в единичных случаях – винительного и с возможностью более чем одной падежной формы.

Незамещенная позиция притяжательного прилагательного употребляется в основном в следующих значениях:

– человек как биологическое существо, например: *Но когда необходимо распознать «неудобные» слогги, O_{Adj} моторные области почему-то «умывают руки»* [Кондратенко // Элементы]; *Факты, события, связи – это любая информация, которая характеризует сущности и имеет протяжённость во времени и пространстве, – объясняет Татьяна. – Например, наличие или отсутствие, O_{Adj} рождение или O_{Adj} смерть* [Вешняковская // НиЖ];

– человек как субъект коммуникации / речи, например: *Группируясь в регулярные кластеры, они [симптомы, признаки речевых жанров] образуют жанровые «синдромы» – претенденты на роль жанров в новом функциональном измерении – в пространстве O_{Adj} коммуникативных целей* [Вешняковская // НиЖ]; *То же и с произношением слова, только здесь работать еще сложнее: ударения в письменном тексте не увидишь, нужно обрабатывать записи O_{Adj} устной речи и проводить масштабные опросы...* [Июмдин // Постнаука];

– человек как субъект интеллектуальных действий и процессов, например: *Это открытие, на первый взгляд не особо впечатляющее, на самом деле очень важно для θ_{Adj} понимания эволюции человеческого языка [Долотовская // N+1]; У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, и лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры θ_{Adj} мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь [Иомдин // Постнаука];*

– человек как носитель чувств и эмоций, например: *Нечто подобное есть и в русском – например, междометие «Ц!...», которое обозначает θ_{Adj} восхищение или θ_{Adj} легкую досаду [Кулапов // NG]; Это θ_{Adj} любопытство можно удовлетворять быстрее и надёжнее, если формализовать смысл так, чтобы он стал «видимым» для машины [Вешняковская // НиЖ];*

– человек как субъект социальных процессов и взаимодействий, например: *И заодно – от θ_{Adj} культур, то есть от θ_{Adj} традиций, θ_{Adj} обычаев, θ_{Adj} верований, θ_{Adj} национального образа жизни, θ_{Adj} менталитета... [Тер-Минасова // НиЖ]; Помню это ощущение растерянности. Если не выучусь читать и писать на ассирийском, θ_{Adj} связь с семейной историей прервется [Мурадова // Элементы];*

– человек как носитель языковой способности (*В сильном варианте утверждение гласит, что θ_{Adj} язык определяет мышление, а в слабом – что θ_{Adj} язык влияет на мышление [Бурас, Кронгауз // Элементы]; Так, в 2013 году группа ученых Шотландии показала, что овладение вторым языком, даже в зрелом возрасте, препятствует деменции, стимулирует развитие θ_{Adj} навыков чтения и увеличивает скорость решения интеллектуальных задач [Стригун // NS].*

Для позиций, замещаемых падежными формами существительного, важны актантные значения.

Синтаксический ноль в позиции дательного падежа без предлога чаще всего имеет субъектное значение, например: *Слово «кофе» теперь θ_d можно употреб- лять ('все могут употреблять') и в мужском, и в среднем роде, официально закреп- лены двойные варианты ударения: «по срЕдам» наряду с бывшим единственно вер- ным «по средАм», «йогУрт» и даже «дОговор» выбил своё место под солнцем [Бо- лохова // STRF]; Повторяющиеся ситуации можно наблюдать в природе и*

устраивать в лаборатории, но четко различающихся сигналов в сложном потоке издаваемых животными звуков выделить пока θ_D не удастся ('ученые пока не могут') [Фишман // ПМ]; *Как часто бывает с идеями, точная дата рождения гипотезы Сепира–Уорфа θ_D неизвестна* ('лингвисты не знают')... [Бурас, Кронгауз // Элементы].

Другое, менее частотное значение дательного падежа – адресат, например: *Чтобы показать θ_D* ('вам', 'читателям'), *как они работают, мы рассмотрим только два фонетических закона, определивших фонетический облик германских языков* [Пиперски // Постнаука]; *даже по самой пространной словесной инструкции вы вряд ли сможете научить своего знакомого, например, завязывать узел булинь, танцевать падеграс или делать олдувайское рубило. Демонстрация θ_D* ['своему знакомому'] *надежнее* [Бурлак // Постнаука]; *Мы видим, что нормы есть в любом языковом образовании, но кодифицируются только литературные нормы, которые преподносятся θ_D* ('носителям языка') *в виде правил или словарных статей* [Болохова // STRF].

Среди значений синтаксического нуля в позиции творительного падежа довольно частотно значение активного субъекта, например: *При этом около 20% из них составляют омонимы – слова, которые пишутся и произносятся $\theta_{Tв}$* ('носителями русского языка') *одинаково, однако в своем прежнем значении не существуют* [Русский язык ... // Дилетант]; *Предыдущие исследования ученых показали, что изучение $\theta_{Tв}$* ('людьми') *иностранных языков оказывает определенное влияние на работу мозга* [Смирнова // НиЖ].

Встречаются единичные незамещенные субъектные позиции с другими субъектными значениями творительного падежа, например: *Вы наверняка согласитесь <с $\theta_{Tв}$ >* ('со мной', контрагенс), *что нет ничего более подходящего для погружения в сон, чем сравнительная грамматика индоевропейских языков* [Пиперски // Постнаука]; *Влияние английского языка и англо-американской культуры сегодня ощущается $\theta_{Tв}$* ('внимательными носителями языка' или 'лингвистами', субъект восприятия – экспериенцер) *во всех сферах нашей жизни, но в первую очередь – в сфере бизнеса* [Тер-Минасова // НиЖ].

Частотны нулевые субъектные позиции, которые могут замещать формы родительного падежа с предлогами *для* (чаще всего в значении субъекта мнения и носителя картины мира) и *у* (как правило, обозначает неагентивного субъекта – экспериенцера) например: *Ученые обнаружили, что гласные заднего ряда стимулируют принятие решения на основе большей привлекательности <для θ_R > или желанности <для θ_R > покупки – а не ее необходимости <для θ_R > и доступности <для θ_R >* [Васильев // NS]; *Всякий раз, когда мы с вами садимся за учебники по иностранным языкам, <у θ_R > сам собой возникает справедливый вопрос [10 попыток ... // ПМ].*

Нулевые позиции, замещаемые формами в именительном падеже, встречаются (1) в неопределенно-личных предложениях (референциальный ноль), (2) в предложениях с эллиптированным подлежащим (анафорический или дейктический ноль); (3) в восстановленных сравнительных оборотах при прилагательных и наречиях в сравнительной степени, например: (1) *Лучше всего отделение, расслоение языка и интонации видно на примере интернета. Собеседники чаще всего не видят друг друга (с помощью видеотрансляций θ_{II} общаются меньше), и потому там можно представиться кем угодно* [Донских // ЗХЖ]; (2) *Надпись – та самая загадка, которую мы вам предложили в самом начале. θ_{II} ('вы') Еще не отгадали?* [Ефимов // N+1]; (3) *Инженерия и наука приучили нас к тому, что машины во многих отношениях «умнее» нас: безошибочнее <чем θ_{II} >⁹¹ считают, лучше <чем θ_{II} > моделируют, информативнее <чем θ_{II} > «показывают» (если это, например, компьютерный томограф или хорошая цифровая фотокамера), быстрее <чем θ_{II} > обмениваются информацией, лучше <чем θ_{II} > извлекают закономерности... [Вешняковская // НиЖ] – впрочем, здесь также возможен вариант θ_R 'нас'.*

С учетом разных аспектов синтаксической семантики и условий употребления можно распределить встретившиеся в анализируемых НП-статьях незамещенные синтаксические позиции по уровням субъектной организации НП-текста.

⁹¹ Зд. и далее в примере возможна также интерпретация падежного оформления как родительного падежа: *безошибочнее < θ_R >*.

В Таблице 6 приведены данные о распределении всех анализируемых ЯВ между уровнями субъектной организации. Нужно отметить, что, когда мы говорим о включении автора и/или адресата в состав референта ЯВ, мы имеем в виду соотношение прагматических субъектов с субъектами других уровней: отношения их тождества, включения, сопричастности и пр.

Таблица 6 – Распределение языковых средств выражения субъектов между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л., существительное	3-е л., местоимение	Синтаксический ноль	Всего
Прагматический	8	30	5	18	–	–	61
Знания / мнения о языке	20	92	45	305	26	63	551
Использования языка	10	172	43	471	49	266	1011
Не удалось определить	–	3	–	1	–	–	4
Всего	38	297	93	795	75	329	1627

3.2. Распределение языковых выражений, обозначающих лиц и их множества, между научно-популярными лингвистическими статьями разных типов авторов

Данный раздел посвящен влиянию типа автора НП-статьи на употребление обозначений лиц и их множеств, в состав референта которых включается автор и/или адресат.

Первый аспект – плотность употребления таких единиц. Соотнесение количества ЯВ и слов в каждой из трех групп текстов (Таблица 7) показало отсутствие зависимости между типом автора и частотностью выражений, референт которых включает одного или обоих коммуникантов НП-статьи лингвистической тематики: различие в долях составило не более 1 %.

Таким образом, есть основания полагать, что плотность употребления ЯВ, соотносимых с автором и адресатом, – величина, обусловленная сферой общения и тематикой текстов. Представляется, что в научных лингвистических статьях и

НП-статьях по астрофизике она окажется значительно меньше, а в НП-статьях по медицине – больше.

Таблица 7 – Объем и плотность употребления языковых выражений, обозначающих лиц и их множества, в НП лингвистических статьях

Тип статей	Количество слов, % (шт.)	Количество ЯВ, обозначающих лица и их множества, % (шт.)
Статьи специалистов	51 % (28 887)	50 % (820)
Статьи журналистов-инициаторов	32 % (18 093)	32 % (521)
Статьи журналистов-трансляторов	17 % (9899)	18 % (286)
Всего (шт.)	56 879	1627

Второй аспект сравнения текстов разных групп – распределение по типам авторов разных языковых средств, описанных в разделе 3.1. Подсчет количества ЯВ в каждом типе текста представлен в Таблице 8.

Таблица 8 – Распределение языковых средств внутри трех групп лингвистических НП-статей, выделенных по типу автора, % (шт.)

Тип статей	1-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л., существительное	3-е л., местоимение	Синтаксический ноль	Всего
Статьи специалистов	4 % (31)	22 % (182)	2 % (20)	16 % (132)	5 % (38)	51 % (417)	820
Статьи журналистов-инициаторов	1 % (3)	16 % (83)	12 % (65)	23 % (119)	5 % (26)	43 % (225)	521
Статьи журналистов-трансляторов	1 % (4)	11 % (32)	3 % (8)	27 % (78)	4 % (11)	53 % (153)	286
Всего	2 % (38)	18 % (297)	6 % (93)	20 % (329)	5 % (75)	49 % (795)	1627

Обнаружено, что в целом распределение языковых средств внутри каждой группы НП-статей лингвистической тематики в первом приближении соответствует общему распределению, однако есть и различия. Во-первых, специалисты чаще, чем журналисты, используют местоимения и глагольные формы 1-го л. (26 % против 17 и 12 % у журналистов-инициаторов и трансляторов), особенно ед. ч. (4 % против 1 %). Это объясняется, вероятно, тем, что ученые имеют возможность обращаться к своему исследовательскому опыту и объяснять научные явления с этих

позиций. Во-вторых, в статьях журналистов-инициаторов выявлено в 4–6 раз больше форм 2-го л., чем в текстах специалистов и журналистов-трансляторов (12 % против 2 и 3 % соответственно). Однако 85 % употреблений этих ЯВ приходится на одну статью, в которой автор дает советы читателю для улучшения речи [Учимся говорить красиво // ЗХЖ], поэтому можно предположить, что активное употребление 2-го л. в дейктической функции связано с практической направленностью текста, скорее всего, независимо от его тематики. Таким образом, повышенную частотность форм 2-го л. следует связывать, скорее, с коммуникативной целью автора, чем с его социально-коммуникативным типом.

Третий аспект сопоставления референциальных особенностей статей разных типов авторов связан с распределением ролей автора и адресата в субъектной организации НП-статьи. В Таблицах 9 и 10 приведены соответствующие подсчеты.

Таблица 9 – Распределение ролей автора НП-статьи лингвистической тематики между уровнями субъектной организации, % (шт.)

Уровень субъектной организации	Статьи специалистов	Статьи журналистов			Всего
		инициаторов	трансляторов	всего	
Прагматический	6 % (49)	1 % (6)	0 % (1)	1 % (7)	4 % (56)
Знания / мнения о языке	39 % (298)	23 % (98)	26 % (67)	24 % (165)	31 % (463)
Использования языка	55 % (434)	76 % (333)	74 % (194)	75 % (527)	65 % (961)
Не удалось определить	0 % (3)	0 % (0)	0 % (1)	0 % (1)	0 % (4)

Авторы-специалисты более чем в 1,5 раза чаще, чем журналисты, помещают себя на уровень знания / мнения о языке субъектной организации НП-статьи лингвистической тематики – в 39 % против 24 %. Это объясняется исследовательской позицией, которую занимает специалист при иллюстрации теоретических положений или выдвигании экспертных оценок: *По берестяным грамотам можно изучать* θ_d [‘исследователям-историкам’] *экономическую географию Древней Руси* [Ефимов // N+1]; *Эти механизмы* [исторических преобразований языковых единиц] *особенно хорошо прослеживаются* θ_{Tb} [‘исследователями истории языков’] *в фонетике* [Пиперски // Постнаука]. При этом авторы-журналисты почти в 1,5 раза чаще соотносят себя с уровнем использования языка, что может быть объяснено

отождествлением ими себя с адресатом текста. В табл. 10 в текстах журналистов адресат текста соотносится с уровнем использования языка также в 75 % контекстов.

Таблица 10 – Распределение ролей адресата НП-статьи лингвистической тематики между уровнями субъектной организации, % (шт.)

Уровень субъектной организации	Статьи специалистов	Статьи журналистов			Всего
		инициаторов	трансляторов	всего	
Прагматический	3 % (21)	1 % (4)	0 % (1)	1 % (5)	2 % (26)
Знания / мнения о языке	30 % (185)	26 % (128)	17 % (40)	21 % (168)	26 % (353)
Использования языка	67 % (418)	74 % (370)	83 % (200)	75 % (570)	72 % (988)
Не удалось определить	0 % (3)	0 % (0)	0 % (1)	0 % (1)	0 % (4)

Различия в распределении ролей адресата у разных типов авторов НП статьи представлены градуально: у специалистов встретилось больше, чем у журналистов, единиц, обозначающих субъектов уровня знания / мнения о языке, и меньше – обозначающих субъектов уровня использования языка; у журналистов-трансляторов ситуация обратная, а у журналистов-инициаторов представлены средние значения. При этом самый большой разрыв наблюдается в частотности указаний на субъектов уровня знания / мнения о языке у, с одной стороны, трансляторов (17 %) и, с другой стороны, специалистов и журналистов-инициаторов (30 и 26 %).

Указанные закономерности означают, что ученые в большей степени, чем журналисты, предпочитают выстраивать взаимодействие с адресатом на уровне картин мира, споря с его точкой зрения. Для журналиста же предпочтительно описание языка как научного объекта и его связи с человеком. Возможная интерпретация такого распределения связана с тем, что ученый, будучи носителем научного представления о языке, может наиболее отчетливо противопоставить его наивной картине мира. Журналист-инициатор осваивает научные знания лишь в какой-то мере, однако его позиция все же дает возможность противопоставлять себя адресату. Журналист-транслятор же не является самостоятельным субъектом научного знания и полемики, поэтому на уровень знания / мнения о языке он предпочитает

помещать ученых (экспертов), а адресата – в диктумную часть высказывания, которая описывает изучаемую наукой реальность.

3.3. Референциальные статусы языковых выражений со значением лиц и множеств лиц в научно-популярной лингвистической статье

Далее описаны референциальные статусы ЯВ, соотносимых с авторами и адресатом проанализированных НП-статей, и языковых средств, типичных для каждого референциального статуса.

Приведем общее распределение ЯВ с разными референциальными статусами (Таблица 11).

Таблица 11 – Распределение выражений с разными референциальными статусами в научно-популярных лингвистических статьях

Референциальный статус	Количество выражений	Доля выражений (с округлением до процента)
Универсальный / общеэкзистенциальный с квантором большинства	584	36 %
Общеэкзистенциальный	312	19 %
Неконкретный	214	13 %
Родовой	150	9 %
«Массовый» ⁹²	115	7 %
Определенный	96	6 %
Статус невозможно установить	79	5 %
Определенный + «массовый»	56	3 %
Дистрибутивный	21	1 %
Всего	1627	100 %

Преобладают выражения с общеэкзистенциальным статусом с квантором большинства (более трети), затем следуют общеэкзистенциальные употребления (19 %), неконкретные (13 %) и родовые (9 %).

⁹² Этого типа референции нет в существующей классификации; данное явление рассмотрено и описано ниже.

Описание выражений с разным референциальным статусом проведено по следующей схеме:

- 1) предварительные замечания (при необходимости);
- 2) количественное распределение выражений между уровнями субъектной организации с анализом типичных примеров;
- 3) количественное описание языковых средств;
- 4) закономерности, связанные с соотношением автора и адресата с референтами ЯВ.

Определенный референциальный статус имеют выражения, обозначающие автора, и выражения, обозначающие другое лицо (например, *лингвист Вадим Киммельман* [Исламова // N+1], *якобинец Бертран Барер де Вьёзак* [Мурадова. Покушение ... // Элементы]) и поэтому не входящие в фокус нашего рассмотрения. Выражений, референтом которых является говорящий, встретилось 96 (6 % от общей выборки).

Из них 36 относятся только к прагматическому уровню, например: *В прошлой колонке про поребрик я упоминала некоторые другие инструменты, которые можно тут использовать* [Левонтина // Элементы]; *Приведу только два примера: нелепого и неблагозвучного характера* [Тер-Минасова // НиЖ]. Эти и подобные выражения являются метаречевыми элементами, обозначающими субъекта речевого действия.

47 ЯВ обозначают субъектов уровня мнения о языке. Приведем примеры фрагментов текстов с такими выражениями: *Интересно Од, что и радиовещание, и телевидение сегодня вернулись к своему первоначальному этапу – к прямому эфиру* [Люди, которые создают нормы // STRF]; *Я ужасно не люблю, когда в сети такие Настя авторитетно заявляют: так, мол, никогда не говорили, такого не бывает, да еще и объясняют почему. У меня всегда в таких случаях рука сама так и тянется к закладке «НКРЯ»* [Левонтина // Элементы]. Видим, что субъект может выражаться и местоимением 1-го л. ед. ч., соответствующими глагольными формами, и синтаксическим нулем при предикате в безличном предложении. Указание на связь с прагматическим уровнем осуществляется путем использования

местоимений и глагольных форм 1-го л. ед. ч. (второй пример), либо оно имплицитно и связано с нулевым выражением авторизации.

13 ЯВ с определенным статусом обозначают субъектов, относящихся к уровню использования языка и прагматическому уровню, например: *Я ничего не могу прочесть на старой каменной плите: написано по-ассирийски. Это родной язык моего отца* [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы]; *Вспоминаю любимую книгу моего детства Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», которая, оказывается, была учебником по географии для младших школьников, победившим на конкурсе шведской школьной литературы* [Тер-Минасова // НиЖ]. В таких фрагментах речь идет о коммуникативном опыте автора. Вообще такая репрезентация автора редка: нам она встретилась только в двух текстах, и в каждом из них – в пределах абзаца или даже высказывания.

Нужно сказать, что выражения с определенным референциальным статусом почти не встречаются в текстах журналистов. Исключение составили две статьи. Приведем их фрагменты: *Здесь важно отметить 0_д, что те, слова, которые мы считаем ругательствами сегодня, не воспринимались как брань в те времена* [Кто научил ... // Дилетант]; *Конечно, журналисты могут говорить неправильно, но я бы хотела выступить в защиту медиаречи; При этом, даже если что-то в этом движении нам не нравится, присмотреться к изменениям, которые приживаются в языке после использования журналистами, кажется 0_д целесообразным* [Люди, которые создают нормы // STRF]. В первой выражение с определенным референциальным статусом (дейктический 0_д) связан с метаречевым выражением *Здесь важно отметить*; во второй статье оба подчеркнутых ЯВ обозначают субъекта мнения о языке.

Распределение языковых средств с определенным референциальным статусом по уровням субъектной организации представлено в Таблице 12.

Больше половины всех выражений с определенным референциальным статусом (55) составляют местоимения и/или глагольные формы первого лица; во множественном числе это примеры «авторского мы»: *Вот Шлейхер и сочинил басню на праиндоевропейском языке, которую мы приведем с пословным и*

литературным переводом... [Пиперски // Постнаука]; *Расскажем же о нескольких языках, которые заставляют взглянуть на гипотезу Сепира–Уорфа по-новому* [Бурас, Кронгауз // Элементы] и т. п. Три ЯВ с этим статусом – употребления возвратного местоимения *свой*, кореферентного личному местоимению *я*, например: *В 2013 году я привезла на Кукийское кладбище свою дочь-подростка, рассказала ей историю Авеля и прочла надпись на могильной плите* [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы].

Таблица 12 – Распределение языковых средств с определенным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч.	3-е л.	Синтаксический ноль	Всего
Прагматический	8	14	–	14	36
Знания / мнения о языке	20	–	2	21	47
Использования языка	9	4	1	3	13
Всего	37	18	3	38	96

Еще одно распространенное средство выражения единиц с определенным референциальным статусом представляет собой синтаксический ноль (38), замещаемый адъективными формами, формами именительного, творительного, родительного (с предлогом *для*) и наиболее часто – дательного падежа, например: *Тут надо заметить О_д, что как раз в данном случае провести серьезное социолингвистическое исследование с привязкой к территориям НКРЯ (пока) возможности не дает* (прагматический уровень); *Интересно О_д, что аналогичное с Донбасса попадаетея почаще, причем есть и довольно старые примеры: Я вот мастер коксовых печей, с Донбасса, а приехал сюда – печей-то еще не построили, послали меня на работу в профорганизацию [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]...* [Левонтина // Элементы] (уровень мнения о языке). Частотность таких незамещенных позиций может быть связана, по крайней мере для *О_д* при глагольных предикатах, с речевой привычкой ученого выражать объективированность научного знания с помощью

безличных конструкций, прежде всего речевых клише *следует оговориться, надо заметить* и т. п., принятых в научной речи.

Единственный фрагмент, представленный описательным выражением, встретился в статье [Тер-Минасова // НиЖ]: *Этот очень краткий обзор непрерывно растущего встречного движения (политкорректное название влияния английского языка как глобального на национальные языки, в данном случае – на русский) сделан русским филологом не первой молодости.* Таким способом обозначен субъект уровня мнения о языке. С помощью описательного выражения автор подчеркнул свою возрастную характеристику, которая, по его мнению, влияет на оценку языковой реальности. В следующем высказывании автор противопоставляет своему мнению мнение (потенциальное) молодых субъектов мнения о языке: *Молодёжь в России, наверное, воспринимает и этот процесс, и его результат по-другому.*

Есть случаи, когда не удастся однозначно определить, ограничен ли состав референта ЯВ только автором или в него включаются еще другие специалисты: *Изучать эволюцию, моделируя ее на цепочках испытуемых, за последние годы стало уже традицией. <...> Единственно, не очень понятно O_d , насколько современный человек – со своими знаниями, умениями и когнитивными привычками – может служить адекватной моделью человека другого вида* [Бурлак // Постнаука]. С одной стороны, исходя из принципа авторизационного ключа (если нет указаний на источник информации, значит, источником является автор), в состав референта нулевого выражения входит только автор. Об этом косвенно свидетельствует и редакторское вступление к статье: «Мы попросили прокомментировать это исследование лингвиста Светлану Бурлак» (*прокомментировать* – то есть объяснить и квалифицировать). При такой интерпретации референциальный статус нулевого выражения O_d определен. С другой стороны, точку зрения, которую выражает автор, могут разделять и другие специалисты, и автор может озвучивать ее от лица группы ученых. В таком случае референциальный статус выражения общеэкзистенциальный.

Поскольку указанные языковые средства представляют собой преимущественно дейктики 1-го л. ед. ч. (местоимение я), кореферентное им возвратное

местоимение *себя* и кореферентные синтаксические нули, не представляет сложности соотнести автора с текстовыми субъектами, которые обозначаются данными ЯВ. Референциальные синтаксические нули с данным статусом находятся в модусной части высказывания, и их референт тоже определяется однозначно с помощью принципа авторизационного ключа.

Другие средства с определенным референциальным статусом – местоимения и глагольные формы 1-го л. мн. ч. и описательный оборот *русский филолог не первой молодости* [Тер-Минасова // НиЖ] обозначают субъектов при метаречевых или метатекстовых предикатах, например: *Надпись – та самая загадка, которую мы вам предложили в самом начале* [Ефимов // N+1]; *Говорили на нем примерно 6000 лет назад, и потомков за это время в результате деления у него получилось столько, что мы даже не смогли изобразить их всех на этом дереве: слишком уж раскидистым бы оно получилось* [Пиперски // Постнаука].

Поскольку речь идет о языковых единицах, в состав референта которых, как правило, входят автор и/или адресат, единиц со слабоопределенными и неопределенными референциальными статусами нам не встретилось. Однако обнаружено другое явление, которое не соответствует ни одному из существующих в классификации типов референции.

«Массовый» референциальный статус. В отличие от выражений, указывающих на автора, обозначениям адресата нельзя присвоить определенный референциальный статус. Как указано в параграфе 1 гл. 1, адресат таких текстов массовый: количество адресатов определить невозможно, со временем оно может увеличиваться и поэтому носит потенциальный характер.

В теории референции языковым выражениям с открытым референтом присваивается статус общеэкзистенциального, соответствующий логическому квантору существования. Однако признак прагматического второго лица нельзя поместить в один ряд с другими признаками, ограничивающими объем референта: ср. *Как без специального образования понять Од такой текст «Допускается изготавливать чемоданы без пуклей длиной не более 40 см; с применением наружного профилированного кедера по ботану корпуса и крышки; с другими деталями, выполняющими*

назначение пуклей»?.. [Иомдин // Постнаука] и *Попробуйте теперь ответить на вопрос: как на современном немецком языке выглядит слово «вошь», если по-древневерхненемецки оно выглядело как lūs? Без сомнения, вы легко дали ответ: Laus [Пиперски // Постнаука]. В первом примере ЯВ O_d имеет общеэкзистенциальный референциальный статус; его референт включает носителей русского языка, которые (ограничивающий признак) не имеют образования в сфере легкой промышленности. Во втором примере 2-е л. глагола отсылает к аудитории текста, объем которой неизвестен и со временем увеличивается и у которой нет единого не прагматического признака.*

В рамках данного диссертационного исследования мы назвали этот тип референции «массовым», таких выражений встретилось 115 (7 %). Их распределение между уровнями субъектной организации следующее.

На прагматическом уровне обнаружилось пять ЯВ в двух статьях. В первом тексте местоимение 2-го л. носит собственно метаречевой характер (*В сегодняшней статье мы расскажем Вам о ...* [Взнуздаева // Дилетант]); во втором употребление осложняется приемом привлечения внимания к теме статьи: автор загадывает читателю загадку по этой теме и на протяжении текста возвращается к ней (*Отгадайте загадку: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписанную». Вы пока подумайте...; Еще не O_d отгадали?* [Ефимов // N+1]).

61 ЯВ отсылает к субъектам уровня знания / мнения о языке. Из них 33 (все в одной статье [Учимся говорить красиво // ЗХЖ], в которой автор дает практические советы по улучшению речи) связаны с изменением собственного речевого поведения, например: *Есть три хороших метода избавиться от слов-паразитов и ненужных «наполнителей»: – Скачайте приложение для смартфона, запишите свои разговоры, а потом послушайте их и проанализируйте.*

28 употреблений содержат собственно мнения о языке. Их можно разделить на две группы:

– экспликация мнения читателя-дилетанта, например: *Единственный аргумент, который может быть <у O_p > против этого способа – речь звучит*

небрежно. На самом деле, она становится более легкой для восприятия на слух [Учимся говорить красиво // ЗХЖ] и т. п. (подобные случаи рассмотрены при анализе конфликтной аргументации в параграфе 2.3);

– обращение к читателю, для того чтобы он совершил исследовательское действие, и описание этого действия, например: *Попробуйте теперь ответить на вопрос: как на современном немецком языке выглядит слово «вошь», если по-древневерхненемецки оно выглядело как *lūs*? Без сомнения, вы легко дали ответ: *Laus* [Пиперски // Постнаука] – либо риторический вопрос *Какой пример, по вашему*⁹³, *более сильный?* [Учимся говорить красиво // ЗХЖ].*

В анализируемых статьях встретились 49 ЯВ «массового» референциального статуса, обозначающих субъектов событийного уровня, из них 43 выражения использованы в той же статье практического характера [Учимся говорить красиво // ЗХЖ], например: *Конечно, вы пишете и говорите по-разному, но все же одно влияет на другое.* Остальные 6 ЯВ встретились в статье [Васильев // NS], где автор обращается к опыту читателя для иллюстрации своей мысли: *Представьте, что вы видите стол: вы называете его столом и знаете, что это такое и чего от него ожидать Од.*

Вообще использование выражений, отсылающих к адресату, в НП-статьях представляет собой нетипичный прием: такие выражения встретились всего в семи текстах, причем 87 % пришлось на две статьи [Учимся говорить красиво // ЗХЖ] (82 выражения) и [Пиперски // Постнаука] (18 выражений), имеющие в той или иной мере практический характер.

Распределение языковых средств между уровнями субъектной организации представлено в Таблице 13. Ожидаемо, что больше половины единиц имеют форму 2-го л., изосемичную для отсылки к собеседнику; около трети ЯВ представляют собой незамещенные синтаксические позиции.

Как и в случае ЯВ с определенным типом референции, выражения 2-го л. и кореферентные им возвратные местоимения и синтаксические нули однозначно

⁹³ Сохранены особенности орфографии автора текста.

соотносятся с адресатом текста. Референтный синтаксический ноль выполняет две функции:

Таблица 13 – Распределение языковых средств с «массовым» референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л.	Синтаксический ноль	Всего
Прагматический	–	4	–	1	5
Знания / мнения о языке	1	36	2	22	61
Использования языка	–	28	2	19	49
Всего	1	68	4	42	115

1) заполняет валентности модусных предикатов в предложениях со значением неправильного мнения или отсутствия знания, например: *На первый взгляд ОД кажется, что идея о безысключительности фонетических законов опровергнута: *i* то переходит в *e*, то сохраняется. Но если присмотреться, то не все потеряно, просто закон надо формулировать с дополнительным условием* [Пиперски // Постнаука]; другие примеры см. в 2.3 в описании полемики между автором и адресатом;

2) замещает валентности предикатов, употребленных в сослагательном наклонении со значением целевого действия или в высказываниях с модальной модификацией со значением желательного действия, например: *Чтобы ОД понять, что такое ступенчатая речь, лучше ОД послушать разговор, который получается после преобразования текста в речь* [Учимся говорить красиво // ЗХЖ].

Последний тип контекстов встретился только в одной статье, в которой читателю предлагаются советы для улучшения речи. Единственная форма 1-го л. мн. ч. со значением псевдоинклюзива (*Учимся* ‘адресат’ *говорить красиво* [ЗХЖ]) входит в заголовок той же статьи.

В анализируемых статьях встретились также 56 выражений (3 %), обозначающих обоих участников прагматической ситуации – автора и адресата. Среди них преобладают указания на субъекта знания / мнения о языке (35) и на собственно прагматических субъектов (19). Еще одно выражение относится к уровню

использования языка, и одно выражение оказалось невозможно однозначно отнести к одному из уровней.

Указания на субъекта знания / мнения о языке встречаются преимущественно в статье [Пиперски // Постнаука], в которой автор предлагает читателю провести реконструкцию древнего языка, но есть и другие примеры: *Всякий раз, когда мы с вами садимся за учебники по иностранным языкам, сам собой <у О_Р> возникает справедливый вопрос: «Почему человечество не может создать универсальный язык, понятный жителям всей планеты?»* [10 попыток ... // ПМ].

Выражения, обозначающие прагматических субъектов, носят метаречевой характер, например: *Не будем θ_{II} сейчас закапываться в философские различия между глаголами, а обратимся лучше к истории вопроса* [Бурас, Кронгауз // Элементы].

Интересная конфигурация субъектов получается при использовании в НП-тексте элементов интервью. В субъектную организацию текста мы должны включить не только адресата и автора (как правило, журналиста, поскольку жанр интервью предполагает диалог журналиста с экспертом), но и эксперта. То, что говорит эксперт, формально адресовано автору, но фактически – всем неспециалистам, включая адресата. Таким образом, например, во фрагменте *Но что происходит, когда статистику пытаются обучать на больших объёмах текста? Представьте, что вы набиваете свою систему для игры в шахматы огромным количеством реальных партий. Увеличиваете количество партий, вкачиваете в неё, вкачиваете...* [Вешняковская // НиЖ] референт личного местоимения (а также кореферентного ему возвратного) и глагольных форм 2-го л. включает, с одной стороны, автора (как собеседника эксперта, что показывает смену «точки зрения», характерную для использования прямой речи и цитирования), а с другой – адресата. К последнему речь формально не обращена, но жанр интервью предполагает косвенную обращенность речи эксперта ко всем неспециалистам. Аналогичная ситуация наблюдается во фрагменте статьи [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF] (статья тоже содержит интервью): *Ну и третий, самый простой ответ – согласитесь, что смотреть двумя глазами лучше, чем одним, а тут у нас было целых три «глаза».*

Среди языковых средств (Таблица 14) преобладают формы 1-го л. мн. ч. (местоимение *мы* и соответствующие глагольные формы – 29) и синтаксический ноль (19).

Соотнесение автора и адресата с референтами данных ЯВ также не вызывает трудностей: действия этих субъектов не представляют собой общей практики, а связаны с конкретным текстом.

Таблица 14 – Распределение языковых средств, обозначающих автора и адресата научно-популярной лингвистической статьи, между уровнями ее субъектной организации

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л., местоимение	Синтаксический ноль	Всего
Прагматический	16	1	–	2	19
Знания / мнения о языке	11	6	1	17	35
Использования языка	1	–	–	–	1
Не удалось определить	1	–	–	–	1
Всего	29	7	1	19	56

Языковых выражений с **дистрибутивным референциальным статусом** в анализируемых текстах встретилось мало – 21 единица (1 %), 18 из них в статьях, написанных специалистами, и/или в словах ученых, введенных в прямой речи, например в процитированном в статье [Бурас, Кронгауз // Элементы] высказывании Гумбольдта: *Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное* (для всех народов язык является его духом ‘квинтэссенцией индивидуальности’, и для каждого конкретного народа его конкретный язык таковым является).

Отметим, что в данном примере конкретным объектом является открытое множество людей, но мы считаем его объектом, а не совокупностью объектов, поскольку в данном контексте невозможно заменить слово *народ* на, например, слово *человек* или словосочетание *представитель народа* без потери смысла. Во

фрагменте *С точки зрения лингвистики, языки, на которых говорят эти народы*⁹⁴, относятся к близкородственным группам и имеют общее происхождение [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF], напротив, такая подстановка допустима, и, следовательно, референциальный статус ЯВ **эти народы* нельзя назвать дистрибутивным. Такие явления (их встретилось 23) мы относим к выражениям с общеэкзистенциальным статусом с квантором большинства.

И у ЯВ с дистрибутивным статусом, и у 23 выражений, которые похожи на выражения с дистрибутивным статусом, но обладают общеэкзистенциальным статусом, референт составляют субъекты уровня использования языка, за исключением одного случая: *Ну а дальше – дальше каждый сам решает, достаточные ли это для него авторитеты* [Левонтина // Элементы]. Это объясняется тем, что в НП-текстах обобщения проводятся обычно при обсуждении явлений, исследуемых в науке и составляющих предмет изложения в статьях.

Распределение языковых средств с дистрибутивным референциальным статусом между уровнями субъектной организации НП-статьи представлено в Таблице 15.

Таблица 15 – Распределение языковых средств с дистрибутивным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	3-е л., существительное	3-е л., местоимение	Синтаксический ноль	Всего
Знания / мнения о языке	–	1	–	1
Использования языка	11	5	4	20
Всего	11	6	4	21

Соотнесение автора и адресата с референтами ЯВ с дистрибутивным референциальным статусом представляет собой более сложный механизм, чем при референтных употреблениях ЯВ.

⁹⁴ Так в тексте. Грамматическая несогласованность высказывания, возможно, объясняется желанием автора использовать наименование лица – например, *представители этих народов*.

Во-первых, множество субъектов, о котором идет речь, точно включает автора и адресата текста, если это носители русского языка, носители языка вообще или участники типовой коммуникативной ситуации, как в [Донских // ЗХЖ], например: *Интонацию O_{Adj} / O_P речи [письменной. – Д. И.] услышать нельзя, а значит и определить, что человек лжет – тоже*. Большинство людей имеют опыт неискренних разговоров в переписке.

Во-вторых, множество лиц, выступающих референтом ЯВ, может включать их только потенциально, например: *Кроме того, лонгитюдное исследование, проведенное в Индии, подтвердило, что билингвы чаще сохраняют нормальные когнитивные функции после O_{Adj} / O_P инсульта* [Стригун // NS]. Множество, о котором идет речь, – билингвы, перенесшие инсульт, каждый из которых в большей или меньшей степени сохраняет свои когнитивные способности; в это множество автор и потенциальный адресат попадают с крайне низкой вероятностью.

Если единица множества, обозначаемого ЯВ, также является множеством (например, *народ, языковой коллектив*), то в рамках нашего исследования имеет значение, попадают ли автор и адресат в одно подмножество или в разные. См., например: *Любой язык является сложным образованием. И дело не только в грамматике: в O_{Adj} языке есть несколько взаимодействующих пластов, а сложность связей между пластами объясняется непростой историей народа, социальным расслоением общества, образованием и развитием литературного языка, расселением племен, обладавших различными диалектами, и так далее* [Исаев // Постнаука]. В данном случае наиболее вероятно, что автор и адресат, будучи носителями одного языка, принадлежат к одному обществу – населению одной страны. Ср. с другим примером: *Не исключено, что лет через пятьдесят языковедение расскажет нам о женском и мужском диалектах (и, при удаче, предложит разговорник) или о распределении O_{Adj} аргументативных текстов по возрастным группам* [Вешняковская // НиЖ]. В этом случае неизвестно, в одну или в разные ли возрастные группы входят автор и адресат.

В анализируемых текстах обнаружено 312 ЯВ с **общеэкзистенциальным статусом**, из них выражений, референтом которых являются персонажи событийного уровня, – 141; уровня мнения о языке – 171.

Как правило, в состав референта выражений, обозначающих персонажей **уровня использования языка**, включается и автор, и адресат, например: *Однако не всегда нам надо подавать собеседнику невербальные сигналы, иногда ситуация требует <от О_Р> обратного* [Учимся говорить красиво // ЗХЖ] ('носители языка вообще', включая автора и адресата). Несколько исключений встретились в статье [Тер-Минасова // НиЖ], в которой автор, относя себя к старшему поколению, (1) отделяет себя от молодых носителей русского языка, (2) дает оценку чужой речи, (3) описывает речь ученых: (1) *Он сменился в бизнес-переписке О_{Adj} на «западную» запятую, а в молодёжных письмах меняется на «смайлик»*; (2) *Приведу только два примера [аббревиатур. – Д. И.]: нелепого и неблагозвучного характера. Нелепое – от увлечения О_{Adj} английским языком без достаточного с ним знакомства О_Р*; (3) *Чрезмерное наукообразие текста, намеренная завеса из заимствований и/или собственных О_{Adj} терминов (чаще – известных, но с изменением общепринятого значения) – этот «высший пилотаж» О_{Adj} может служить для сокрытия О_{Adj} пустоты.*

ЯВ с общеэкзистенциальным статусом, обозначающих носителей **мнения о языке**, с референтом, включающим одновременно и автора, и адресата (с той или иной степенью вероятности), оказалось 73 из 171; остальные включают либо автора, либо адресата. Объем референта таких выражений, как правило, включает носителей мнения о языке, причем чаще всего безотносительно к тому, является субъект специалистом или нет. Типичный пример: *Множество загадок и неясностей <для О_Р> таит в себе история русского языка* [Взнуздаева // Дилетант]. Здесь субъектом знания может быть как человек, совсем незнакомый с историей русского языка, так и специалист в этой области, который может перечислить «белые пятна» данного раздела лингвистики ⁹⁵.

⁹⁵ В зависимости от этого (впрочем, причинно-следственная связь может быть иной) меняется и референция ЯВ *множество загадок и неясностей*.

Исключения связаны со сложной субъектной структурой статей, написанных журналистами: и автор, и адресат – носители наивной картины мира, несмотря на очевидную разницу в знаниях о предмете; при этом в тексте могут упоминаться ученые, чья картина мира, естественно, носит научный характер. Если журналист рефлектирует разницу между собственным и научным знанием, то на уровне референции ЯВ может произойти следующая ситуация. В статье [Вешняковская // НиЖ] встречаем следующий фрагмент: *<Все хотят извлекать из огромного потока текстов события и связи, которые соотнесены с сущностями.> Одного «извлечения сущностей» достаточно, чтобы O_D почувствовать себя на симпозиуме лаптянских мудрецов, а считалка из детской игры «в чепуху» (кто, с кем, где, когда...) это O_{Adj} ощущение усиливает.* Первое высказывание, взятое в угловые скобки, принадлежит ученому, которого цитирует автор-журналист. Во втором высказывании автор эксплицирует свои и, потенциально, читательские «дилетантские» ощущения.

Референт восьми ЯВ включает автора (специалиста), но не включает адресата; у 14 ЯВ референт включает адресата, но не включает автора. Как указано в параграфе 2, введение «дилетантского» мнения часто сопровождается маркерами чужой точки зрения: *казалось бы, может показаться, что, на первый взгляд* и т. п.

Обнаружено 17 выражений, которые обозначают субъектов уровня знания / мнения о языке, действия которых направлены на практическое применение знаний, с нормированием речи, с сохранением и развитием своего языка, например: *Производителям и рекламщикам приходится изрядно поломать головы, придумывая подходящее название, которое будет одновременно привлекать покупателей* [Васильев // NS]; *Для этого необходимо O_D вырабатывать некое осмысленное и ответственное O_{Adj} отношение к изменениям [в языке] [Люди, которые создают нормы // STRF]; И так, значительное количество людей во всем мире сталкивается с этой дилеммой: забыть язык или поддерживать? [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы].*

Среди языковых средств с этим статусом преобладает синтаксический ноль, что соответствует общей тенденции. Не соответствует ей большое количество

существительных (чаще всего это номинации *человек/люди, носитель/-и языка*, названия отдельных групп носителей, *ученый/-е, лингвист/-ы, исследователь/-и, специалист/-ы*). Распределение ЯВ представлено в Таблице 16.

Таблица 16 – Распределение языковых средств с общеэкзистенциальным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л., существительное	3-е л., местоимение	Синтаксический ноль	Всего
Знания / мнения о языке	22	1	39	7	102	171
Использования языка	13	2	36	7	83	141
Всего	35	3	75	14	185	312

Соотнесение автора и адресата текстов с референтом ЯВ с общеэкзистенциальным референциальным статусом при отсутствии других кванторов в максимальной степени зависит от лексического значения и контекста и менее всего формализуется. Это связано с тем, что такой статус предполагает существование субъектов при отсутствии указания на их количество, долю в целом множестве и характеристики, которые могли бы способствовать в ограничении зоны поиска. Иногда в анализе помогают предикаты или второстепенные члены предложения со значением количества, однако из-за того, что объем референта может быть различным, строгой закономерности обнаружить нельзя. Так, в высказывании *Количество людей, свободно и безошибочно пользующихся литературным языком, невелико* [Исаев // Постнаука], несмотря на ограничение объема референта предикатом *невелико*, есть вероятность, что автор относит себя к этому числу людей, поскольку является лингвистом.

Наиболее регулярно автор соотносится с референтом ЯВ, обозначающих модусных субъектов без показателей чужой речи (как правило, это субъекты уровня знания / мнения о языке), например: *Од Сложно поверить, что изначально затея была чем-то большим, нежели интеллектуальной игрой* [Петров // ПМ].

Квантор существования при выражениях с общеэкзистенциальным референциальным статусом, как правило, имплицитен; редко используются неопределённые местоимения в значении существования, лексические выражения количества также немногочисленны, например: *В поисках работы и лучшей жизни, а в некоторых случаях – в поисках самой возможности выжить физически, отдельные люди и целые семьи перемещаются из страны в страну и меняют не только место проживания, но и язык, на котором общаются вне семейного круга* [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы] – здесь местоимение *отдельные* обозначает единичность в противопоставлении «множественности семьи»; *Количество людей, свободно и безошибочно пользующихся литературным языком, невелико* [Исаев // Постнаука].

Встречаются кванторы всеобщности и большинства, большого количества и меньшинства. Кванторы всеобщности и большинства далее рассмотрены отдельно; здесь описаны два других квантора:

– большого количества (14 употреблений): *Определённая трудность в его [русского языка] изучении – далеко не новость не только для лингвистов* [Фишман. Реформы и войны ... // STRF] (*лингвисты* ‘самые сведущие в языках люди’, *не только лингвисты* ‘многие люди, не только самые сведущие’); *Итак, значительное количество людей во всем мире сталкивается с этой дилеммой: забыть язык или поддерживать?* [Мурадова. Сколько языков ... // Элементы] (квантор выражен эксплицитно);

– меньшинства (2 употребления): *Мы всегда стараемся следить за тем, что мы говорим, но не часто замечаем, как мы это говорим* [Учимся говорить красиво // ЗХЖ] (квантор выражен наречием *не часто*).

Универсальный / общеэкзистенциальный референциальный статус с квантором большинства. Точно определить, содержит ли ЯВ с общеэкзистенциальным референциальным статусом квантор большинства или нет, часто бывает трудно. Рассмотрим пример: *Сегодня учёные сосредоточены не на том, чтобы доказывать или разоблачать гипотезу Сепира–Уорфа. Вместо этого они исследуют отношения между мышлением, языком и культурой и описывают конкретные*

механизмы взаимовлияния [Бурас, Кронгауз // Элементы]. Эксплицитные кванторы при номинации *учёные* и кореферентном ей анафорическом местоимении *они* отсутствуют (кроме наречия *сегодня*, выделяющего временной срез референтного мира). Однако очевидно, что речь идет не о всех ученых и даже не о всех лингвистах: например, в состав этого референта не входит большинство специалистов по истории языков. Если учесть, что в предшествующем контексте речь идет о споре универсалистов и релятивистов во взглядах на врожденность / приобретенность языковых категорий, то референтом указанных ЯВ является множество современных лингвистов, занимающихся проблемами языка и мышления. В этом случае референциальный статус выражений *учёные* и *они* общеэкзистенциальный с невыраженным квантором большинства ('большинство лингвистов, занимающихся проблемами языка и мышления') или универсальный ('все лингвисты, занимающиеся проблемами языка и мышления').

Несмотря на кажущуюся простоту определения универсального статуса с помощью кванторов всеобщности либо просто интерпретации семантики высказывания, логическое представление о всеобщности не совпадает с бытовым, которое часто включает только типичные экземпляры множества. Приведем пример из статьи [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF]: *Во-первых, каждый O_{Adj} ген – это свидетель прошедших эпох, а чем больше свидетелей рассказывают нам о произошедших событиях, тем точнее и надежнее мы можем о них судить*. Референт нулевого ЯВ в этом высказывании – люди, и на первый взгляд кажется, что его референциальный статус универсальный: речь идет о биологической характеристике, присущей всем живым существам. Однако если учитывать возможность мутации, меняющей ген непредсказуемым образом, то оказывается, что исключения из общего правила все же есть, и нулевое выражение O_{Adj} имеет общеэкзистенциальный статус с квантором большинства.

Другой пример – из статьи [Баринаова. Оттенки синего // NG]: *В XXI веке к вопросу о связи языка и цветового восприятия O_{T_e} мира вернулся израильский лингвист Гай Дойчер в своей книге «Сквозь зеркало языка»*. Нулевое выражение O_{T_e} имеет референт «носители языка с той или иной системой цветообозначения» –

имеются в виду либо носители по отдельности (тогда синтаксический ноль можно заместить существительным «человека»), либо совокупности носителей каждого языка (тогда можно подставить «языкового коллектива, говорящего на каждом языке»). При второй интерпретации референциальный статус нулевого ЯВ, скорее всего, универсальный: множества носителей каждого языка имеют цветное восприятие мира, в той или иной степени зависящее от системы цветообозначений в языке. Тогда можно сказать, что выражение употреблено в собирательном значении. При первой же интерпретации, когда под 0_{Te} подразумеваются носители языков по отдельности, референциальный статус выражения общеэкзистенциальный с квантором большинства, поскольку существуют люди, лишенные цветного зрения или зрения вообще.

В ходе анализа материала при попытках в каждом подобном случае установить референциальный статус ЯВ было принято решение не проводить различие между выражениями с универсальным статусом и экзистенциальным с квантором большинства. Причин этому две. Во-первых, для различения этих статусов в каждом конкретном случае требуются точные (научные) знания о фрагменте мира, о котором идет речь в тексте, но ни один исследователь, включая, разумеется, нас, не обладает полными знаниями даже о части этих реалий. Во-вторых, с точки зрения обыденного сознания, возможными исключениями можно пренебречь, о чем свидетельствуют, в частности, кванторы всеобщности в следующих фрагментах: *Любой пользователь знает, сколько времени занимает поиск по ключевому слову* [Вешняковская // НиЖ] – исключением являются, например, дети, ни разу не производившие поиск труднодоступной информации, или некоторые пожилые люди, которые пользуются ограниченным набором функций интернета; *Нормы есть вообще в любом языковом коллективе. Они существуют как навык, привычка. И каждый член такого коллектива иногда осознанно, но чаще подсознательно, стремится говорить и писать так, как все его члены* [Болохова // STRF] – однако бывает, что член языкового коллектива отвергает некоторые сложившиеся в нем нормы, например употребление мата в коллективе, где это допускается; *Стандартная задача, которую сейчас пытаются все решать, даже за пределами*

компьютерной лингвистики, называется *Named Entity Recognition*, распознавание, или извлечение именованных сущностей [Вешняковская // НиЖ] – здесь местоимение *все* выражает кванторное значение большинства при общеэкзистенциальном референциальном статусе; имеются в виду, конечно, не все люди, а люди, проявляющие профессиональный интерес к формализации семантики / к обучению искусственного интеллекта естественному языку. Помимо извлечения сущностей, такие люди могут заниматься и другими проблемами (формализацией грамматик, вопросами снятия омонимии и др.). С учетом этого возникает даже сомнение в наличии квантора большинства; впрочем, это зависит от точности определения объема референта.

Выражения с общеэкзистенциальным статусом с квантором большинства самые многочисленные – их 558. Подавляющее большинство – 490 – обозначают субъектов *уровня использования языка*: носителей языка вообще, носителей русского языка, носителей отдельных языков или их групп, людей как представителей биологического вида и т. п. Это обусловлено тем, что, как мы указали выше, обобщения в НП-тексте проводятся чаще всего относительно изучаемых явлений, нежели относительно процесса изучения или коммуникации по этому поводу.

Среди единиц, обозначающих субъектов *уровня знания / мнения о языке* (61) в состав референта 30 ЯВ входит автор, но не входит адресат, а в состав референта трех ЯВ не входит автор, но входит адресат.

Распределение языковых средств между уровнями субъектной организации (Таблица 17) в целом отражает общее распределение, за исключением немногочисленности форм 2-го л.

Механизм соотнесения автора и адресата с референтами ЯВ с общеэкзистенциальным референциальным статусом проще, чем с большинством других нереферентных употреблений. Это связано с использованием квантора, близкого к квантору всеобщности, а это, в свою очередь, означает, что все или почти все субъекты, которые могут быть названы с помощью данного выражения, включая автора и адресата, включены в состав референта актуализированного выражения.

Таблица 17 – Распределение языковых средств с общеэкзистенциальным референциальным статусом с квантором большинства между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л., существительные	3-е л., местоимения	Синтаксический ноль	Всего
Знания / мнения о языке	18	–	13	7	32	70
Использования языка	115	3	140	21	235	514
Всего	133	3	153	28	267	584

Таким образом, отнесенность коммуникантов к референту такого выражения определяется только его объемом. Так, в высказывании *И только у человека есть своя версия FOXP2, отличающаяся от FOXP2 шимпанзе всего на 2 аминокислоты* [Долотовская // N+1] автор и адресат, несомненно, являются частью референта имени *человек*, поскольку относятся к виду *Homo sapiens*. А в референт существительного *ученые* в высказывании *Сегодня учёные* (‘ученые, изучающие взаимосвязь языка и мышления’) *сосредоточены не на том, чтобы доказывать или разоблачать гипотезу Сепира—Уорфа* [Бурас, Кронгауз // Элементы] с некоторой вероятностью входит по крайней мере один из соавторов. На эти соображения читателя могут привести, во-первых, косвенно из метаданных статьи, среди которых имеется ученая степень М. Кронгауза и указание на его место работы – Институт лингвистики Российского гуманитарного института, а во-вторых, местоимение и глагольные формы 1-го л., употребляемое для обозначения лингвистов, занимающихся данной проблематикой: *Тем не менее мы не можем до сих пор точно сказать, истинна ли эта гипотеза или ложна; Мы не очень понимаем, что такое мышление и сознание и что значит «влиять на них».*

Неконкретный референциальный статус. ЯВ с неконкретным референциальным статусом встретилось 214, из них 108 выражений относятся к уровню использования языка, 105 – к уровню знания / мнения о языке и одно – к прагматическому уровню.

Неконкретные употребления ЯВ можно разделить на два типа:

– употребления в высказываниях с различными видами ирреальной модальности: *С одной стороны, русский язык – это язык государства, и тут он совершенно*

точно должен нормироваться $Q_{T\bar{e}}$ и кодифицироваться $Q_{T\bar{e}}$ [Люди, которые создают нормы // STRF] (модальность долженствования); *Переводчики с человеческого языка на «собачий» или «кошачий» пока не работают – но уже скоро мы можем научиться понимать язык зверей* [Фишман // ПМ] (модальность возможности);

– употребления в свернутых пропозициях (без предикации) с обобщающим значением: *Думаю, что Q_D хорошо изучать язык по литературе* [Люди, которые создают нормы // STRF].

Большинство ЯВ с неконкретным статусом представлено синтаксическими нулями (150), остальные средства представлены незначительно (Таблица 18).

Таблица 18 – Распределение языковых средств с неконкретным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л.	2-е л.	3-е л., существительные	3-е л., местоимения	Синтаксический ноль	Всего
Прагматический	–	–	–	–	1	1
Знания / мнения о языке	10	2	5	7	81	105
Использования языка	9	4	20	7	68	108
Всего	19	6	25	14	150	214

По нашим наблюдениям, механизм соотнесения прагматических субъектов с референтом выражений с неконкретным референциальным статусом подобен действующему для предыдущей группы выражений. Отсутствие утвердительности так же, как квантор всеобщности / большинства, не актуализирует отдельные объекты из класса, и поэтому ограничения на круг явлений, обозначаемых такими выражениями, накладываются только объемом референта. Так, во фрагменте *Несогласие можно считать ошибкой в разговоре только тогда, когда от согласия или несогласия собеседников ничего не зависит и не меняется* [Учимся говорить красиво // ЗХЖ] в состав референта существительного *собеседников* может включаться любой человек, который участвовал в таких разговорах. Поскольку такие коммуникативные ситуации очень распространены, мы можем с уверенностью сказать, что и автор, и адресат соотносятся с этим субъектом. Напротив, в высказывании *Все это,*

наряду с замечательными когнитивными способностями приматов и особенно человекообразных обезьян, давно вызывало у ученых желание проверить, можно ли Од научить обезьян человеческой речи [Долотовская // N+1] референтом синтаксического нуля являются либо биологи, либо люди, которые заводят обезьян как домашних животных. В первом случае, вероятнее всего, в состав референта не включается ни автор (журналист по основной деятельности), ни адресат, однако автор имеет биологическое образование, хотя непосредственно в тексте читатель этого не узнаёт, и поэтому состоит в отношениях сопричастности с учеными-биологами. Во втором случае маловероятно, что автор или адресат занимаются содержанием обезьян.

Родовой референциальный статус. Встретилось 150 родовых употреблений ЯВ, из них 127 обозначают субъектов уровня использования языка и 23 – уровня знания / мнения о языке. На наш взгляд, преобладание субъектов уровня использования языка и в этой группе объясняется тем, что обобщения в НП-статьях проводятся в основном над изучаемой реальностью.

Родовые употребления можно разделить на две подгруппы:

– выражения, обозначающие множества лиц: *На следующем этапе развития человечества по всему миру возникает красный: цвет вина и крови* [Баринова. Оттенки синего // NG]; *Обе теории имеют свои преимущества, потому что приматы пользуются и тем, и другим способом коммуникации: большие человекообразные обезьяны (то есть наши ближайшие родственники – шимпанзе, гориллы и орангутаны) довольно молчаливы и предпочитают жестикулировать, остальные приматы – наоборот* [Долотовская // N+1] ('человечество как биологический вид'). *На втором развивались более широкие связи внутри всего ареала обитания славянских народов* [Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF]. В последнем примере представлены два множества: множество славянских народов и множество представителей славянских народов. Здесь мы имеем в виду первое множество, поскольку в данном контексте нельзя с сохранением смысла предложения заменить ИГ *славянских народов* на название одного из этих народов, однако можно заменить эту ИГ на имя *славян*;

– выражения, обозначающие лицо, типичное для множества: *Помимо повышенной социальной адаптации, билингвизм ассоциируется с лучшими <чем у O_P > O_{Adj} когнитивными способностями* [Стригун // NS] ('у типичного билингва когнитивные способности лучше, чем у типичного монолингва', при этом бывают билингвы с худшими когнитивными способностями, чем у некоторых монолингвов, но это представляется исключением из правила); *Мы сейчас живем под влиянием идей прогресса и убеждены, что O_{II} становимся лучше* [Донских // ЗХЖ] ('человечество в исторической перспективе', а не каждый индивид в отдельности); *Кроме коммуникативной причины расслоение вариантов объясняется возрастом носителей (эволюционный аспект, младшие говорят не так, как старшие), полом (речь мужчин и женщин может различаться), образованием говорящего, культурной средой* [Исаев // Постнаука].

Можно заметить, что в последнем примере подчеркнутые ЯВ похожи на выражения с общеэкзистенциальным статусом с квантором большинства. В статье идет речь именно о типизации явлений, а не о полноте их охвата, поэтому мы относим употребление выражения к родовым.

В распределении языковых средств между уровнями субъектной организации НП-статьи (Таблица 19), вопреки общей тенденции, среди выражений с родовым референциальным статусом преобладают, правда, с небольшим перевесом языковые единицы, употребляемые как единицы 3-го л. В основном это существительные, и лишь три ЯВ – анафорические местоимения.

Таблица 19 – Распределение языковых средств с родовым референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	3-е л., существительные	3-е л., местоимения	Синтаксический ноль	Всего
Знания / мнения о языке	10	3	–	10	23
Использования языка	28	53	4	42	127
Всего	38	56	4	52	150

Родовые употребления ЯВ, обозначающие класс явлений, в плане соотносимости с референтом ЯВ автора и адресата текста близки к общеэкзистенциальным с квантором большинства: это соотношение устанавливается однозначно. Во втором же варианте, когда речь идет о типичном для класса явлении, на наш взгляд, такое соотношение устанавливается сложнее всего. Приведем пример: *Помимо повышенной социальной адаптации, билингвизм ассоциируется с лучшими O_{Adj}/O_P когнитивными способностями* [Стригун // NS]. Во-первых, неизвестно, являются ли автор и/или адресат билингвами. Во-вторых, если ответ на первый вопрос положительный, неизвестно, являются ли они типичными билингвами, то есть лучше ли их когнитивные способности, чем у большинства монолингвов, или нетипичными, то есть с когнитивными способностями, как у большинства монолингвов.

Таким образом, в таких употреблениях есть два фактора, влияющих на соотносимость коммуникантов с референтами ЯВ: 1) их потенциальная способность к вхождению во множество лиц данного объема; 2) отнесенность к типичным или нетипичным представителям класса.

Выражения с мультииндексным референтом, референциальный статус которых определить не удалось. Объем референта части ЯВ оказалось невозможно определить однозначно. Это связано прежде всего со спецификой ЯВ: многозначностью местоимений, особенно местоимения *мы*, и синтаксического нуля, референт которого косвенно обусловлен контекстом. Таких выражений оказалось 79, из них 38 в качестве референта имеют субъекта уровня использования языка, 38 – уровня знания / мнения о языке, для трех уровень невозможно определить из-за множественности интерпретации выражения.

Среди последних есть ЯВ с ясными интерпретациями, например: *Между прочим, это одно из самых простых для произношения O_{Tb}/O_{Adj} слов в государственном языке страны [Исландии]; Не нужно углубляться в сложную <для O_P > грамматику исландского языка для того, чтобы ориентироваться на местности* [Майборода // NG]. Наиболее вероятны две интерпретации подчеркнутых ЯВ: объем их референта ограничивается либо носителями русского языка, либо носителями славянских, романских и германских языков – то есть языков, которые носители русского

языка чаще всего изучают как иностранные. В первом случае референциальный статус выражений общеэкзистенциальный с квантором большинства, во втором – либо такой же, либо общеэкзистенциальный без квантора, поскольку сложность фонетики и грамматики в славянских, романских и германских языках различна.

В других примерах та или иная интерпретация объема референта ЯВ не помогает определить референциальный статус, например: *К тому, что должно детерминировать норму – правила, разговорный язык или, может быть, язык журналиста – может быть разное отношение. Но O_d очевидно одно: если норма не будет учитывать движение языка, даже в самых просторечных его проявлениях, тогда она потеряет свою легитимность для значительного числа людей* [Люди, которые создают нормы // STRF]. Если субъектом мнения, выражаемым синтаксическим нулем O_d , является автор, то референциальный статус этого выражения определенный; если это автор и адресат (что менее вероятно), то референциальный статус – определенный и массовый; а если этим субъектом является множество лингвистов либо просто носителей мнения о языке, то неизвестно, идет ли речь о некоторой их части (лингвисты, занимающиеся вопросами нормы, или носители мнения о языке, придерживающихся данной позиции) или об их большинстве (все лингвисты или все носители мнения о языке). Другой пример: *Нам повезло. Мы современники великого взлёта научно-технического прогресса, подарившего O_d небывалые, невообразимые и невысказанные <для θ_r > средства общения, или коммуникации* [Тер-Минасова // НиЖ]. Референтом подчеркнутых выражений могут быть автор и адресат (для местоимений), носители русского языка, носители языка вообще, человечество, отдельная часть человечества, которую затронул научно-технический прогресс, носители мнения о языке (субъект оценки при прилагательных *небывалые, невообразимые и невысказанные*). Кроме того, непонятно, кореферентны ли употребления местоимения *мы* и O_d .

Нужно отметить, что такая многозначность может использоваться автором как прием привлечения внимания, например в заголовке статьи про жестовые языки: *Понятно O_d без слов* [Исламова // N+1]. Кому понятно: носителям жестовых языков,

не носителям, которые могут догадаться о значениях жестов, или специалистам, которые знакомы с принципами жестовых языков?

Среди ЯВ преобладают незамещенные синтаксические позиции и формы 1-го л. (все мн. ч.), что в целом соответствует общему распределению, за исключением малого количества выражений, соотносимых с 3-м л. (Таблица 20). Это обусловлено тем, что существительные, которых большинство в этой группе, имеют сигнификат, помогающий определить референт через соотнесение с понятийным содержанием. Вариантность интерпретации этих выражений, как правило, вызвана тем, что контекст не дает точно определить, о каком множестве людей идет речь: носителях русского языка, их группах, носителях языка вообще и т. п., например: *Нам повезло. Мы современники великого взлёта научно-технического прогресса, подарившего небывалые, невообразимые и немислимые средства общения, или коммуникации* [Тер-Минасова // НиЖ]. Наиболее вероятный референт местоимения нам в первом высказывании – ‘та часть современных людей, жизнь которых прогресс положительно изменил’; менее вероятный, но возможный – ‘автор и адресат’; кроме того, можно допустить и интерпретацию этого местоимения как катфорического к мы в следующем высказывании ‘современные люди’.

Таблица 20 – Распределение мультииндексных языковых средств, референциальный статус которых не удалось определить, между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи

Уровень субъектной организации	1-е л. мн. ч.	2-е л.	3-е л.	Синтаксический ноль	Всего
Знания / мнения о языке	16	–	2	20	38
Использования языка	7	6	8	17	38
Не удалось определить	2	–	–	1	3
Всего	25	6	10	38	79

Общее соотношение типов языковых средств и референциальных статусов соответствующих ЯВ представлено в Таблице 21.

Таблица 21 – Соотношение типов языковых средств
и референциальных статусов ЯВ, обозначающих лиц и их множеств
и соотносимых с автором и/или адресатом⁹⁶

Референциальный статус	1-е л. ед. ч.	2-е л.	1-е л. мн. ч.	3 л., сущ.	3 л., мест.	Синтакси- ческий ноль	Всего
Универсальный / общеэкзистенциальный с квантором большинства	–	3	133	153	28	267	584
Общеэкзистенциальный	–	3	35	75	14	185	312
Неконкретный	1	6	18	25	14	150	214
Родовой	–	–	38	56	4	52	150
«Массовый»	–	68	1	–	4	42	115
Определенный	37	–	18	1	2	38	96
Статус невозможно установить	–	6	25	8	2	38	79
Определенный + «массовый»	–	7	29	–	1	19	56
Дистрибутивный	–	–	–	11	6	4	21
Всего	38	93	297	329	75	795	1627

Преобладание ЯВ с общеэкзистенциальным статусом с квантором большинства, а также большое количество выражений с родовым типом референции объясняется тематикой НП-статей: наука обобщает действительность, а носители языка и субъекты коммуникации являются частью объекта лингвистики. Напомним, что субъекты уровня использования языка являются референтами около двух третей всех ЯВ, отобранных для анализа.

Выражения с общеэкзистенциальным статусом распределены между уровнем знания / мнения о языке и уровнем использования языка (171 и 141 употреблений соответственно). На уровне использования языка ими обозначаются субъекты, не реализующие языковые закономерности, а демонстрирующие те или иные речевые или коммуникативные особенности, например: *Не будет преувеличением сказать, что про праиндоевропейский язык известно больше, чем про некоторые языки, на которых в наши дни говорят 0_И [‘люди’] на Земле.* [Пиперски // Постнаука]. На уровне знания / мнения о языке такие единицы демонстрируют авторскую и/или

⁹⁶ Референциальные статусы расположены в порядке убывания частотности; языковые средства – в порядке уменьшения вероятности соотнесения с автором и/или адресатом.

читательскую точку зрения как одну из по крайней мере двух: *Недавно в Science появилась статья, показывающая, что формирование вокализаций (то есть издаваемых звуков) у новорожденных игрунок зависит от того, получают ли они обратную связь от родителей. С первого взгляда θ_{Adj} / θ_P [‘некоторых людей, далеких от науки, возможно, включая адресата’] этот результат, конечно, не выглядит, как сенсационное открытие. Тем не менее, он очень важен <для θ_P > [‘для некоторых ученых, включая автора’] [Долотовская // N+1].*

Неконкретные ЯВ, подобно общеэкзистенциальным, распределяются преимущественно между уровнями знания / мнения о языке и использования языка (105 и 108 соответственно). Механизм их соотнесения с автором и адресатом аналогичен наблюдаемому у общеэкзистенциальных ЯВ: сообщается о потенциальности существования лиц, которые могли бы совершать некоторое действие или обладать неким признаком, например: *Сегодня без эксперимента разговор о гипотезе Сепира–Уорфа вести θ_D [‘тем ученым, которые занимались бы этим’] уже даже как-то и неприлично [Бурас, Кронгауз // Элементы]; С одной стороны, существует официальный запрет на использование ее [обценной лексики] в СМИ и печати, а за ругань в общественном месте грозит θ_D [‘носителям языка, которые станут использовать обценную лексику в общественном месте’] штраф [Кто научил ... // Дилетант].*

Наблюдается обратная зависимость частотности употребления языкового средства от вероятности его соотнесения с автором и/или адресатом, за исключением недейктических местоимений.

Самым частотным языковым средством обозначения лиц и их множеств является синтаксический ноль, что объясняется принципом экономии речевых усилий и стремлением авторов избегать повторов (для анафорического нуля). Имена существительные (редко – относительные прилагательные) своим разнообразием формируют «референтный мир» субъектного пространства НП-статьи лингвистической тематики, очерчивая половозрастные, профессиональные, коммуникативные, этнические и другие характеристики, существенные для вербального общения и исследования языка.

Местоимение *мы* и глагольная граммема 1-го л. мн. ч. являются референциально многозначными, что объясняет их довольно высокую частотность (18 % от всех средств). Вполне ожидаемо было употребление местоимений и форм 1-го л. ед. ч. и 2-го л. для обозначения автора и адресата соответственно не в составе других множеств лиц, а изолированно. Среди недейктических местоимений, соотносимых с 3-м л., выделяются анафорические (*они, себе, тот, кто* и пр.) и кванторные (*все, никто, многие* и т. п.).

В рамках повествования автор и адресат как участники прагматической ситуации могут включаться в состав референта различных ЯВ, обозначающих субъектов двух других уровней субъектной организации НП-статьи лингвистической тематики. Было обнаружено 1230 фактов вхождения автора и адресата в состав референта одного ЯВ. Другим случаем установления отношения автора к адресату является взаимодействие языковых выражений, одно из которых включает в состав своего референта автора, а другое – адресата, в пределах одной синтаксической единицы. В нашей выборке встретилось 127 фактов вхождения автора и адресата в состав референтов разных ЯВ в рамках одного контекста. Нами выделено несколько типов взаимодействий текстовых репрезентаций автора и адресата, создаваемых с помощью средств референции. Эти типы выделены в соответствии с уровнями субъектной организации и ролями в ней.

1. Совместные коммуникативные действия на прагматическом уровне субъектной организации, например: *Однако, ⁹⁷ возвратимся к вопросу, не дающему пока современной филологии* [Взнуздаева // Дилетант]. К этой же группе относятся две единицы, в которых коммуникативный процесс представлен разными действиями автора и адресата, например: *Надпись – та самая загадка, которую мы вам предложили в самом начале* [Ефимов // N+1].

2. Единство мнения автора и читателя о языке. По степени определенности, с которой автор и адресат входят в референт ЯВ, выделено две группы.

2.1. Автор и адресат с определенностью входят в референт ЯВ, например: *Важно Одразграничивать два понятия – нормы и кодификации* [Болохова // STRF];

⁹⁷ Сохранена пунктуация оригинала.

При этом для конкретной задачи Q_D можно выбрать тексты того или иного жанра, времени и т. п. Например, Q_D можно задать такой подкорпус: поэтические тексты с автором – женщиной до 1950 года рождения [Левонтина // Элементы]; Мы знаем, что русский язык принадлежит к индоевропейской семье, восточно-славянской группе [Исламова // N+1]. В первом примере автор разграничивает в своей картине мира норму и кодификацию и побуждает свою аудиторию – всех читателей – принять его. Во втором фрагменте автор, имеющий опыт поиска в НКРЯ, говорит о возможности для всех читателей совершить указанные действия. В третьем примере с помощью инклюзивного *мы* автор апеллирует к факту, которым, по его мнению, владеют все или многие люди, читающие данную статью.

2.2. Неизвестно, включены ли автор и/или адресат в референт ЯВ, либо они находятся с ним в других, более сложных отношениях, например: Мы сейчас живем под влиянием идей прогресса и убеждены, что становимся лучше. У древних было иначе [Донских // ЗХЖ]. Мы не знаем достоверно, включен ли автор в состав референта ЯВ *мы живем*: с одной стороны, первое значение 1-го л. мн. ч. инклюзивное, но, с другой стороны, автор демонстрирует, что убеждение, разделяемое субъектом данного выражения, не является единственно возможным, а значит, это в равной степени может быть и инклюзивом, и псевдоинклюзивом ‘читатели’, и псевдоэксклюзивом ‘нелокуторы’. Отнесенность читателя к людям, разделяющим «идеи прогресса», также не очевидна.

3. На уровне использования языка автор и адресат выступают в роли носителя языка, например: С телевидением бретонцы в основном познакомились ближе к семидесятым. И, как и большинство людей во всем мире, моментально прилипли к экранам [Мурадова. Покушение ... // Элементы]; Например, если человек делает комплимент с «кислой» миной, то вряд ли этот комплимент доставит Q_D большое удовольствие [Кибрик // Постнаука]; Наборы слов, используемых Q_{T6} для обозначения цветов, заметно отличаются в разных частях земного шара [Все слова радуги // N+1]. Несмотря на то что на уровне языковых средств автор и адресат входят в состав референта одного ЯВ, они совершают речевое действие не вместе, а каждый в своих коммуникативных ситуациях. Однако при описании свойств, общих

для, например, всех носителей русского языка или всего человечества, совместность уже не играет роли.

4. Автор исследует коммуникативную деятельность читателя. Здесь есть два подтипа.

4.1. Автор отделяет себя от объекта изучения, например: *Мы и теперь наблюдаем такие изменения: в современном языке $O_{Д}$ говорят не «шнуры для ботинок», а «шнурки», и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено $O_{Тв}$ в словарь как нейтральная лексика [Июдин // Постнаука].* В референт выражений *мы наблюдаем* и $O_{Тв}$ входит автор-исследователь: об этом свидетельствует и форма 1-го л., и предшествующий контекст, в котором есть прямое указание на принадлежность автора к работе над словарем бытовой лексики и изучению функционирования этих слов. Автор отделяет себя от носителей языка, обозначая их синтаксическим нулем при глаголе в третьем лице. Читатель не включается эксплицитно в состав референта этого выражения, хотя может в него входить.

4.2. Автор занимает и позицию исследователя, и позицию носителя языка: *Единственно, не очень понятно $O_{Д}$, насколько современный человек – со своими знаниями, умениями и когнитивными привычками – может служить адекватной моделью человека другого вида [Бурлак // Постнаука].* Референт первого ЯВ $O_{Д}$ – автор, выражающий свою оценку относительно исследовательской процедуры; референт второго выражения потенциально соотносится с любым человеком нашей эпохи, включая автора и адресата.

5. Автор противопоставляет свое научное знание о языке читательскому наивному: *Иногда можно слышать, что территориальный диалект – «отсталая» и непопулярная форма языка, которая в условиях всеобщего образования должна исчезнуть достаточно быстро... Такое O_{Adj} отношение к диалектам неверно <с O_{Adj} точки зрения> [Исаев // Постнаука].* Субъект мнения *такое отношение неверно* – автор: об этом свидетельствует отсутствие показателей авторизации. Читатель с некоторой вероятностью, хоть и не достоверно, может разделять мнение о том, что «территориальный диалект – “отсталая” и непопулярная форма языка» (то есть входить в состав референта первого выражения O_{Adj}), противоположное авторскому.

6. Автор предлагает читателю присоединиться к исследованию. Эта стратегия реализована в двух статьях: в большей степени в [Пиперски // Постнаука], в меньшей – в [Вешняковская // НиЖ]. Приведем пример из первой статьи: *Попробуйте теперь ответить на вопрос: как на современном немецком языке выглядит слово «вошь», если по-древневерхненемецки оно выглядело как lūs? Без сомнения, вы легко дали ответ: Laus. Построив эту форму, вы подсознательно исходили из очень важной предпосылки: древневерхненемецкое ī переходит в ai во всех словах. Вы не допустили мысли, что, может быть, в одних словах оно переходит в ai, в других – в e, а в третьих – в o. Наблюдения над тем, как развиваются языки, привели лингвистов к тому же выводу: звуковая система языка изменяется не хаотично, а по строгим фонетическим законам – если в каком-то языке один звук переходит в другой, то этому изменению подвергаются абсолютно все слова, в которых содержится этот звук.* С референтом выражения *лингвистов* (подчеркнутому в последнем предложении) автор связан отношениями сопричастности: он не относится к числу ученых, обнаруживших законы в развитии фонетики языков, однако работает в рамках этой научной парадигмы. Читатель, решающий задачи на выявление фонетических законов (референт выражений во 2-м л.), повторяет этот путь вслед за лингвистами, изучавшими и изучающими развитие языков.

7. На уровне знания / мнения о языке исследовательское действие, вовлекающее автора и/или адресата, представлено в виде пропозиции, а эксплицитный модус отражает рефлексию этого действия, которая также может быть связана с участием субъекта, референциально связанного с автором и/или адресатом, например: *То, что мы только что сделали, называется O_{Te} реконструкцией: проанализировав материал нескольких языков, мы восстановили их язык-предок и фонетические законы, позволяющие перейти от этого языка-предка к потомкам [Пиперски // Постнаука]; $O_{д}$ Может показаться, что изучение O_{Te} и описание O_{Te} таких слов нетрудно и малоинтересно [Иомдин // Постнаука].* В высказывании из текста А. Пиперского над описанием действия надстраивается эксплицитный номинативный компонент модуса (*X называется O_{Te} реконструкцией*), устанавливаются отношения между участниками действия (автором и адресатом) и авторами термина

(лингвистами, которым сопричастен автор). Во втором примере еще более сложное отношение: автор приписывает невыраженному субъекту, потенциально включающему адресата (*О_Д может показаться*), оценку исследовательского действия, соотносимого с автором (*изучение О_{Т_в}* и *описание О_{Т_в}* таких слов).

Продемонстрированные соотношения позиций автора и адресата в составе субъектов всех трех уровней субъектной организации и во взаимодействии этих субъектов в сюжетном содержании НП-статей лингвистической тематики показывают разнообразие референциальных проявлений отношения автора к адресату.

Выводы

Анализ аргументации НП-статей (параграф 2) показал, что разные типы авторов предпочитают разные виды аргументации. Особенно отличаются от других тексты журналистов-трансляторов: подавляющее большинство использованных в них схем аргументов представляют собой ссылки на субъектов точки зрения при общем для всех авторов преобладании схем, демонстрирующих способы получения знания. Это следствие того, что такой автор, как и адресат, является носителем наивной картины мира, и, отказываясь от позиции субъекта «содержательной» аргументации, использует другое средство убеждения – обращение к авторитету. Автор-специалист и журналист-инициатор предпочитают использовать другие типы аргументов, чаще всего схемы, демонстрирующие способы получения знания.

Выявлен еще один способ установления отношения автора к адресату – умозрительная полемика ученого с неверным с его точки зрения всеобщим мнением, неявно связываемым и с адресатом.

Среди языковых средств выражения разновидностей аргументации описаны наиболее регулярные средства – показатели аргументативных схем, представляющих собой ссылки на субъекта мнения. Отмечено, что в полемических фрагментах авторский модус авторизации часто является имплицитным.

В результате анализа референции выражений, обозначающих лиц и их множества (параграф 3), выявлено семь типов отношения автора к адресату, моделируемых автором НП-статьи и реализуемых на разных уровнях субъектной организации текста:

- совместные коммуникативные действия (прагматический уровень);
- единство мнения о языке (уровень знания / мнения о языке);
- отнесенность к одной или разным группам носителей языка (уровень использования языка);
- исследование автором коммуникативной деятельности читателя (межуровневые отношения: автор соотносится с субъектами уровня знания / мнения о языке и уровня использования языка; читатель – с последними);
- противопоставление авторского и читательского представлений о языке (уровень знания / мнения о языке);
- проведение адресатом исследования под руководством автора (уровень знания / мнения о языке);
- модус-диктумное взаимодействие по поводу изучения языка (уровень знания / мнения о языке).

Установлено, что сигнификативная и референциальная многозначность ЯВ, обозначающих лиц и их множества, придает отношениям автора и моделируемого им адресата, опосредованным отношениями текстовых персонажей, потенциальный характер. Кроме того, обнаружено, что на потенциальность / актуализированность этих отношений прежде всего влияет тип референции. Так, референт ЯВ с неконкретным и универсальным / общеэкзистенциальным референциальным статусом с квантором большинства с большей вероятностью включает автора и адресата, чем референт выражений с общеэкзистенциальным статусом без кванторов.

Другим значимым фактором, влияющим на определенность соотнесения автора и адресата с референтами обозначений лиц, является тип используемого языкового средства. Например, местоимение *мы* референциально многозначно (его референт может включать в разных комбинациях автора, адресата и нелокутора); существительные и ИГ, обозначающие лиц и их множества, напротив, имеют

относительно устойчивый денотат, границы которого определяются понятийным содержанием существительного и семантикой определений, но употребляются в третьем лице, указывая на нелокуторов. Следовательно, механизмы соотнесения участников коммуникации с текстовыми персонажами при использовании этих средств разные: местоимение *мы* является дейктиком, поэтому устанавливается связь от знака к автору и адресату напрямую (с оговоркой на вероятностный характер референции), а от ИГ связь устанавливается опосредованно, через ее денотат и сигнификат.

Сопоставление референциальных статусов наименований лиц и их множеств в трех типах текстов, выделенных на основании характеристик автора, показало, что плотность употребления соотносимых с автором и адресатом ЯВ в них одинакова. Выявленные различия касаются распределения типов языковых средств и ролей автора и адресата в субъектной организации текста. Авторы-специалисты чаще, чем журналисты, предпочитают использовать формы 1-го л., обращаясь к своему исследовательскому опыту, а также соотносить себя и адресата с субъектами знаний и мнений о языке. Журналисты же, напротив, чаще соотносят себя и адресата с субъектами уровня использования языка – его носителями и участниками коммуникации. В большей степени эта особенность характерна для журналистов-трансляторов.

Заключение

Проведенное исследование показало, как особенности НП сферы общения влияют на структуру и содержание функционирующего в ней текста. Мы рассматривали проявление этого влияния на установление отношений автора к адресату НП-статьи лингвистической тематики в двух аспектах: аргументации и референции.

В аргументативном аспекте моделирование автором образа адресата и установление отношения к нему производится двумя способами: в выборе способов аргументации и в полемике с читателем.

Автор НП-статьи выбирает те способы доказательства (схемы аргументов), которые кажутся ему, с одной стороны, наиболее подходящими для подтверждения тезиса, а с другой – доступными и приемлемыми для адресата. В целом наиболее распространенными оказались аргументы, демонстрирующие способы установления реальности (способы получения знания). Это означает, что авторы считают нужным не только описать само научное знание, но и показать, каким образом его можно воспроизвести, как читатель может убедиться в его истинности. Чуть менее частотными оказались аргументы, представляющие собой ссылки на субъекта точки зрения. Как правило, этими субъектами являются ученые. Интересно, что доля аргументов, построенных по таким схемам, меньше всего у авторов-специалистов – 30 % всех используемых ими аргументов, при этом 6 % составляют ссылки на оппонентов – на коллективного субъекта всеобщего мнения либо на других ученых. Кроме того, из этого числа стоит вычесть те аргументы, в которых в качестве эксперта выступает сам автор-специалист в полемике с несведущим оппонентом. В текстах журналистов-трансляторов, напротив, ссылок на субъектов мнения подавляющее большинство. Это объясняется тем, что в таких статьях автор не является самостоятельным субъектом знания и аргументирования, и в таком случае основной возможностью легитимировать научное знание для адресата становится ссылка к авторитетному мнению.

Неожиданный результат получен при вычислении доли аргументов, основанных на структуре реальности, логических и квазилогических. По нашей гипотезе, такие схемы должны были составлять значимую часть аргументации, поскольку тематика НП-статей производна от научной, а в научной сфере общения логичность рассуждения – одно из условий валидности научных результатов. Однако в исследованных текстах таких аргументов оказалось немного – 16 %. Это может быть связано с контактоустанавливающей функцией НП-текстов: логические рассуждения кажутся менее привлекательными, требующими от читателя больших умственных усилий, чем восприятие других видов доказательства, поэтому авторы избегают их частого употребления. Впрочем, в текстах авторов-специалистов доля логических и квазиллогических аргументов составляет почти четверть – это примерно в три раза больше, чем в текстах журналистов.

Прямое взаимодействие авторской и читательской точек зрения наблюдается в полемических фрагментах: автор-специалист (реже журналист-инициатор) противопоставляет свое «правильное» мнение «неправильному» читательскому («всеобщему») в виде столкновения аргументативных схем «Ad populum» и «От эксперта».

В реализации взаимодействия автора и моделируемого им адресата на уровне языковых средств наиболее отчетливо и регулярно выражаются отношения, основанные на обращении к чьей-либо точке зрения. Так, при убеждении читателя с помощью апелляции к «правильному» («всеобщему» или экспертному) мнению автор, как правило, использует конструкции с эксплицитным модусом, в котором либо называет эксперта, либо отмечает общеизвестность мнения. Первое чаще всего реализуется с помощью существительных, обозначающих лица, при предикате мнения, знания, речи, интеллектуального действия и т. п.; второе – безличными конструкциями типа *очевидно, безусловно, как известно*. Средство выражения полемики между автором и адресатом сложнее: оно состоит из двух конструкций (высказываний или групп высказываний), диктумные части которых противоположны или противоречат друг другу; при этом первая конструкция, содержащая «неправильное» мнение (обычно всеобщее), имеет эксплицитный модус, а вторая,

содержащая научную точку зрения, может его не иметь, поскольку в соответствии с принципом авторизационного ключа отсутствие указания на субъекта речи свидетельствует о том, что им является автор-ученый.

Поверхностные наблюдения над аргументацией в текстах других сфер общения – преимущественно общественно-политической и рекламной – позволили сформулировать предварительные выводы о специфике аргументации в НП-сфере. Во-первых, целью аргументации в этой сфере является убеждение адресата в истинности научных знаний и объяснение реального положения дел, а в рекламной и общественно-политической не менее половины аргументов относятся к практическим, направленным на действия адресата. Во-вторых, в аргументах, используемых в НП-сфере, посылки-топосы чаще основаны на связи явлений и правилах их интерпретации, а в общественно-политической и рекламной велика доля аргументов с посылками, основанными на ценностях, материальных и духовных, и потребностях человека.

Наблюдения над аргументацией в научных статьях позволили сформулировать еще одну гипотезу. Общее распределение аргументов в научной и НП-сфере может различаться незначительно: фиксация процесса получения знания и демонстрация связи выдвигаемых тезисов со взглядами других субъектов мнения и знания играют ключевую роль в обеих сферах. Однако функции соответствующих типов аргументов в этих сферах различаются. Обращение к схемам, демонстрирующим способы установления реальности, в научных текстах необходимо, чтобы читатель не только понял, как это знание получено, но и мог проверить корректность проведения исследовательских процедур. В НП-статьях эти аргументы также выполняют объяснительную функцию, но сама исследовательская процедура не проверяется читателем, а является для него частью осваиваемого научного знания. Другой тип аргументов – ссылки на субъектов точек зрения – тоже используется в научной и НП-сфере по-разному. Авторы исследовательских статей ссылаются в большинстве случаев на экспертов, описывая контекст своей работы и демонстрируя, как она соотносится со сложившейся научной традицией. Как правило, эти аргументы являются частью диалогической аргументации, которая помогает автору

поместить новый результат в систему имеющихся в науке знаний, либо частью полемики, если новые данные и выводы противоречат существующим. В НП-статьях такие ссылки сами по себе доказывают корректность выводов, поскольку обращение к более сведущему, более авторитетному или обобщенному субъекту делает научное знание более убедительным. Кроме того, состав субъектов, на которых ссылается автор НП-статьи, шире, чем в научной сфере: кроме носителей собственно научных представлений привлекаются и носители всеобщего знания (с помощью аргументативной схемы «Ad populum»).

Разумеется, указанные наблюдения и гипотезы требуют статистического и аналитического подтверждения.

В референциальном аспекте установленные автором отношения к адресату НП-статьи лингвистической тематики исследованы через выявление взаимодействия текстовых персонажей на разных уровнях субъектной организации текста. Анализ референции языковых единиц, обозначающих этих персонажей, позволил соотнести автора и адресата с референтами разных ЯВ. Каждый вид взаимодействия, как правило, имеет изосемичное языковое средство, однако план выражения им не ограничивается.

На прагматическом уровне автор (специалист и журналист-инициатор) либо делится с читателем собственной картиной мира, либо (если автор – журналист-транслятор) адаптирует научные представления, пересказывая слова ученых. К специфическим средствам выражения этих отношений относится метаречевая лексика и синтаксические конструкции метатекстового характера. Кроме того, в редких случаях наблюдается межуровневое взаимодействие инструктивного характера: автор – носитель научного представления о языке – дает читателю практические советы для повышения качества его речи либо предлагает провести исследование вместе с ним, чтобы понять, каким образом получено научное знание. Читатель в таких фрагментах на прагматическом уровне является адресатом инструкций, а на уровне знания / мнения о языке – субъектом, совершающим исследовательские действия над языком либо развивающим собственные коммуникативные компетенции. Изосемичными языковыми средствами выражения этих отношений

преимущественно является употребление местоимений и форм 2-го л. мн. ч., часто в повелительном наклонении.

Наиболее распространенные типы отношения к адресату, устанавливаемого автором, на уровне знания / мнения о языке – это, во-первых, единство их позиций относительно того или иного объекта или события (например, общеизвестных знаний о языке), а во-вторых, их противопоставление. Выражение противопоставленных мнений представляет собой фрагмент аргументативной структуры, включающий схемы «Ad populum» – «От эксперта», а единство мнений обозначается чаще всего либо местоимениями и глагольными формами 1-го л. мн. ч. с предикатами знания, либо показателями всеобщего мнения.

На уровне использования языка оба участника общения являются его носителями – русского языка, языка как такового, одного из славянских или европейских языков; представителями отдельных групп носителей языка; представителями вида *Homo sapiens*. Автор и адресат могут входить в одно и то же множество лиц (например, носителей русского языка), а могут распределяться по разным группам (например, возрастным). Обозначения лиц разнообразны: от инклюзивного *мы*, в референт которого входят и автор, и адресат, до нарицательных (общих) имен, в состав референтов которых автора и адресата можно ввести только исходя из сигнификативного содержания ЯВ.

Еще одна разновидность отношений между коммуникантами, моделируемая автором-специалистом, носит межуровневый характер: автор является исследователем или входит в группу / множество исследователей, изучающих речь носителей языка, к которым принадлежит и он сам, и адресат либо только последний. Основным способом выражения этих отношений – высказывания с эксплицитным модусом, субъектом которого является исследователь, а предикат имеет семантику обнаружения, интеллектуального действия, знания и т. п.

Полученные данные позволяют построить ряд гипотез о специфике субъектной организации НП-статьи лингвистической тематики относительно других текстов.

Во-первых, на состав уровней субъектной организации и на плотность их наполнения субъектами, в частности соотносимыми с автором и адресатом, влияет тематика текстов. Прагматический уровень и уровень знания / мнения о научном объекте обнаруживаются во всех НП-статьях, а тексты лингвистической тематики позволяют представить автора и адресата как субъектов коммуникации, носителей языка и представителей языковых общностей. В текстах на другие темы прагматические коммуниканты либо не соотносятся с научным объектом вообще (такое может иметь место в статьях по астрономии, физике, ботанике), либо предстают в других ипостасях: как живой организм, субъект политической жизни, пользователь каких-либо приборов и т. п.

Во-вторых, в текстах, посвященных одной и той же теме, но принадлежащих к разным сферам общения, наполнение уровней субъектной организации также будет разным. Одной из задач автора НП-статьи лингвистической тематики является актуализация научного знания для читателя, и с этим связано частое использование ЯВ, обозначающих субъектов уровня использования языка и соотносимых с автором и адресатом. Актуальность же научной статьи может быть связана не с практической применимостью полученного знания, а с тенденциями в развитии данной отрасли науки, и указание на нее, как правило, содержится в начале статьи и не требует повторов в основной части. Исходя из этого, можно сделать предположение, что в научных лингвистических текстах обозначения субъектов уровня использования языка встречаются реже, чем в НП-статьях (кроме, возможно, работ по социолингвистике и лингвистической антропологии). Кроме того, из-за гомогенности коммуникативной среды в научной сфере общения автору не требуется или требуется в меньшей степени реконструировать и эксплицировать представления читателя о научном объекте, и поэтому, вероятно, репрезентация образа адресата на уровне знания / мнения о языке является специфичной для НП-статей и неспецифичной для научных.

Вопрос об отнесенности коммуникантов к референтам ЯВ, обозначающих лиц и их множества, очень часто не может быть решен однозначно, что вызвано спецификой самих выражений. Наиболее определенными в этом отношении являются

дейктики – местоимения и глагольные формы 1-го л. ед. ч., обозначающие говорящего, и местоимения и формы 2-го л., чаще всего обозначающие читателя. Последние, впрочем, обладают бóльшим потенциалом для употребления в обобщающем значении.

Местоимения и формы 1-го л. мн. ч. более многозначны: они могут обозначать только говорящего, могут иметь инклюзивное (к референту относятся говорящий, слушающий и – опционально – нелокуторы), эксклюзивное (говорящий и нелокуторы), псевдоинклюзивное (слушающий и – опционально – нелокуторы) значение. Это не только затрудняет установление объема референтов таких единиц, но и позволяет говорящему намеренно создавать неопределенность: например, автор-исследователь может относить себя к субъекту всеобщего мнения и одновременно не соглашаться с ним.

Существительные, местоимения 3-го л. и другие выражения, обозначающие лиц и их множества и соотносимые с 3-м л., представляют собой общие имена, референт которых определяется с помощью сигнификативного содержания имени (либо – для анафорических элементов – сигнификативного содержания антецедента). С одной стороны, это делает включенность или невключенность автора и адресата в состав референта этого выражения более предсказуемой, поскольку нам, как правило, известен его объем. С другой стороны, основное значение третьего лица – обозначение нелокуторов, поэтому связь между коммуникантами и референтами данных ЯВ оказывается опосредованной сигнификатом существительного.

Незамещенные синтаксические позиции при предикатах и других элементах высказывания дают меньше всего определенности при соотнесении автора и адресата с его референтом, прежде всего в силу своей имплицитности, отсутствия материального показателя. Однако механизм такого соотнесения у анафорических/дейктических и референтных употреблений нуля различен. Анафорический ноль отсылает читателя к антецеденту – к имени или местоимению, обозначающему участников коммуникативной ситуации, нелокуторов или множество лиц, потенциально включающих их. При линейном характере чтения текста на этот

момент читатель уже имеет представление об объеме референта antecedента и о том, кто из коммуникантов может к нему относиться. Дейктический ноль отсылает к участнику прагматической ситуации – автору, адресату или включающим их множествам лиц. Референтное же употребление синтаксического нуля заставляет читателя восстанавливать объем референта из контекста: семантики предиката и других элементов высказывания и/или соседних высказываний, общей темы и предмета обсуждения в тексте и т. п.

Видятся следующие перспективы развития данного исследования.

1. Изучение презумпций и пресуппозиций НП-статей позволит проследить, как автор конструирует динамику картины мира адресата при чтении текста, уточнить объем и характер потенциальных изменений (например, замена некорректного представления более точным или возникновение нового знания).

2. Сопоставление аргументации учебных научных и НП-текстов даст возможность выявить специфику убеждения адресата в истинности научных знаний (одних и тех же в разной степени детализации) в разных коммуникативных условиях. Это поможет определить влияние картины мира адресата и обязательности коммуникации для него на использование автором различных способов убеждения. Было бы целесообразно провести как общее сопоставление, так и сопоставление отдельных научных статей, с одной стороны, и производных от них учебных и научно-популярных, с другой.

3. Перспективным представляется также исследование того, каким образом условия коммуникации влияют на субъектную организацию нехудожественных текстов в других сферах общения: одинаково ли важна роль прагматического уровня, каково максимально возможное количество уровней организации, инвариантна ли структура для всех текстов той или иной сферы общения? Предполагаем, что ключевыми факторами являются коммуникативная цель автора, сложность содержания (думается, что сложнее всего устроена субъектная организация философских или психологических текстов) и количество сред общения, участвующих в коммуникации.

Список сокращений и условных обозначений

ЗХЖ – Земля. Хроники жизни

ИГ – именная группа

НиЖ – Наука и жизнь

НП – научно-популярный

П – посылка

ПМ – Популярная механика

РО – референтные отношения

Т – тезис (вывод)

ЯВ – языковое выражение

NG – National Geographic Россия

NS – Naked Science

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка : (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
2. Айтмуханова Г. Ш. Стратегия интерпретации немецких научно-популярных текстов (грамматический аспект) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Айтмуханова Гульнара Шаймуратовна. – Москва, 1997. – 155 с.
3. Алейникова Ю. А. Цитирование в научно-популярном тексте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Алейникова Юлия Александровна. – Тула, 2006. – 22 с.
4. Алексеева М. О. Лингвистические и культурологические аспекты перевода / М. О. Алексеева // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 3. – С. 59–69.
5. Амиров В. М., Смирнов И. В. Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант») / В. М. Амиров, И. В. Смирнов // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 51–56.
6. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика : учебное пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М. : [б. и.], 2001. – 50 с.
7. Аннушкин В. И. Риторика. Экспресс-курс : учебное пособие / В. И. Аннушкин. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 224 с.
8. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
9. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
10. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
11. Арутюнова Н. Д. Из наблюдений над адресацией дискурса. Логический анализ языка. Адресация дискурса / Н. Д. Арутюнова. – М. : Издательство «Индрик», 2012. – С. 5–13.

12. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // *Аспекты семантических исследований*. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
13. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. 13 : *Логика и лингвистика : (Проблемы референции)*. – М. : Радуга, 1982. – С. 5–40.
14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
15. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. – М.: Наука, 1981. – Т. 40, №4. – С. 356–367.
16. Арышева А. Ю., Катышев П. А. Фокусная анафора в текстах судебных решений: коммуникативно-ортологический аспект / А. Ю. Арышева, П. А. Катышев // *Вестник Кемеровского гос. ун-та*. – 2012. – №4 (52). – Т. 3. – С. 42–46.
17. Байков В. Г. Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения / В. Г. Байков // *Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты*. – Калинин : Калинин. ун-т, 1990. – С. 4–24.
18. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Бакланова Ирина Ивановна. – Великий Новгород, 2014. – 431 с.
19. Балашова Е. А. К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикологии и лексикографии / Е. А. Балашова // *Филологические записки : межвуз. сб. науч. тр.* – Пермь, 2006. – Вып. 4, ч. 2. – С. 114–124.
20. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка* / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
21. Балли Ш. *Французская стилистика* / Ш. Балли ; Пер. со 2-го фр. изд. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
22. Баранов А. Н. *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)* : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора

филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / Баранов Анатолий Николаевич. – Москва, 1990а. – 48 с.

23. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / Баранов Анатолий Николаевич. – Москва, 1990б. – 372 с.

24. Баранова И. И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте / И. И. Баранова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 3. – С. 119–125.

25. Баранова И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов : На материале подъязыка физики : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Баранова Ирина Ивановна. – Москва, 1995. – 183 с.

26. Баринаева Е. Е. Жанр научно-популярной литературы: историография и новые концепции исследования / Е. Е. Баринаева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2004. – № 2 (102). С. 46–52.

27. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 237–280.

28. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : NEXТ, 1994. – 510 с.

29. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.

30. Берка К. Функции глагола быть с точки зрения современной формальной логики / К. Берка // Логико-грамматические очерки : сборник. – М. : Высшая школа, 1961. – С. 160–180.

31. Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Богословская Инна Валентиновна. – Москва, 2001. – 19 с.

32. Брюшинкин В. Н. Аргументация, коммуникация, рациональность / В. Н. Брюшинкин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2008. – Вып. 6. – С. 5–11.

33. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили / Р. А. Будагов. – М. : Высшая школа, 1967. – 376 с.

34. Васюченко Г. А. Лексические характеристики английского научно-популярного повествования : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Васюченко Галина Аркадьевна. – Днепропетровск, 1980. – 175 с.

35. Вендлер З. Сингулярные термы / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 203–236.

36. Виноградов В. В. О теории литературных стилей / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы : избранные труды. – М. : Наука, 1980а. – С. 240–249.

37. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы : избранные труды. – М. : Наука, 1980б. – С. 42–54.

38. Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе / В. В. Виноградов // О теории художественной речи : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов. – М. : Высшая школа, 1971. – С. 105–211.

39. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы : избранные труды. – М. : Наука, 1980в. – С. 176–239.

40. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 493 с.

41. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1980. – 240 с.

42. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М. : Территория будущего, 2005. – 437 с.

43. Волков А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – М. : Издательство Московского университета, 2009. – 396 с.

44. Волкова Ю. С., Мишланов В. А., Салимовский В. А. Аргументативная речь в массмедийном интерактивном общении / Ю. С. Волкова, В. А. Мишланов,

В. А. Салимовский // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 164–179. – DOI 10.21638/spbu22.2019.202.

45. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Ленинград : Прибой, 1930. – 188 с.

46. Воронцова Т. А. Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 88. – № 6 (335). – С. 38–42.

47. Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 86. – № 37 (328). – С. 26–29.

48. Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения / В. Г. Гак // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 91–102.

49. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1965. – 408 с.

50. Герасимова А. И. Аргументация как методология убеждения / А. И. Герасимова // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 72–84.

51. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 320 с.

52. Гришечкина Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики / Г. Ю. Гришечкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4. – С. 130–136.

53. Губанов А. Р., Викторов О. Н., Кожемякова Е. А. Модель аргументации на основе онтологии адресата убеждения в разноструктурных языках / А. Р. Губанов, О. Н. Викторов, Е. А. Кожемякова [и др.] // Современный ученый. – 2020. – № 2. – С. 242–248.

54. Гудкова К. В. Перспективы изучения аргументации: аргументация как апелляция к когнитивной базе собеседника / К. В. Гудкова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2006. – Т. 7, № 1. – С. 93–101.

55. Даниэль М. А. Типология ассоциативной множественности : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Даниэль Михаил Александрович. – Москва, 2000. – 196 с.

56. Десюкевич О. И. Метафора в научно-популярном дискурсе (по материалам журналов «Знание – сила» и «Наука и жизнь») / О. И. Десюкевич // Журналістыка-2005: на скрыжаванні часу і прасторы : матэрыялы 7-й Міжнар. навука.-практ. канф., прысвечанай 80-годдзю Беларускага радыё і 50-годдзю Беларускага тэлебачання, 1–2 сн. 2005 г., Мінск / рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 7. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 154–156.

57. Доннеллан К. С. Референция и определенные дескрипции / К. С. Доннеллан // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 134–160.

58. Дорцуева Н. И. Лингвостилистические особенности научно-популярных медицинских текстов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Дорцуева Наталья Ивановна. – Бишкек, 2012. – 26 с.

59. Дроздова Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в авторо-ведческой экспертизе блогов / Т. Н. Дроздова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2. – С. 394–404.

60. Еемеерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / Франс Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст ; пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима ; под общ. ред. О. А. Доманова. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 264 с., ил.

61. Еемеерен Ф. Х. ван., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискуссий, направленная на разрешение конфликта мнений / Франс Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб. : [б. и.], 1994. – 239 с.

62. Еемеерен Ф. Х. ван. Современное состояние теории аргументации / Франс Х. ван Еемеерен // Важнейшие концепции теории аргументации / [отв. ред.: О. С. Капполь ; пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой]. – СПб. :

Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14–33.

63. Зализняк Анна А. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Адресация дискурса. – М. : Индрик, 2012. – С. 24–40.

64. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.

65. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

66. Иванова Т. В., Никитина О. В. Деловая культура. Правовая аргументация : учебное пособие для СПО / Т. В. Иванова, О. В. Никитина. – М. : Юрайт, 2019. – 191 с.

67. Иванова А. И. Прагмалингвистический анализ личного местоимения «Мы» как формы публичного обращения Барака Обамы в Интернете / А. И. Иванова // Политическая лингвистика. – 2012. – №2 (40). – С. 84–87.

68. Ивин А. А., Никитина И. П. Контекстуальная аргументация в гуманитарных науках / А. А. Ивин, И. П. Никитина // Вестник ВГИК. – 2017. – №3 (33). – С. 84–97.

69. Ивин А. А. Теория и практика аргументации : учебник для бакалавров / А. А. Ивин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 300 с.

70. Иоанесян Е. Р. Аргументативные значения языковых единиц : (на материале русского и французского языков) / Е. Р. Иоанесян. – М. : Советский писатель, 2011. – 219 с.

71. Иоанесян Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 62–77. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77.

72. Ицкович В. А. Какая разница между местоимениями *что-то* и *что-нибудь*? / В. А. Ицкович // Русский язык в национальной школе. – 1963. – № 5. – С. 92–94.

73. Карпенко А. С. Неклассические логики versus классической / А. С. Карпенко // *Логико-философские штудии.* – 2005. – № 3. – С. 48–73.
74. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 281 с.
75. Катышев П. А. Фокусная анафора в практике создания текстов судебного решения / П. А. Катышев // *Экология языка и коммуникативная практика.* – 2013. – № 1. – С. 84–108.
76. Кибрик А. А. Механизмы устранения референциального конфликта / А. А. Кибрик // *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах* / [М. Б. Бергельсон, О. Ю. Богуславская, Р. И. Гафт и др.] под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни ; с предисл. А. П. Ершова. – М. : Наука : Главная редакция физико-математической литературы, 1987. – С. 128–145.
77. Кибрик А. А. Типология средств оформления анафорических связей : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Кибрик Андрей Александрович. – Москва, 1988. – 365 с.
78. Ким И. Е. Модус-диктумная кореферентность и ее выражение в современном русском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ким Игорь Ефимович. – Красноярск, 1995. – 244 с.
79. Ким И. Е., Резникова М. В. Референтные отношения языковых выражений со значением социальных объектов и их роль в организации текста / И. Е. Ким, М. В. Резникова // *Лингвистический ежегодник Сибири.* – Красноярск, 2000. – С. 5–17.
80. Ким И. Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Ким Игорь Ефимович. – Красноярск, 2011. – 433 с.
81. Ким И. Е. Теория референции : учебное пособие / И. Е. Ким. – Новосибирск : Издательско-полиграфический центр НГУ, 2019. – 118 с.
82. Ким И. Е., Силантьев И. В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? / И. Е. Ким, И. В. Силантьев //

Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 163–174.

83. Киселев А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе : на материале немецкого языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Киселев Антон Юрьевич. – Самара, 2012. – 22 с.

84. Кобозева М. А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Кобозева Мария Андреевна. – Ставрополь, 2011. – 236 с.

85. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : Издательство Пермского университета, 1968. – 251 с.

86. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка : [электронный ресурс] учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2008. – 464 с.

87. Колмогоров А. Н. Математическая логика / А. Н. Колмогоров, А. Г. Драгалин. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с.

88. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз : методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. – М. : ЭКЦ МВД России, 2007. – 192 с., библиогр., прилож.

89. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б. О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1992а. – С. 59–67.

90. Корман Б. О. О целостности литературного произведения / Б. О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1992б. – С. 119–128.

91. Косарев А. В. О риторической теории аргументации Х. Перельмана / А. В. Косарев // Сибирский философский журнал. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 174–188. – DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-174-188.

92. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.

93. Кравцов С. М. Функционально-семантический анализ фразеологии в научно-популярном тексте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Сергей Михайлович Кравцов. – Ленинград, 1990. – 16 с.
94. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Денотативный статус отглагольных имен: научное издание / Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина // Научно-техническая информация. Серия 2 : Информационные процессы и системы. – 1981. – № 12. – С. 17–22.
95. Кремер И. Ю. Аргументация и ее лингвистическая репрезентация в немецком критическом тексте / И. Ю. Кремер // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2007. – № 3 (16). – С. 67–77.
96. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб., 2000. – С. 125–168.
97. Кронгауз М. А. Тип референции именных групп с кванторными местоимениями *все*, *всякий* и *каждый* / М. А. Кронгауз // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности : всесоюз. школа-семинар, г. Боржоми, 22–30 апреля 1988 г. : тез. докл. и сообщ. – М. : ВИНТИ, 1988. – С. 208–210.
98. Крылов С. А. О содержании термина «предикаты пропозициональной установки» / С. А. Крылов // Пропозициональные предикаты в лингвистическом и логическом аспекте : тезисы докладов конференции. – М. : Наука, 1987. – С. 71–73.
99. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1983. – № 3. – С. 78–84.
100. Крюкова В. Ф., Щербакова Н. В. Семантика именных олицетворений в научно-популярных лингвистических текстах / В. Ф. Крюкова, Н. В. Щербакова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3 (55). – Т. 1. – С. 173–176.
101. Крюкова В. Ф. Лингвостилистические особенности языка научно-популярной литературы по лингвистике : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Крюкова Валентина Федотовна. –

Белгород, 2001. 216 с.

102. Куайн У. О. Референция и модальность / У. О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13. : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 87–108.

103. Куликова О. В. Аргументация в свете теории когнитивной когерентности / О. В. Куликова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 14 (593). – С. 91–106.

104. Куликова Э. Г., Коростелева Т. В. Аргументация в текстах антинаркотической рекламы: лингвистические, паралингвистические и прагматические средства / Э. Г. Куликова, Т. В. Коростелева // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 5. – С. 137–146.

105. Культура русской речи : учебник для вузов / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1998. – 549 с.

106. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2013. – 415 с.

107. Лазаревич Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э. А. Лазаревич. – М. : Книга, 1984. – 383 с.

108. Линский Л. Референция и референты / Л. Линский // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 161–178.

109. Лихтенштейн Е. С., Михайлов А. И. Научно-популярная литература / Е. С. Лихтенштейн, А. И. Михайлов // Редактирование научной, технической литературы и информации : учеб. для вузов. – М. : Высшая школа, 1974. – С. 62–67.

110. Маевский Н. Н. Особенности научно-популярного стиля : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Маевский Николай Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1979. – 25 с.

111. Макарова Е. Е. Научно-популярные сайты в системе СМИ: типологические и профильные особенности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.10 / Макарова Елена Евгениевна. –

Москва, 2013. – 25 с.

112. Маргания Э. В. Особенности функционально-прагматической адаптации терминологических единиц в научно-популярных текстах медицинского содержания : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Маргания Элана Владимировна. – Белгород, 2011. – 213 с.

113. Мигунов А. И. Логика, аргументация, диалектика, риторика: коннотации и корреляции / А. И. Мигунов // Логико-философские штудии. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 84–201.

114. Мишланова С. Л., Уткина Т. И. Особенности метафоризации в научно-популярном дискурсе / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 114–120.

115. Муравьев Н. А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Муравьев Никита Алексеевич. – Москва, 2017. – 270 с.

116. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Мария Максимовна Наумова. – Волгоград, 2015. – 25 с.

117. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи : (Описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. – 260 с.

118. Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики / Б. Ю. Норман. – Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017. – 463 с.

119. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М. : Наука, 1980. – 263 с.

120. Олейник А. С. Научно-популярный дискурс в современных российских журналах (на материалах издания «Вокруг света») / А. С. Олейник // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 1. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/01/77183> (дата обращения: 25.11.2021).

121. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов / Н. К. Онипенко // Проблемы функциональной

грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская ; Институт лингвистических исследований РАН. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – С. 92–121.

122. Онипенко Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса / Н. К. Онипенко // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. – С. 108–121.

123. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В. П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / Джон Остин ; Пер. с англ. яз. Л. Б. Макеевой. – М. : Дом интеллектуал. кн. : Идея-Пресс, 1999. – 329 с.

124. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – М. : ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 91–124.

125. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева ; отв. ред. В. А. Успенский. – М. : Издательство ЛКИ, 2010а. – 296 с.

126. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2010б. – 480 с.

127. Парунова Ю. Д. Оценочные понятия в правовой аргументации / Ю. Д. Парунова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2020. – № 3 (207). – С. 12–17. – DOI 10.18522/2687-0770-2020-3-12-17.

128. Парунова Ю. Д. Правовая аргументация: логико-лингвистический аспект / Ю. Д. Парунова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (203). – С. 17–21. – DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-17-21.

129. Петрова Н. В. Текст и дискурс / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

130. Позднякова Н. В. Метафора в научно-популярном стиле : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук :

10.02.01 / Позднякова Нина Васильевна. – Белгород, 1995. – 14 с.

131. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды / А. Ф. Прияткина ; отв. ред. Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 390 с.

132. Рассел Б. Описания / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 41–54.

133. Рождественский Ю. В. Общая филология / Ю. В. Рождественский. – М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 325 с.

134. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.

135. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 624 с.

136. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М. П. Сенкевич. – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.

137. Сердобинцев Н. Я. Выразительность как средство становления научно-популярного стиля русского литературного языка / Н. Я. Сердобинцев // Общие проблемы стилистики. – М., 1973. – С. 129–131.

138. Сердобинцев Н. Я. К истории научно-популярного стиля / Н. Я. Сердобинцев // Вопросы стилистики : Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 1976. – Вып. 11. – С. 83–109.

139. Серрио П. Как читают тексты во Франции / П. Серрио // Философия языка в границах и вне границ. – Харьков : Око, 1993. – Т. 1. – С. 83–100.

140. Серл Д. Р. Референция как речевой акт / Д. Р. Серл // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 179–202.

141. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 151–169.

142. Сигарева Н. В. Тактики убеждения в научно-популярном тексте: особенности реализации и передачи с английского языка на русский / Н. В. Сигарева //

Studia linguistica. – 2015. – № XXIV. – С. 212–219.

143. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики : учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю. М. Скребнев. – Горький : [б. и.], 1975 (вып. дан. 1976). – 175 с.

144. Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – М. : Academia, 2005 (ГУП Сарат. полигр. комб.). – 251 с.

145. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика : (сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1991. – 182 с.

146. Солганик Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 253 с.

147. Степанова А. С. Понятие «топ» в «Риторике» Аристотеля / А. С. Степанова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 2, № 3. – С. 31–39.

148. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы : справочное пособие / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова ; под науч. ред. проф. И. А. Стернина. – Ярославль : Изд-во «Канцлер», 2013. – 80 с.

149. Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982а. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 109–133.

150. Стросон П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982б. – Вып. 13 : Логика и лингвистика : (Проблемы референции). – С. 55–86.

151. Сурикова Т. И. О стилистической природе лаконизма текста (Жанрово-стилевые принципы и языковые возможности компрессии информизации в научно-популярном тексте) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.10 / Сурикова Татьяна Ивановна. – Москва, 1991. – 18 с.

152. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых

разновидностей / Е. С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М. : Наука, 1986. – С. 16–27.

153. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2020. – 274 с.

154. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. А. Успенский. – М. : Искусство, 1970. – 255 с.

155. Успенский Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

156. Ужахова Т. О. Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов в научно-популярных журналах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ужахова Тамара Османовна. – Москва, 2003. – 170 с.

157. Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Уткина Татьяна Игоревна. – Пермь, 2006. – 26 с.

158. Федорова О. В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) : [электронный ресурс] / О. В. Федорова // Труды международного семинара Диалог–2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям : в 2 т. / под ред. А. С. Нариньяни. – Протвино, 2000. Т. 2 : Прикладные проблемы. – С. 299–310. – URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/fedorova/> (дата обращения 14.12.2021).

159. Федоткина Е. И. Лингвистические средства развертывания аргументации в публицистическом стиле / Е. И. Федоткина // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2013. – № 24. – С. 114–116.

160. Фефилов А. И. Феномен языка в философии и лингвистике : учебное пособие / А. И. Фефилов. – Текст : электронный. – М. : Флинта, 2014. – 245 с. – Гл. 1.2 : Аристотель (384–322 до н. э.). Категории сознания и языка. Логическое и грамматическое учение. – URL: <https://fil.wikireading.ru/82107> (дата обращения

24.03.2021).

161. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге / Семиотика и информатика. – М. : ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 181–210.

162. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – М. : URSS, 2006. – 127 с.

163. Шапиро О. А. Трансформация аргументативных стратегий в современной популяризации науки / О. А. Шапиро // РАЦИО.RU. – 2018. – № 1 (19). – С. 83–100.

164. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях : (К постановке проблемы) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1977. – 168 с.

165. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – 1990. – № 2. – С. 20–32.

166. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис : Текст лекций / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Красноярский государственный университет. – 1994. – 43 с.

167. Шмелева Т. В. Современный русский язык. Ч. 3: Синтаксис : Раб. программа / Краснояр. ун-т. – Красноярск, 1989. – 44 с.

168. Шмелева Т. В. Социальный аспект смысла предложения / Т. В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 2. – С. 62–66.

169. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 188 с.

170. Щербаков С. В. Фреймы и последовательности аргументации в межличностных конфликтах / С. В. Щербаков // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №8. – С. 74–79. – DOI 10.5281/zenodo.4022654.

171. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б. М. Эйхенбаум // Поэтика : Сборники по теории поэтического языка. – Петроград : 18-я Гос. тип., 1919. – Вып. 3. – С. 151–165.

172. Adetunji A. Inclusion and Exclusion in Political Discourse : Deixis in Olusegun Obasanjo's Speeches / A. Adetunji // Journal of Language and Linguistics. – 2006. – Vol. 5, № 2. – P. 177–191.

173. Anscombe J. C., Ducrot O. Lois logiques et lois argumentatives / J. C. Anscombe, O. Ducrot // *Le Français moderne*. – 1979. – Vol. 47, № 1. – P. 35–52.
174. Anscombe J. C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue / J. C. Anscombe, O. Ducrot. – Bruxelles : Mardaga, 1983. – 184 p.
175. Bentahar J., Moulin B., Bélanger M. A Taxonomy of Argumentation Models used for Knowledge Representation / J. Bentahar, B. Moulin, M. Bélanger // *Artificial Intelligence Review*. – 2010. – Vol. 33, iss. 3. – P. 211–259. – DOI 10.1007/s10462-010-9154-1.
176. Castaneda H.-N. Indicators and Quasi-Indicators / H.-N. Castaneda // *American Philosophical Quarterly*. – 1967. – Vol. 4, № 2. – P. 85–100.
177. Castaneda H.-N. On the Logic of Attributions of Selfknowledge to Others / H.-N. Castaneda // *The Journal of Philosophy*. – 1968. – Vol. 65. – P. 439–456.
178. Dik S. C. Referential identity / S. C. Dik // *Lingua*. – 1968. – Vol. 21. – P. 70–78.
179. Eemeren F. H. van., Grootendorst R. A. A Systematic Theory of Argumentation : The Pragma-dialectical Approach / F. H. van Eemeren, R. A. Grootendorst. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
180. Fodor J. D. In Defense of the Truth-Value Gap / J. D. Fodor // *Syntax and Semantics*. – 1979. – Vol. 11. – P. 199–223.
181. Grennan W. Are “Gap-Fillers” Missing Premises? / W. Grennan // *Informal Logic*. – 1994. – Vol. 16, № 3. – P. 185–196. – DOI 10.22329/il.v16i3.2456.
182. Grennan W. *Informal Logic : Issue and Techniques* / W. Grennan. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 1997. – 309 p.
183. Hagege C. Les pronoms logophorique / C. Hagege // *Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris*. – 1974. – Fasc. 1. – P. 287–310.
184. Katzav J., Reed Ch. A Classification System for Arguments / J. Katzav, Ch. Reed // *Technical report*. – University of Dundee, 2004a. – 46 p.
185. Katzav J., Reed Ch. On Argumentation Schemes and the Natural Classification of Arguments / J. Katzav, Ch. Reed // *Argumentation* – 2004b. – Vol. 18 (2). – P. 239–259. – DOI 10.1023/B:ARGU.0000024044.34360.82.

186. Korb K. B., McConachy R., Zukerman I. A Cognitive Model of Argumentation / K. B. Korb, R. McConachy, I. Zukerman // Proceedings of the Nineteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society ; August 7–10, 1997. – Stanford, California : Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – P. 400–405.
187. Kim I. E. Network Digital Communication from the General Philological Point of View: the Fifth Texture of Speech / I. E. Kim // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 7 (2016 9). – P. 1586–1593. – DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-7-1586-1593.
188. Kuno S. Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy / S. Kuno. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 320 p.
189. Kuno S. Pronominalization, Reflexivization and Direct Discourse / S. Kuno // Linguistic Inquiry. – 1972. – Vol. 3, no. 2. – P. 161–195.
190. Kuno S. Three Perspectives in the Functional Approach to Syntax / S. Kuno // Sound, Sign and Language. – Ann Arbor, 1976. – P. 119–190.
191. Lewis C. I. The Modes of Meaning / C. I. Lewis // Semantics and the Philosophy of Language. – Urbana, 1952. – P. 50–63.
192. Olivier Cl. L'art et la manière. Comment des les stratégies discursives / Cl. Olivier // Langages. – 1985. – № 80. – P. 71–98.
193. Pasquier P., Rahwan I., Dignum F. Argumentation and Persuasion in the Cognitive Coherence Theory : Preliminary Report / P. Pasquier, I. Rahwan, F. Dignum [et al.] // International Workshop on Argumentation in Multi-Agent systems (ArgMas'06). – Japan, 2006. – P. 193–210.
194. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca ; translated by J. Wilkinson, P. Weaver. – London : University of Notre Dame Press, 1971. – 566 p.
195. Russell B. On Propositions: What They Are and How They Mean / B. Russell // Logic and Knowledge. – London, 1956. – P. 283–320.
196. Quine W. O. From a Logical Point of View / W. O. Quine. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1953. 184 p.
197. Toulmin S. E. The Uses of Argument / S. E. Toulmin. – Cambridge :

Cambridge University Press, 2003. – 262 p.

198. Vanderveken D. Success, Satisfaction and Truth in the Logic of Speech Acts and Formal Semantics / Daniel Vanderveken ; Université du Québec à Montréal. – Oxford University Press, 1999. – Cahiers d'Epistémologie, cahier № 9909. A Reader in Semantics. – 42 f.

199. Walton D., Reed Ch., Macagno F. Argumentation Schemes / D. Walton, Ch. Reed, F. Macagno. – Cambridge University Press, 2008. – 443 p.

200. Wieseemann U. Grammaticalized Coreference / U. Wieseemann // Pronominal Systems. Tübingen : Narr, 1986. – P. 437–463.

201. Zhmakina T. Argumentation in Democracy / T. Zhmakina // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. – 2020. – Т. 1, № 5 (30). – С. 31–36.

Список источников

1. 10 попыток создать идеальный универсальный язык // Популярная механика. 23.11.2016. URL: <http://www.popmech.ru/science/58189-10-popytok-sozdat-idealnyu-universalnyu-yazyk/> (дата обращения 19.01.2017).
2. Баринова А. Как выучить русский и не сойти с ума // National Geographic Россия. 15.05.2015. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/191705-kak-vyuchit-russkiy-i-ne-soyti-s-uma/> (дата обращения 19.01.2017).
3. Баринова А. Не умеющие говорить дети уже различают иностранные языки // National Geographic Россия. 17.06.2014. URL: <http://www.nat-geo.ru/science/49340-ne-umeyushchie-govorit-deti-uzhe-razlichayut-inostrannye-yazyki/> (дата обращения 19.01.2017).
4. Баринова А. Оттенки синего. Когда мы научились различать новый цвет // National Geographic Россия. 26.06.2015. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/310041-ottenki-sinego-kogda-my-nauchilis-razlichat-novyy-tsvet/> (дата обращения 19.01.2017).
5. Болохова К. От музЭя до йогУрта // STRF. 09.09.2016. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=120903#.WDkrJ2EуqV4 (дата обращения 19.01.2017).
6. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Элементы. 2011. № 8. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431410/Zhizn_i_sudba_gipotezy_lingvisticheskoy_otnositelnosti (дата обращения 20.01.2017).
7. Бурлак С. Козволюция языка и изготовления орудий предками человека // Постнаука. 24.01.2015. URL: <https://postnauka.ru/faq/40519> (дата обращения 19.01.2017).
8. Васильев С. Власть гласных // Naked Science. 21.01.2014. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/vlast-glasnykh> (дата обращения 19.01.2017).

9. Вешняковская Е. Читать 2.0: компьютеры учатся добывать из текста смысл // Наука и жизнь. 2014. №12. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/25308/> (дата обращения 17.01.2017).

10. Взнуздаева М. Азбука: от Кирилла и Мефодия // Дилетант. 27.02.2017. URL: http://diletant.media/articles/34435180/?sphrase_id=3801475 (дата обращения 19.01.2017).

11. Все слова радуги // N+1. 29.11.2016. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/28/languages-and-colours> (дата обращения 19.01.2017).

12. Долотовская С. Скажи по-человечески // N+1. 21.09.2015. URL: <https://nplus1.ru/material/2015/09/21/primatespeech> (дата обращения 19.01.2017).

13. Донских О. «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать // Земля. Хроники жизни. 03.04.2016. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-04-03-90758> (дата обращения 19.01.2017).

14. Ефимов А. Поклоно ѿ Онѣима // N+1. 29.01.2016. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/29/birchtree> (дата обращения 12.09.2016).

15. Иомдин Б. Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? // Постнаука. 16.10.2014. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (дата обращения 15.12.2016).

16. Исаев И. Диалекты русского языка // Постнаука. 02.03.2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/60031> (дата обращения 20.01.2017).

17. Исламова М. Понятно без слов // N+1. 13.04.2016. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/04/13/jesture> (дата обращения 19.01.2017).

18. Кибрик А. FAQ: Мультиmodalная лингвистика // Постнаука. 04.12.2014. URL: <https://postnauka.ru/faq/37543> (дата обращения 20.01.2017).

19. Кондратенко Ю. Язык предпочитает одни слоги другим не только из-за удобства произношения // Элементы. 08.02.2015. URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/432405/Yazyk_predpochitaet_odni_slogi_drugim_ne_tolko_iz_za_udobstva_proiznosheniya/t25197/Lingvistika (дата обращения 20.01.2017).

20. Кто научил Русь материться? // Дилетант. 19.02.2016. URL: http://diletant.media/articles/27886759/?sphrase_id=3280381 (дата обращения 19.01.2017).

21. Кулапов Н. Самые необычные звуки в языках мира // National Geographic Россия. 26.03.2016. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/852268-samye-neobychnye-zvuki-v-yazykakh-mira/#full> (дата обращения 19.01.2017).

22. Левонтина И. Русский национальный // Элементы. 06.05.2014. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432329/Russkiy_natsionalnyy (дата обращения 20.01.2017).

23. Лингвисты доказали, что все языки имеют общие корни // Дилетант. 03.02.2016. URL: http://diletant.media/news/27645048/?sphrase_id=3558661 (дата обращения 20.01.2017).

24. Лингвисты рассказали об универсальном звуковом коде языка // N+1. 13.08.2015. URL: <https://nplus1.ru/news/2015/08/13/Iconicity> (дата обращения 19.01.2017).

25. Люди, которые создают нормы // STRF. 04.06.2015. URL: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=98139#.WEP2ydWLREY (дата обращения 19.01.2017).

26. Майборода Н. Семь необычных европейских языков // National Geographic Россия. 26.09.2013. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/45697-sem-neobychnykh-evropeyskikh-yazykov/> (дата обращения 19.01.2017).

27. Макаров В. Бабуины могут использовать гласные звуки: язык обезьян // Популярная механика. 13.01.2017. URL: <http://www.popmech.ru/science/316062-babuiny-mogut-ispolzovat-glasnye-zvuki-yazyk-obezyan/> (дата обращения 19.01.2017).

28. Малоян В. Предки коренных народов России и американских индейцев говорили на одном языке // Naked Science. 13.03.2014. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/linguistic-phylogenies> (дата обращения 19.01.2017).

29. Мамонтов Д. Гаюи и Брайль: кто изобрел шрифт для слепых? // Популярная механика. 18.01.2017. URL: <http://www.popmech.ru/history/12798-gayui-i-brayl-kto-izobryel-shrift-dlya-slepykh/> (дата обращения 19.01.2017).

30. Мурадова А. Покушение на лингвистическое убийство // Элементы. 21.10.2014. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432408/Pokushenie_na_lingvisticheskoe_ubiystvo (дата обращения 20.01.2017).

31. Мурадова А. Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек // Элементы. 29.07.2014. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432361/Skolko_yazykov_ty_znaesh_stolko_raz_ty_chelovek (дата обращения 20.01.2017).

32. Неземной язык индейцев пираха // Земля. Хроники жизни. 17.05.2012. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2012-05-17-22824> (дата обращения 19.01.2017).

33. Необычный язык турецких «свистельщиков» // Земля. Хроники жизни. 20.08.2015. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2015-08-20-83255> (дата обращения 19.01.2017).

34. Овечкин О. Экономический рост приводит к исчезновению языков // Naked Science. 03.09.2014. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/economic-success-drives-language-extinction> (дата обращения 19.01.2017).

35. Петров А. Зачем люди придумывают языки?: Нео, эсперанто, волапук // Популярная механика. 19.03.2012. URL: <http://www.popmech.ru/science/12528-zachem-lyudi-privdumyvayut-yazyki-neo-esperanto-volapyuk/#> (дата обращения 19.01.2017).

36. Пиперски А. Введение в индоевропеистику // Постнаука. 01.06.2015. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (дата обращения 20.01.2017).

37. Почему «дружба» выше, чем «обида» // STRF. 28.01.2016. URL: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=113201#.WEP4a9WLREY (дата обращения 19.01.2017).

38. Русский язык за полтора века утратил каждое третье исконно русское слово // Дилетант. 29.11.2016. URL:

http://diletant.media/news/32371830/?sphrase_id=3558661 (дата обращения 20.01.2017).

39. Смирнова Ю. Хочешь выиграть – подумай об этом на иностранном языке // Наука и жизнь. 03.05.2012. URL: <http://www.nkj.ru/news/20655/> (дата обращения 19.01.2017).

40. Стасевич К. Язык влияет на мышление с младенчества // Наука и жизнь. 21.07.2016. URL: <http://www.nkj.ru/news/29189/> (дата обращения 19.01.2017).

41. Стригун Д. Внимание билингвов оказалось более переключаемым // Naked Science. 09.09.2016. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/vnimanie-bilingvov-okazalos-bolee> (дата обращения 19.01.2017).

42. Тер-Минасова С. Г. Великий и могучий или глобальный? // Наука и жизнь. 2014. № 9. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (дата обращения 17.01.2017).

43. Титов В. Где «валяются» кони? // Наука и жизнь. 2015. № 6. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/26452/> (дата обращения 19.01.2017).

44. Универсальный язык Исаака Ньютона // Земля. Хроники жизни. 31.05.2016. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-05-31-92679> (дата обращения 19.01.2017).

45. Ученые выяснили, почему восточные и западные славяне похожи, а южные от них отличаются // Дилетант. 06.09.2015. URL: http://diletant.media/news/25906923/?sphrase_id=2218851 (дата обращения 19.01.2017).

46. Учимся говорить красиво // Земля. Хроники жизни. 08.04.2014. URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2014-04-08-63226> (дата обращения 21.09.2021).

47. Фадеева О. До конца XXI века может исчезнуть половина языков // Naked Science. 24.04.2015. URL: <http://naked-science.ru/article/sci/do-kontsa-xxi-veka-mozhet-isch> (дата обращения 19.01.2017).

48. Фишман Р. Генетики и лингвисты провели самое обширное на сегодня исследование истории славян и балтов // STRF. 03.09.2015. URL:

http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=103794#.WEP0xdWLREY (дата обращения 19.01.2017).

49. Фишман Р. Переводчики с «языков» животных: как поговорить с питомцем // Популярная механика. 28.11.2016. URL: <http://www.popmech.ru/science/287492-perevodchiki-s-yazykov-zhivotnykh-kak-pogovorit-s-pitomtsem/> (дата обращения 19.01.2017).

50. Фишман Р. Реформы и войны меняют язык // STRF. 17.11.2014. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=90026 (дата обращения 19.01.2017).

Перечень иллюстративного материала

Номер и тип элемента	Название	Страница
Рисунок 1	Субъектная организация научно-популярной статьи лингвистической тематики	64
Рисунок 2	Пример аргументативной разметки в корпусе https://uniserv.iis.nsk.su/arg/	106
Таблица 1	Распределение типов аргументов в научно-популярных статьях специалистов и журналистов	110
Таблица 2	Распределение схем аргументов, опирающихся на устройство реальности, в НП-статьях	112
Рисунок 3	Фрагмент аргументативной структуры статьи [Иомдин // Постнаука]	114
Таблица 3	Распределение схем аргументов, демонстрирующих способы установления реальности, в НП-статьях	115
Таблица 4	Распределение аргументов – ссылок на субъекта точки зрения в НП-статьях специалистов и журналистов	118
Таблица 5	Возможные типы референтов личных местоимений и форм глаголов 1 го л. мн. ч. в научно-популярной лингвистической статье	142–143
Таблица 6	Распределение языковых средств выражения субъектов между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	152
Таблица 7	Объем и плотность употребления языковых выражений, обозначающих лица и их множества, в НП лингвистических статьях	153
Таблица 8	Распределение языковых средств внутри трех групп лингвистических НП-статей, выделенных по типу автора, % (шт.)	153
Таблица 9	Распределение ролей автора НП-статьи лингвистической тематики между уровнями субъектной организации, % (шт.)	154
Таблица 10	Распределение ролей адресата НП-статьи лингвистической тематики между уровнями субъектной организации, % (шт.)	155
Таблица 11	Распределение выражений с разными референциальными статусами в научно-популярных лингвистических статьях	156
Таблица 12	Распределение языковых средств с определенным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	159
Таблица 13	Распределение языковых средств с «массовым» референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	164
Таблица 14	Распределение языковых средств, обозначающих автора и адресата научно-популярной лингвистической статьи, между уровнями ее субъектной организации	166
Таблица 15	Распределение языковых средств с дистрибутивным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	167
Таблица 16	Распределение языковых средств с общеэкзистенциальным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	171
Таблица 17	Распределение языковых средств с общеэкзистенциальным референциальным статусом с квантором большинства между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	176

Таблица 18	Распределение языковых средств с неконкретным референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	177
Таблица 19	Распределение языковых средств с родовым референциальным статусом между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	179
Таблица 20	Распределение мультииндексных языковых средств, референциальный статус которых не удалось определить, между уровнями субъектной организации научно-популярной лингвистической статьи	182
Таблица 21	Соотношение типов языковых средств и референциальных статусов ЯВ, обозначающих лиц и их множеств и соотносимых с автором и/или адресатом	183

Приложение А

Перечень аргументативных схем с примерами их реализации

I. Практические аргументы

Схема аргумента	Пример	Формулировки утверждений
1. От цели П₁: <i>A</i> приводит к <i>B</i>. П₂: <i>B</i> – наша цель. Т: Нужно делать <i>A</i> (применять метод <i>A</i>).	Изобретая название бренда или продукта, обращайтесь внимание на звучание гласных. В конечном итоге, именно они подскажут покупателям, какой продукт выбрать и почему [Васильев // NS].	П₁: Гласные звуки в названии брендов и продуктов подсказывают покупателям, какой бренд или продукт выбрать. П₂: Наша цель – чтобы покупать выбрал наш бренд или продукт. Т: Изобретая название бренда или продукта, нужно обращать внимание на звучание гласных (использовать привлекательно звучащие гласные).
2. От ценности П₁: <i>A</i> усиливает / ослабляет <i>V</i>. П₂: <i>V</i> – ценность. Т: Нужно / не нужно делать <i>A</i>.	Возможно, в дальнейшем первоначальный такой языковой эффект изменяется под влиянием новых «данных», как языковых, так и не языковых, однако сам по себе столь раннее взаимодействие сознания и внешней речи весьма примечательно. Очевидно, новые результаты должны привлечь внимание нейробиологов и педагогов, занимающихся проблемами развития мышления [Стасевич // НиЖ]	П₁: Ознакомление нейробиологов и педагогов, занимающихся проблемами развития мышления, с новыми результатами, внесет вклад в исследования развития мышления. П₂: Исследование развития мышления – ценность. Т: Нейробиологам и педагогам, занимающимся проблемами развития мышления, нужно ознакомиться с этими результатами.
3. От потерь П: Если сделать <i>A</i>, то потеряется <i>B</i>. Т: Не нужно делать <i>A</i>.	В Иркутской области сейчас не зафиксировано ни одного случая заражения. <...> Прошу всех, кто в зоне риска, отнестись с пониманием к мерам контроля. К режиму самоизоляции. Не уклоняться от обследований и карантина⁹⁸.	П: Если уклоняться от обследований и карантина, появятся заражения в Иркутской области (потеряется отсутствие заражений в Иркутской области). Т: Не нужно уклоняться от обследования и карантина.
4. От последствий (частный случай «От ценности») П₁: <i>A</i> вызывает <i>B</i>.	Во-первых, чтобы роли регионального и национального рынков рабочей силы повышались, прежде всего нужны	П₁: Существенное улучшение условий труда, временного проживания работников, соблюдение всех норм и гарантий

⁹⁸ Обращение Губернатора Иркутской области Игоря Кобзева к жителям региона 26 марта 2020 года. URL: <https://minzdrav.irkobl.ru/sites/uobo/news/913612/index.php?month=06&year=2020> (дата обращения 09.04.2021).

П₂: <i>V</i> повышает ценность <i>V</i>. Т: Следует делать <i>A</i>.	существенное улучшение условий труда, временного проживания работников, соблюдение всех норм и гарантий трудового законодательства. А это, конечно, непросто и недешево. Но в итоге достойный уровень заработной платы со стороны девелоперов и подрядчиков в крупных городах гарантированно привлечет специалистов из российских регионов⁹⁹.	трудового законодательства вызовет повышение роли регионального и национального рынков рабочей силы. П₂: Повышение роли регионального и национального рынков рабочей силы повышает ценность благосостояния граждан России. Т: Следует существенно улучшить условия труда, временного проживания работников, соблюдать все нормы и гарантии трудового законодательства.
5. От обязательства / запрета П: <i>S</i> обязан / не должен делать <i>A</i>. Т: <i>S</i> должен / не должен сделать <i>A</i>.	Добрый день! На данный момент нет времени заниматься этими документами, поскольку <...>. Да и к тому же я не являюсь сотрудником вашего отдела, и в мои обязанности не входит ведение этой документации (Из деловой переписки).	П: Я не обязан заниматься этими документами [вообще]. Т: Я не должен заниматься этими документами [сейчас].
6. «Скользкий склон» П₁: Если сделать <i>A</i>₀, то это приведёт к <i>A</i>₁, ... , <i>A</i>_{<i>n</i>}. П₂: <i>A</i>_{<i>n</i>} – катастрофа. Т: Не следует делать <i>A</i>₀.	Не было гвоздя – Подкова пропала. Не было подковы – Лошадь захромала. Лошадь захромала – Командир убит. Конница разбита – Армия бежит. Враг вступает в город, Пленных не щадя, Оттого, что в кузнице Не было гвоздя (С. Маршак. Гвоздь и подкова)	П₁: Если не найти гвоздь, это приведет к пропаже подковы; пропажа подковы приведет к хромоте лошади; хромота лошади приведет к гибели командира; гибель командира приведет к бегству армии; бегство армии приведет к вступлению врага в город. П₂: вступление врага в город – катастрофа. Т: Следует найти гвоздь / не следует не искать гвоздь.
7. От справедливости (частный случай «От ценности»?) ?? Т: Следует делать <i>A</i>.	Отдельная просьба к представителям СМИ и интернет-ресурсов. На вас ответственность за достоверность информации¹⁰⁰.	Т: СМИ следует публиковать достоверную информацию.

⁹⁹ Остановить упадок строительной отрасли в отсутствие мигрантов помогут четыре правила // Экономика сегодня. 11.05.2021. URL: <https://ok.ru/ekonomika/topic/153585359332748> (дата обращения 13.12.2021).

¹⁰⁰ Обращение Губернатора Иркутской области Игоря Кобзева к жителям региона 26 марта 2020 года.

8. От угрозы (частный случай «От ценности») П₁: А приводит к В. П₂: В уменьшает ценность V. Т: Не следует делать А.	Росфинмониторинг и ЦБ выступили против использования водительских прав для полноценной идентификации личности при получении финансовых услуг. <...> В данном случае эксперты согласны с регуляторами. Использовать водительское удостоверение в качестве полноценной замены паспорта для идентификации банковских клиентов – столь же избыточная и ненужная мера, сколько и рискованная, считает председатель правления НП «Национальный платежный совет» Алма Обаева¹⁰¹.	П₁: Использование водительских прав для полноценной идентификации личности приводит к финансовым рискам. П₂: Финансовые риски уменьшают ценность безопасности. Т: Не следует использовать водительские права для полноценной идентификации личности.
9. От опасности (частный случай «От ценности») П: А опасно. Т: Следует предотвратить А.	В Иркутской области сейчас не зафиксировано ни одного случая заражения. И все усилия направлены на то, чтобы это положение сохранить. Не допустить распространения болезни¹⁰².	П: Распространение болезни опасно. Т: Следует предотвратить распространение болезни.
10. От страдания (частный случай «От ценности») П₁: Р страдает. П₂: А облегчает страдания Р. Т: Следует делать А.	Я хорошо понимаю, что возможности депутата местного совета невелики. Я часто думаю о том, что наши люди не знают, куда расходуются деньги из местного бюджета и не могут их никак контролировать. Вот мы иногда завидуем, как в других странах люди живут. А там система такая, что человек каждую копейку, которую в бюджет отдал, проверить может¹⁰³.	П₁: Население России страдает. П₂: Прозрачность налоговой системы облегчает / облегчит страдания населения России. Т: Следует делать налоговую систему прозрачной.
11. От потери затрат П₁: Для движения к цели G затрачено А. П₂: А ценно с точки зрения ценности V. Т: Следует продолжать двигаться к цели G.	...Наверное чаще именно девушки обращаются ко мне с подобными запросами. «Мы уже 5 лет вместе, нам так было хорошо в первые 2 месяца, мы гуляли и веселились. Я столько вложила в развитие наших отношений. Но он вначале был не очень хорошим и внимательным, а теперь еще и оскорблять/бить/унижать/	П₁: Для движения к цели «счастливая семейная жизнь с этим человеком» затрачено пять лет совместной жизни. П₂: Время совместной жизни ценно с точки зрения ценности рационального использования времени жизни.

¹⁰¹ Непереводимая игра прав // Коммерсантъ. 17.05.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4815598> (дата обращения 13.12.2021).

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Предвыборная речь кандидата в депутаты. URL: https://fastpost.org/blog/category17/predvybornaya_rech_kandidata_v_deputaty (дата обращения 09.04.2021).

	начал.... Наверное это любовь на всю жизнь. Как мне начать его любить сильнее?» ¹⁰⁴	Т: Следует продолжать стремиться к счастливой
12. От простоты цели П: Цель <i>S</i> легко / сложно достичь. Т: К <i>S</i> следует / не следует стремиться.	...«Речь» приматов, собак или дельфинов несравненно сложнее, так что прежде чем мы перейдем к долгожданным переводам с их «языков», следует потренироваться – на землекопах [Фишман // ПМ]	П: Изучить «язык» землекопов легко (по сравнению с изучением «языков» приматов, собак и дельфинов). Т: Следует изучить «язык» землекопов.
13. От жертвы П: Для <i>S</i> совершена жертва. Т: <i>S</i> – ценно.	Я верю только в те истории, за которые их свидетели охотно бы умерли ¹⁰⁵ .	П: Для историй, в которые верит Паскаль, совершена жертва. Т: Истории, в которые верит Паскаль, ценны.
14. От приверженности П₁: <i>S</i> привержен <i>D</i> . П₂: <i>A</i> следует из <i>D</i> . Т: <i>S</i> должен быть привержен <i>A</i> .	– Не давать без нашего письменного разрешения [экскаватор, чтобы отдать его для добычи торфа], – сказал Чистов. – Не могу, – ответил Зимин. – За невыполнение приказа директора Юрин может уволить меня и взыскать с меня прогон трейлера. – Как это ты не можешь? – обрушился на Зими́на Чистов. – Или ты не патриот своего района?! ¹⁰⁶	П₁: Зимин привержен своему району. П₂: Из приверженности району следует, что не нужно отдавать экскаватор. Т: Зимин не должен отдавать экскаватор.
15. От знающего П₁: <i>S</i> знает об области <i>D</i> . П₂: <i>S</i> говорит, что нужно делать <i>A</i> . П₃: <i>A</i> относится к <i>D</i> . Т: Следует делать <i>A</i> .	Чтобы обезопасить себя от проблем с венами, врач посоветовал применять компрессионный трикотаж, который обеспечивает адекватный отток крови ¹⁰⁷ .	П₁: Врач знает об области здоровья. П₂: Врач говорит, что нужно применять компрессионный трикотаж, чтобы обезопасить себя от проблем с венами. П₃: Проблемы с венами относятся к области здоровья. Т: Следует применять компрессионный трикотаж, чтобы

¹⁰⁴ Слишком много вложено, чтобы бросить дело/отношения/идею/ URL: https://zen.yandex.ru/media/andrey_pakhorukov/slishkom-mnogo-vlojeno-chtoby-brosit-delootnosheniiaideiu-5d9e0d61028d6800b0df790f (дата обращения 28.11.2021).

¹⁰⁵ Pascal. L'atuvre, Pensees, no. 397, p. 932 (Цит. по: Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971, p. 249; перевод наш. – Д. И.)

¹⁰⁶ Земцов И. Возврата к старому не будет. URL: <https://books.google.ru/books?id=GPEgEAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 28.11.2021)

¹⁰⁷ Врач рассказал, чем опасны долгие поездки в машине // РИА Новости. 12.05.2021. URL: <https://ria.ru/20210512/avtomobil-1731867207.html> (дата обращения 13.12.2021).

		обезопасить себя от проблем с венами.
16. Ad hominem П₁: <i>P</i> – плохой человек. П₂: <i>P</i> говорит, что следует делать <i>A</i> . Т: Не следует делать <i>A</i> .	Отец говорит сыну, что курение вредно и приводит к серьезным заболеваниям. Сын отвечает: «Ты сам куришь, чего же стоят твои аргументы?» ¹⁰⁸	П₁: Отец – человек, которые не имеет права рассуждать о вреде курения. П₂: Отец говорит, что курение вредно. Т: Не следует верить, что курение вредно.
17. Ad populum П: Все делают <i>A</i> . Т: Нужно делать <i>A</i> .	«Мы не можем оставаться в стороне»: московские соработники, перенесшие COVID-19, становятся донорами плазмы <...> Если вы выздоровели от коронавирусной инфекции и хотите сдать плазму крови, обратитесь на горячую линию по номеру... ¹⁰⁹	П: Многие люди, перенесшие COVID-19, становятся донорами плазмы. Т: Нужно становиться донорами плазмы, если вы перенесли COVID-19.
18. От причины к следствию П₁: <i>A</i> – причина <i>B</i> . П₂: <i>B</i> – цель. Т: Следует делать <i>A</i> .	И Август послам Таррагонским, объявлявшим ему, что на его жертвеннике у них выросло пальмовое дерево, сказал: <i>Из этого видно, сколь часто приносите вы жертву...</i> ¹¹⁰	П₁: Жертвоприношение – причина отсутствия растений на жертвеннике растений. П₂: Отсутствие растений на жертвеннике [свидетельство благочестия] – цель. Т: Нужно приносить жертвы.
19. От прецедента П₁: В случае <i>C₁</i> сделали <i>A</i> . П₂: Случай <i>C₂</i> аналогичен <i>C₁</i> . Т: В случае <i>C₂</i> нужно делать <i>A</i> .	Вот мы иногда завидуем, как в других странах люди живут. А там система такая, что человек каждую копейку, которую в бюджет отдал, проверить может. Вот если бы так у нас, чтобы каждый мог поинтересоваться, а куда пошли мои деньги, ведь это я, налогоплательщик, отдаю свои кровные в бюджет. Да не просто почитать отчет о расходах, а пойти и проверить. Ага, вот написано, скамейки в парке установили, уличное освещение сделали. Посмотрим, скамейка	П₁: В других странах введена прозрачная налоговая система. П₂: Россия аналогична другим странами (во всех странах есть налогообложение). Т: В России нужно ввести прозрачную налоговую систему.

¹⁰⁸ Пример Д. Уолтона [Walton D. N. *Informal Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 141–142; Цит. по: Уолтон Д. Аргументы ad hominem. Пер. с англ. Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 351 с. С. 21].

¹⁰⁹ «Мы не можем оставаться в стороне»: московские соработники, перенесшие COVID-19, становятся донорами плазмы. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/3686> (дата обращения 28.11.2021).

¹¹⁰ Квинтилиан. Риторические наставления. VI. iii. 77.

	сколько стоит? А фонарь горит? И так во всем ¹¹¹ .	
20. От классификации / от определения П₁: А относится к В / попадает под определение В. П₂: Для В нужно делать S. Т: Нужно делать S.	Такое отношение к диалектам неверно. Справедливо было бы говорить, что диалекты так же сложны и культурно ценны, как и другие варианты национального языка, они связаны с историей развития русского языка в дописьменный период [Исаев // Постнаука]	П₁: Диалекты относятся к вариантам языка, связанным с историей развития языка в дописьменный период. П₂: О вариантах языка, связанных с историей его развития в дописьменный период, следует говорить, что они сложны и культурно ценны. Т: Нужно говорить, что диалекты так же сложны и культурно ценны, как и другие варианты национального языка.

II. Теоретические аргументы

1. Аргументы, основанные на структуре реальности

Схема аргумента	Пример	Формулировки утверждений
21. От части к целому П₁: S истинно об А. П₂: А – часть В. Т: S истинно о В.	Плов так себе. Мясо старое, уже почернело, явно не сегодня приготовили. Мойщики хамоватые (Отзыв об автомойке и кафе).	П₁: Одно блюдо и стиль общения мойщиков плохие. П₂: Одно блюдо и стиль общения – две части автомойки. Т: Автомойка плохая.
22. От частей к целому П: Для всех частей А – S. Т: Для А – S.	Если в каждом из неотозванных (неотмененных) завещаний содержится распоряжение относительно различного имущества, то все эти завещания являются действительными и должны быть приняты во внимание нотариусом. Если в завещаниях речь идет об одном и том же имуществе, то действительным считается последнее, поскольку каждое следующее завещание отменяет предыдущее полностью или в той части, в которой оно противоречит последнему ¹¹².	П: Каждое неотозванное завещание, в котором содержится распоряжение относительно отдельного объекта имущества, является последним в отношении этого объекта, следовательно, каждое из них действительно. Т: Все неотозванные завещания, содержащие распоряжения относительно разных объектов имущества, действительны.
23. От целого к части	Всё, что незаконно для всей Церкви, не может быть ни по	П₁: Для всей Церкви есть запреты.

¹¹¹ Предвыборная речь кандидата в депутаты.

¹¹² Как это работает: получить наследство // Право.ru. 23.10.2017. URL: <https://pravo.ru/review/view/145089/> (дата обращения 09.04.2022).

П₁: <i>S</i> истинно об <i>A</i>. П₂: <i>B</i> – часть <i>A</i>. Т: <i>S</i> истинно о <i>B</i> (возможно, в меньшей степени).	какому церковному праву стать законным для любого его члена ¹¹³.	П₂: Каждый член Церкви – ее часть. Т: Для каждого члена Церкви есть те же запреты, что и для всей церкви.
24. От причины к следствию П₁: <i>A</i> – причина <i>B</i>. П₂: Имеет место <i>A</i>. Т: Имеет место <i>B</i>.	...В тех «традициях», которые использовали язык, умение утрачивалось медленнее, и орудия у них получались лучше. Из этого авторы эксперимента делают вывод, что изготовление орудий задало новое направление отбора [Бурлак // Постнаука].	П₁: Связь явления с сохранением навыков изготовления орудий труда – причина появления нового направления отбора популяций. П₂: Существует связь языка с сохранением навыков изготовления орудий труда. Т: Появилось новое направление отбора популяций.
25. От следствия к причине П₁: <i>A</i> – причина <i>B</i>. П₂: Не имеет места <i>B</i>. Т: Не имеет места <i>A</i>.	Однако теперь, при всей любви российской власти к представлению истории нашей страны как цепи сплошных триумфов и тяге к присвоению себе прошлых побед, космоса в нашем национальном самосознании нет. Спустя 60 лет Кубок Гагарина – главный трофей Континентальной хоккейной лиги. И... все. Никаких массовых торжеств и шествий по случаю юбилея полета Гагарина. Никаких «покорителей космоса» в официальном государственном и неофициально народном пантеоне национальных героев ¹¹⁴.	П₁: Наличие космоса в нашем национальном самосознании – причина наличия торжеств и шествий по случаю юбилей полета Гагарина. П₂: Торжества и шествия по случаю юбилея полета Гагарина отсутствуют. Т: В нашем национальном самосознании отсутствует космос.
26. От условия к следствию П₁: <i>A</i> – условие <i>B</i>. П₂: Имеет место <i>A</i>. Т: Имеет место <i>B</i>.	Но звуковые сигнальные системы, которые используют многие животные, достаточно сложны и информативны. Они позволяют предупредить об опасности, высказать желание и выразить эмоции – поэтому вряд ли стоит сомневаться, что рано или поздно мы научимся переводить и мяуканье, и лай, и даже карканье [Фишман // ПМ]	П₁: Наличие сложных и информативных сигнальных систем животных – условие возможности создания переводчика с языка животных. П₂: Сигнальные системы животных сложны и информативны. Т: Создание переводчика с языка животных возможно.

¹¹³ Пример Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки из Locke, A Letter Concerning Toleration, GBWW, vol. 35, p. 7 [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971, p. 231]; перевод наш.

¹¹⁴ Пролетарии пролетели. О том, почему космос не стал российской национальной идеей // Газета.ru. 14.04.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/13556942.shtml> (дата обращения 13.12.2021).

27. От характера к действию П: <i>P</i> имеет характер <i>S</i>. Т: <i>P</i> будет совершать действия, соответствующие характеру <i>S</i>.	Делает его [НКРЯ] блестящая команда лингвистов [Левонтина // Элементы]	П: Команда лингвистов, работающая над НКРЯ, имеет профессиональный характер. Т: Работа над НКРЯ профессиональна.
28. От характера П₁: Действие <i>A</i> соответствует характеру <i>S</i>. П₂: <i>P</i> имеет характер <i>S</i>. Т: <i>P</i> совершил <i>A</i>.	Поняла, кто оставил столько на полке для буккроссинга. По составу книг сразу узнала Кирилла [имя изменено. – Д. И.]: проекты академгородка, этнография, сказки, Шишкин, молодежная конференция, гражданская война всякая. (Из личной переписки.)	П₁: Оставлять в буккроссинге книги о проектах Академгородка, этнографии, сказки, книги Шишкина, сборники материалов молодежной конференции и книги о гражданской войне соответствует интересам, связанным с этими книгами. П₂: Кирилл имеет интересы, связанные с этими книгами. Т: Эти книги оставил в буккроссинге Кирилл.
29. От действия к характеру (абдукция) П: <i>P</i> совершил действие, соответствующее характеру <i>S</i>. Т: <i>P</i> имеет характер <i>S</i>.	[Из отзывов клиентов.] Коллектив DIVAGE благодарит компанию Demis Group за профессионализм и оперативность при оказании услуг, позволяющих значительно повысить узнаваемость нашего бренда и поспособствовать росту продаж в целом ¹¹⁵.	П: Demis Group оказал услуги, позволяющие повысить узнаваемость бренда DIVAGE и поспособствовать росту продаж, что соответствует профессиональному характеру для маркетингового агентства. Т: Demis Group – маркетинговое агентство, которому присущ профессионализм.

2. Аргументы, демонстрирующие способы установления знания

Схема аргумента	Пример	Формулировки утверждений
30. От классификации / от определения П₁: <i>A</i> относится к <i>B</i> / попадает под определение <i>B</i>. П₂: Для <i>B</i> истинно <i>S</i>. Т: Для <i>A</i> истинно <i>S</i>.	Такое отношение к диалектам неверно. Справедливо было бы говорить, что диалекты так же сложны и культурно ценны, как и другие варианты национального языка, они связаны с историей развития русского языка в дописьменный период [Исаев // Постнаука]	П₁: Диалекты относятся к вариантам национального языка, связанного с историей его развития в дописьменный период. П₂: Для вариантов языка, связанных с историей его развития в дописьменный период, истинно, что они сложны и культурно ценны. Т: Диалекты сложны и культурно ценны.
31. От установленного правила	– У меня претензия к нашим властям – почему до сих пор закрыты читальные залы библиотек? Это	П₁: Согласно правилу о социальной дистанции нужно открывать учреждения, в которых можно

¹¹⁵ Официальный сайт digital-агентства Demis Group. URL: <https://www.demis.ru/> (дата обращения 09.04.2021).

П₁: Согласно правилу <i>R – S</i>. П₂: В обстоятельствах <i>A</i> применимо <i>R</i>. Т: В обстоятельствах <i>A – S</i>.	вообще несправедливость – библиотека – это единственное место, где люди чаще всего сидят по одному, особенно в читальных залах, и с гигантской социальной дистанцией. Кинотеатры и театры у нас открылись, и хорошо, но почему про библиотеки-то забыли? ¹¹⁶	соблюдать социальную дистанцию. П₂: В библиотеках можно соблюдать социальную дистанцию. Т: Библиотеки нужно открыть.
32. От незнания П₁: Если бы <i>A</i> было истинно, то об этом было бы известно. П₂: <i>A</i> неизвестно. Т: <i>A</i> ложно.	Описание магического обряда купания коня представляет интерес, но всё же оно не объясняет происхождения интересующего нас фразеологизма. Богатырские кони купаются в росе для обретения силы, катаются по траве-мураве, но – по причинам, указанным выше, – не делают этого непосредственно перед началом работы, перед запряжкой и выездом. Получается, что присловье «конь не валялся» собственно с конями никоим образом не связано [Титов // НиЖ].	П₁: Если бы выражение «конь не валялся» было связано с конем, этому было бы объяснение. П₂: Такого объяснения нет. Т: Выражение «конь не валялся» не связано с конем.
33. От знака П₁: Если есть <i>A</i>, то это указывает на <i>B</i>. П₂: <i>A</i> имеется. Т: Имеется <i>B</i>.	Во всех случаях на звуки реагировали и слуховая зона коры головного мозга, и двигательная: это означает, что одновременно с получением звуковой информации дети настраивают мозг на попытки воспроизвести ее [Барина. Не умеющие говорить ... // NG]	П₁: Одновременная реакция слуховой и двигательной зон коры головного мозга означает, что одновременно с получением звуковой информации мозг настраивается на попытки воспроизвести ее. П₂: У детей на звуки реагируют и слуховая, и двигательная зоны коры головного мозга. Т: Одновременно с получением звуковой информации дети настраивают мозг на попытки воспроизвести ее.
34. От лучшего объяснения П₁: <i>A</i> объясняет <i>B</i>. П₂: Другие объяснения хуже. Т: Имеет место <i>A</i>.	Карты ДАРЯ несут принципиальную лингвогеографическую информацию. Нет других более точных и объемных сведений о географическом устройстве русских диалектов Центра Европейской части России [Исаев // Постнаука]	П₁: Карты ДАРЯ предоставляют лингвогеографическую информацию. П₂: Другие сведения не более [не так] точны и объемны.

¹¹⁶ Мнение: «О чём тут можно говорить, если уважаемый президент нашей страны в прямом эфире на всю страну заявляет – да, за главным оппозиционером ведётся слежка» // Информационное агентство «Байкал Медиа Консалтинг». 27.12.2020. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/371034/> (дата обращения 13.12.2021).

		Т: Карты ДАРЯ предоставляют корректную лингвогеографическую информацию.
35. От исключения П₁: Имеет место правило <i>R</i> . П₂: <i>A</i> – исключение из <i>R</i> . Т: <i>R</i> не применимо в <i>A</i> .	Более того, образ жизни и язык пираха приводят в замешательство и других лингвистов. Они справедливо считают, что язык – инструмент коммуникации и должен отражать хотя бы базовые явления человеческой культуры. Но пираха не имеют многих, как кажется европейцам, основополагающих понятий – ни в языке, ни в культуре [Неземной язык // ЗХЖ]	П₁: Имеет место правило, что любой язык должен отражать хотя бы базовые явления человеческой культуры. П₂: Пираха – исключение из этого правила. Т: К языку пираха не применимо данное правило об отражении в языке базовых явлений человеческой культуры.
36. От оправдания П₁: Имеет место (практическое) правило <i>R</i> . П₂: Я имею оправдания. Т: Правило <i>R</i> не применимо.	Здравствуйте, прошу прощения, что позже срока, но у меня не было возможности сделать это раньше, так как было много дедлайнов по работе ¹¹⁷.	П₁: Имеет место правило, что работу нужно сдать в срок. П₂: Говорящий имеет оправдания. Т: Правило, что работу нужно сдать в срок, не применимо к говорящему.
37. От примера П: В данном случае <i>S</i> . Т: Во всех случаях <i>S</i> .	В древнерусском языке говорили «буда», «миса», «пряга», «лава» – сейчас «будка», «миска», «пряжка», «лавочка». Мы и теперь наблюдаем такие изменения: в современном языке говорят не «шнуры для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка» – и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика [Иомдин // Постнаука]	П: В случае слов «будка», «миска», «пряжка», «лавочка» уменьшительные слова стали нейтральными. Т: Уменьшительные слова становятся нейтральными.
38. От аналогии П₁: Случай <i>C</i> аналогичен текущему. П₂: В случае <i>C</i> истинно <i>S</i> . Т: В текущем случае истинно <i>S</i> .	Если уж мы не умеем понимать наших соседей по планете и по дому, представителей других видов того же класса млекопитающих – то что мы скажем представителям совершенно иной жизни? А главное – на каком языке? [Фишман // ПМ]	П₁: Коммуникация между людьми и животными аналогична коммуникации между людьми и представителями иной [инопланетной] жизни. П₂: Коммуникация между людьми и животными не складывается.

¹¹⁷ Сопроводительное письмо студента к присланной самостоятельной работе. Заметим, что, в отличие от большинства остальных примеров, в данном случае экспликация тезиса (вывода) приводит к коммуникативной неудаче.

		Т: Коммуникация между людьми и представителями иной жизни не состоится.
39. От корреляции к причине П: При <i>A</i> всегда случается <i>B</i> . Т: <i>A</i> – причина <i>B</i> .	...В тех «традициях», которые использовали язык, умение утрачивалось медленнее, и орудия у них получались лучше. Из этого авторы эксперимента делают вывод, что изготовление орудий задало новое направление отбора [Бурлак // Постнаука]	П: При наличии в «традиции» языка умение всегда утрачивалось медленнее, чем в «традициях» без языка, а орудия всегда получались лучше. Т: Наличие языка – причина замедления утраты умения и более высокого качества орудия.
40. От метода П₁: Метод <i>X</i> используется в области <i>D</i> и включает действия <i>A</i> ₁ , <i>A</i> ₂ ... <i>A</i> _{<i>n</i>} . П₂: С помощью метода <i>X</i> получили результат <i>B</i> . П₃: <i>B</i> относится к области <i>D</i> . Т: <i>B</i> истинно.	...Научить местных молодых людей счету оказалось невозможно. В течение восьми месяцев племя исправно присылало к «белым людям» своих детей, однако результаты оказались неутешительны. К концу обучения никто из индейцев не мог сосчитать до десяти, не говоря уже о такой мудреной операции, как сложение. Обучающиеся даже не видели разницы между кучками, в которых было соответственно четыре и пять предметов – для них они выглядели одинаковыми [Неземной язык // ЗХЖ].	П₁: Данный метод используется в обучении счету и включает демонстрацию разницы между разными совокупностями предметов. П₂: С помощью данного метода обнаружили, что местных молодых людей невозможно научить счету. П₃: Вывод о невозможности обучения местных людей к счету относится к области обучения счету. Т: Местных молодых людей научить счету невозможно.
41. От наличия других объяснений П₁: <i>A</i> объясняет <i>B</i> . П₂: <i>X</i> – другое (возможно, более удачное) объяснение <i>B</i> . Т: Имеет место <i>X</i> .	Но это [результаты эксперимента] не означает, что у хабилисов уже был настоящий язык: дело в том, что существуют коммуникативные системы, промежуточные между языком и его отсутствием. <...> для того, чтобы передать эти понятия, совершенно необязательно изъясняться сложноподчиненными предложениями – однословных реплик вполне может оказаться достаточно [Бурлак // Постнаука].	П₁: Наличие у хабилисов настоящего языка объясняет результаты эксперимента. П₂: Наличие однословных реплик – другое (возможно, более удачное) объяснение результатов эксперимента. Т: У хабилисов были однословные реплики.

3. Аргументы, представляющие собой ссылку на субъекта точки зрения

Схема аргумента	Пример	Формулировки утверждений
42. От знающего П₁: <i>S</i> знает об области <i>D</i> . П₂: <i>S</i> говорит <i>A</i> .	Подруга-редактор спросила меня, насколько вообще допустимо тавтологическое сочетание денежные купюры. Этот очень легкий вопрос для Корпуса (денежный + купюра на расстоянии 1). Оказывается,	П₁: НКРЯ имеет сведения о частотности слов в речи. П₂: НКРЯ выдал ответ на запрос об употребимости сочетания «денежные купюры», что это

П₃: <i>A</i> относится к <i>D</i>. Т: <i>A</i> истинно.	такое встречается нечасто (48 вхождений при том, что само слово купюра зафиксировано 1430 раз), но в том числе и у хороших авторов: С. Довлатова, И. Грековой, В. Дудинцева, А. Азольского, Д. Рубиной и др. Ну а дальше – дальше каждый сам решает, достаточные ли это для него авторитеты [Левонтина // Элементы].	словосочетание встречается нечасто, но в том числе и у хороших авторов. П₃: Сведения об употребимости сочетания «денежные купюры» относятся к знаниям о частотности слов в речи. Т: Сведения о том, что словосочетание «денежные купюры» встречается нечасто, но в том числе и у хороших авторов, истинно.
43. От эксперта П₁: <i>S</i> – эксперт в области <i>D</i>. П₂: <i>S</i> говорит <i>A</i>. П₃: <i>A</i> относится к <i>D</i>. Т: <i>A</i> истинно.	«Достичь этого [привлечения покупателей и четкого соответствия названия продукту] помогают гласные», – добавляет канадский исследователь Сэм Мэглио (Sam Maglio), один из авторов новой работы [Васильев // NS].	П₁: Сэм Мэглио – эксперт в области фоносемантики. П₂: Сэм Мэглио говорит, что привлечь покупателей и сообщить им о продукте помогают гласные в его названии. П₃: Влияние гласных в названии продукта на покупателей относится к фоносемантике. Т: То, что гласные помогают привлечь покупателей и сообщить им о продукте, истинно.
44. От исследовательской процедуры П₁: Исследовательская процедура <i>S</i> позволяет получить валидное научное знание. П₂: С применением процедуры <i>S</i> получили результат <i>A</i>. Т: <i>A</i> – валидное научное знание	Накопление информации происходит приблизительно до 7 месяцев, при этом дети с самого рождения уже тренируют мозг для последующего воспроизведения речи. К такому выводу по результатам экспериментов пришла группа исследователей [Баринаева. Не умеющие говорить ... // NG].	П₁: Научный эксперимент позволяет получить валидное научное знание. П₂: С помощью научных экспериментов выяснили, что накопление информации происходит приблизительно до 7 месяцев, при этом дети с самого рождения уже тренируют мозг для последующего воспроизведения речи. Т: То, что накопление информации происходит приблизительно до 7 месяцев, при этом дети с самого рождения уже тренируют мозг для последующего воспроизведения речи, – валидное научное знание.
45. От свидетеля П₁: <i>S</i> наблюдал ситуацию <i>D</i>. П₂: <i>S</i> говорит <i>A</i>. П₃: <i>A</i> относится к ситуации <i>D</i>.	Мы тестируем – одно за другим – мобильные приложения, которые обещают переводить наши команды на кошачий или их речь – на человеческий язык. Не работает ни в одном направлении [Фишман // ПМ]	П₁: Говорящий наблюдает современное состояние переводчиков с языков животных на человеческий и наоборот. П₂: Говорящий утверждает, что мобильные приложения, которые обещают переводить

T: A истинно.		наши команды на кошачий или их речь – на человеческий язык, не работают. П₃: Данные мобильные приложения относятся к переводчикам с языков животных на человеческий и наоборот. T: Мобильные приложения, которые обещают переводить наши команды на кошачий или их речь – на человеческий язык, не работают.
46. Ad populum П: Все признают A. T: A истинно.	Как известно, мерины, в отличие от жеребцов, неагрессивны и послушны – идеальная рабочая скотина [Титов // НиЖ]	П: Все знают, что мерины, в отличие от жеребцов, неагрессивны и послушны. T: То, что мерины, в отличие от жеребцов, неагрессивны и послушны, истинно.
47. Ad hominem П₁: P – плохой человек. П₂: P говорит, что A истинно. T: A ложно.	Можно сказать, что философия [Фрэнсиса] Бэкона не достойна доверия, потому что он был уволен с поста канцлера за нечестность ¹¹⁸	П₁: Фрэнсис Бэкон был уволен с поста канцлера за нечестность. П₂: Фрэнсис Бэкон разработал свою философию. T: Философия Фрэнсиса Бэкона ложна.
48. От непоследовательности П₁: S говорит, что привержен A. П₂: S делает что-то, противоречащее A. T: S не привержен A.	...Суд, отрицая очевидное и не опровергнутое обвинением, нарушил одновременно три основополагающих принципа уголовного судопроизводства: непосредственности и устности исследования доказательств, презумпции невиновности и состязательности сторон, а в выводах не учел существенно влияющие на правильную квалификацию доказательства, представленные защитой ¹¹⁹.	П₁: Уголовный суд должен придерживаться принципов непосредственности и устности исследования доказательств, презумпции невиновности и состязательности сторон. П₂: Суд отрицал очевидное и не опровергнутое обвинением. T: Суд не придерживается принципов непосредственности и устности исследования доказательств, презумпции невиновности и состязательности сторон.
49. От предвзятости П₁: P предвзят. П₂: P говорит A.	Боб и Вильма обсуждают проблему кислотных дождей, пытаются определить, должны ли быть приняты какие-то шаги для ее решения, и если да, то какие. Вильма	П₁: Вильма занимает пост президента Кентуккской угольной компании и поэтому является заинтересованным лицом.

¹¹⁸ Пример М. Коупи [Copi I. M. Introduction to Logic. 1st ed. New York: Macmillan, 1953. P. 54. Цит. по: Уолтон Д. Аргументы ad hominem. Пер. с англ. Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 351 с. С. 16]

¹¹⁹ «Дело футболистов»: новый поворот // Адвокатская газета. 21.05.2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/delo-futbolistov-novyy-oborot/> (дата обращения 15.05.2022).

Т: А сомнительно.	доказывает, что газеты преувеличивают серьезность проблемы. Она также говорит, что устранение причины кислотных дождей – промышленных загрязнений – обойдется слишком дорого, плохо отразится на промышленности США и Канады и приведет к массовым увольнениям и безработице в обеих странах. Боб отстаивает противоположную точку зрения, ссылаясь на огромный вред, причиняемый окружающей среде, и подчеркивая тяжелые последствия, которые это может вызвать. Боб обращает внимание на то, что Вильма занимает пост президента Кентуккской угольной компании и поэтому является заинтересованным лицом ¹²⁰.	П₂: Вильма говорит, что проблема кислотных дождей преувеличена. Т: То, что проблема кислотных дождей преувеличена, сомнительно.

¹²⁰ Пример Д. Уолтона [Уолтон Д. Аргументы ad hominem. Пер. с англ. Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 351 с. С. 26–27].

Приложение Б**Распределение научно-популярных статей в соответствии с типом автора****I. Статьи, написанные учеными (филологами, историками)**

1. Бурас, Кронгауз // Элементы
2. Бурлак // Постнаука
3. Все слова радуги // N+1
4. Донских // ЗХЖ
5. Ефимов // N+1
6. Иомдин // Постнаука
7. Исаев // Постнаука
8. Исламова // N+1
9. Кибрик // Постнаука
10. Кулапов // NG
11. Левонтина // Элементы
12. Мурадова. Покушение ... // Элементы
13. Мурадова. Сколько языков ... // Элементы
14. Петров // ПМ
15. Пиперски // Постнаука
16. Тер-Минасова // НиЖ
17. Титов // НиЖ

II. Статьи, написанные журналистами-инициаторами

1. 10 попыток ... // ПМ
2. Баринова. Оттенки синего ... // NG
3. Вешняковская // НиЖ
4. Взнуздаева // Дилетант
5. Долотовская // N+1
6. Кто научил ... // Дилетант
7. Майборода // NG

8. Мамонтов // ПМ
9. Неземной язык ... // ЗХЖ
10. Стасевич // НиЖ
11. Универсальный язык ... // ЗХЖ
12. Учимся говорить красиво // ЗХЖ
13. Фадеева // NS
14. Фишман. Генетики и лингвисты ... // STRF
15. Фишман // ПМ
16. Фишман. Реформы и войны ... // STRF

III. Статьи, написанные журналистами-трансляторами

1. Баринова. Как выучить русский ... // NG
2. Баринова. Не умеющие говорить дети ... // NG
3. Болохова // STRF
4. Васильев // NS
5. Кондратенко // Элементы
6. Лингвисты доказали ... // Дилетант
7. Лингвисты рассказали ... // N+1
8. Люди, которые создают нормы // STRF
9. Макаров // ПМ
10. Малоян // NS
11. Необычный язык ... // ЗХЖ
12. Овечкин // NS
13. Почему «дружба» ... // STRF
14. Русский язык ... // Дилетант
15. Смирнова // НиЖ
16. Стригун // NS
17. Ученые выяснили ... // Дилетант

Приложение В

Языковые средства выражения схем аргументов и их элементов в научно-популярных лингвистических текстах

Обозначения:

[Посылка; Тезис; А и пр.] – обозначение начала элемента схемы (скобки не содержат сами эти элементы)

<Посылка; Тезис; А и пр.> – указание на Посылку, Тезис, А и пр. (скобки содержат эти элементы)

<N₄>; <V₃>; <думать>; <сам*> – указание на лексическую единицу или ее грамматические характеристики

«думают» – указание на словоформу

<о N₆> / <, что ПЕ> – варианты языкового выражения

... – пропущенный фрагмент (не может содержать границы высказываний)

(не) – факультативный фрагмент

ПЕ – предикативная единица

Лос – обозначение места / ситуации, в которой происходит действие. Может иметь разнообразное выражение: <в N₆>, <Adv> (в том числе местоимение наречного типа), <в случае N₂>, <при N₆> и др.

Ad populum

Посылка: Все признают А.

Тезис: А истинно.

[Посылка] ((«Уже») «давно») «известно» [А] <о N₆> / <, что ПЕ>

[Посылка] «безусловно,» / «очевидно,» [А] <ПЕ>

[Посылка] <сам*> («собой») «напрашивается» ответ«:» [А] <ПЕ>

[Посылка] «вряд ли стоит сомневаться,» («что») [А] <ПЕ>

Тезис: Не Р (имплицитный). Х не имеет отношения к области Н. Х считает, что Р.

От аналогии

Посылка 1: Случай C аналогичен текущему.

Посылка 2: В случае $C - S$.

Тезис: S .

[Посылка 2] «На фоне» $\langle N_2 \rangle$ \langle Тезис \rangle

«Если» [Посылка 1] «то» \langle Тезис \rangle

[Посылка 1] «похож* на»

От знака

Посылка 1: Если есть A , то это указывает на B .

Посылка 2: A имеется.

Тезис: Имеется B .

\langle Тезис \rangle «это не просто» ... «Это» [Посылка 1] $\langle A \rangle$

\langle Тезис=ПЕ \rangle «например» \langle Посылка 2 \rangle

[Тезис] \langle Есть \rangle «тенденция к» $\langle P=N_3 \rangle$ [Посылка 2] $\langle P \rangle$ «случается» / «происходит» $\langle V \rangle$ \langle число \rangle «раз чаще, чем» \langle не- $P \rangle$

([Посылка 1] «Существует» / «Есть» («взаимо») \langle связь \rangle «между» $\langle A \rangle$ «и» $\langle B \rangle$ / «связь» $\langle A \rangle$ «с» $\langle B \rangle$;) \langle Тезис \rangle : \langle Посылка 2 = ПЕ \rangle

\langle Тезис = $N_1 \rangle$ «подтверждается» $\langle Adv$ («статистически») \rangle / $\langle N_5$ («статистической» / «статистическими данными») \rangle

\langle Тезис = ПЕ \rangle , «поскольку» \langle Посылка 2 = ПЕ \rangle

\langle Посылка 2 = ПЕ \rangle . [Посылка 1] «Это означает, что» \langle Тезис = ПЕ \rangle / [Посылка 1] «Это означает» \langle Тезис = $N_1 \rangle$

«Возможно» \langle Тезис \rangle \langle Существуют / есть \rangle [Посылка 2] «условия для» \langle Тезис \rangle .

\langle Тезис = ПЕ \rangle «Так» [Посылка 2 = ПЕ]

От знающего

Посылка 1: S знает об области D .

Посылка 2: *S* говорит *A*.

Посылка 3: *A* относится к *D*.

Тезис: *A* истинно.

если знающий – автор текста:

[Посылка 2] «Это объяснимо:» <A = ПЕ>

От лучшего объяснения

Посылка 1: *A* объясняет *B*.

Посылка 2: Другие объяснения хуже.

Тезис: Имеет место *A*.

[Посылка 1] «Дело в том, что» <A>

[Посылка 2] («совершенно») «необязательно» / «было бы достаточно» / «может оказаться достаточно» / «может быть достаточно» / <мочь, 3-е л.> «не быть» / «нет друг* более» <Adj₂ N₂>

От примера

Посылка: В данном случае *S*.

Тезис: Во всех случаях *S*.

«Пример:» [Посылка]

[Посылка] Loc «можно» <глагол восприятия Inf>

«Привед»<у/ем> (<количественное слово>) «пример»(<а, ы, ов>) [Посылка]

<Тезис>: <Посылка (случай 1)>, <Посылка (случай 2)> ... <Посылка (случай N)>

<Тезис>. «Такая»/«иная»/«похожая» «ситуация» «сложилась»/«наблюдается»

<Посылка> «показывает, » <как>/<что> <Тезис>

<Тезис>«. В частности,» <Посылка>

<Тезис>«.» «Так,» / «Например,» <Посылка>

[Посылка] (мы) <видим/наблюдаем/можем видеть/можем наблюдать><S=N₄ /, что S>

<Тезис> (<Посылка>, <например / и так далее / и т. д.>)

<Посылка>. «Отсюда следует, что» <Тезис>

<Тезис>«*как*» [Посылка] «*это было*» Lос

От причины к следствию

Посылка 1: *A* – причина *B*.

Посылка 2: Имеет место *A*.

Тезис: Имеет место *B*.

<Тезис> «*Дело в том, что*» <Посылка 2>

<Посылка 2>«*и*» <Тезис>

<Посылка 2> [Посылка 1] (именно) «*поэтому*»/«*потому*» <Тезис>

<Тезис>[Посылка 1]«*:*» <Посылка 2>

<Тезис>[Посылка 1]«*потому что*» <Посылка 2>

<Посылка 2> [Посылка 1] «*Соответственно,*» <Тезис>

<Посылка 2> [Посылка 1] («*именно*») «*это привело к*» <B=>

<Тезис> [Посылка 1] «*объясняется*»/«*можно объяснить*» «*тем, что*»/<N5>

<Посылка 2>

<Тезис> [Посылка 1] «*Это*»/«*он(*)*» <связан(*)» «*с*» <Посылка 2>

<Тезис> – <Посылка 2>

<Тезис> [Посылка 1] «*Это объяснимо:*» <Посылка 2>

«*кроме*» <Посылка 2 предыдущего аргумента>, <Тезис> [Посылка 1] «*объясняется*» <Посылка 2>

<Тезис> [Посылка 1] «*Причина*» <такого отношения / ...> «*проста:*» <Посылка 2>

<Тезис>[Посылка 1]«*так как*» <Посылка 2>

От свидетеля

Посылка 1: *S* наблюдал ситуацию *D*.

Посылка 2: *S* говорит *A*.

Посылка 3: *A* относится к ситуации *D*.

Тезис: *A* истинно.

<А> [Посылка 1] «можно посмотреть» Loc

«нам» <глагол восприятия> <А>

«мы» <глагол восприятия> <А>

«мы можем» <глагол восприятия> <А>

<глагол восприятия>: <А>

<А> [Посылка 1] <замет*=краткая форма> «при» <услови*»

Если свидетель – автор текста:

<глагол восприятия в императиве> <А>

«попробуйте» <глагол восприятия в инфинитиве> <А>

[Посылка 1] «Действительно,» <А>

От частей к целому

Посылка: Для всех частей *A – S*.

Тезис: *A – S*.

«Есть» <часть 1>«, есть» <часть 2> ... «есть» <часть N>

<Однородные члены предложения>

От эксперта

Посылка 1: *S* – эксперт в области *D*.

Посылка 2: *S* говорит *A*.

Посылка 3: *A* относится к *D*.

Тезис: *A* истинно.

[Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения¹²¹> [Посылка 2] <глагол речи с предлогом¹²²> <А>

[Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения> [Посылка 2] <глагол ментального действия¹²³> <А>

[Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения> [Посылка 2] <глагол оценочного действия¹²⁴> <А> / <не-А¹²⁵>

[Посылка 2] «Согласно представлениям» [Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения>«»,» <А>

[Посылка 2] «По словам» [Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения>, <А>

«В (сво*) работ*/стать*» [Посылка 1] <указание на субъекта экспертного мнения> [Посылка 2] показал / продемонстрировал, что <А>

<А> «Подробнее (об этом)» «см.» [Посылка 2] <указание на работу>

[Посылка 2] работа про <А>

[Посылка 2] «по ... данным ...,» <А>

«статья, в которой» <V₃, неопределенно-личная форма – говориться, повествоваться, указываться, рассказываться>

<А> [Посылка 2] «Статья по результатам / о результатах исследования / эксперимента»

Если носитель экспертного мнения – автор текста:

¹²¹ Ученый; исследователь; эксперт; автор; автор работы / учебника; <имя, упоминавшееся ранее с указанием профессии ученого, принадлежности к академическому заведению (слова лаборатория, кафедра, университет, институт, академия)>; профессор (университета); кандидат / доктор <...> наук, заведующий/ая кафедрой / лабораторией; группа исследователей / экспертов / ученых / авторов; <название профессии по области науки> + мн. ч.

¹²² Добавлять; говорить о/, что; сказать, что; указать на/, что; резюмировать, что; назвать; писать; делать вывод о/, что; пояснять / пояснить; подчеркивать / подчеркнуть; продолжать; (про)демонстрировать.

¹²³ Показать, что; обнаружить, что; определять / определить; считать, что; доказывать / доказать (, что); датировать; предполагать, что; приходиться / прийти к выводу; (с)делать вывод; думать.

¹²⁴ (Не) соглашаться / согласиться; быть (не)согласным; бить тревогу.

¹²⁵ В случае отрицательной оценки.

[Посылка 2] «я (не) люблю,» «когда» / $\langle N_4 \rangle$

[Посылка 2] $\langle (\text{не})\text{верн}^* \rangle$ / «(не)верен»

[Посылка 2] «(не) (вполне) справедлив*»

[Посылка 2] «я думаю, что» $\langle A \rangle$

От метода

Посылка 1: Метод T применяется в области D .

Посылка 2: С помощью метода T получено A .

Посылка 3: A относится к D .

Тезис: A истинно.

[Посылка 2] (Количественный показатель) «метод*» / «исследовани*» / «открыти*» / «эксперимент*» $\langle \dots \rangle \langle V_3 - \text{доказывать} / \text{доказать} / \text{помочь доказать} / (\text{про})\text{демонстрировать} / \text{показать} (, \text{что}) \rangle \langle A \rangle$

[Посылка 2] «По результатам эксперимент*,» (проведенных ...,) $\langle A \rangle$

[Посылка 2] «В ходе эксперимент*» $\langle \text{указание на субъекта эксперимента} \rangle \langle V_3 - \text{показать} / \text{доказать} \rangle$

[Посылка 2] «экспериментальн* работ*», $\langle \text{из котор* следует} (, \text{что}) / \text{доказывающ*} (, \text{что}) \rangle$ [Тезис] $\langle A \rangle$

[Посылка 2] «Используя» / «применяя» «метод*» $\langle \dots \rangle$, $\langle \text{субъект исследования} \rangle \langle \text{глагол ментального действия} \rangle \langle \text{, что} \rangle / N_4$ [Тезис] $\langle A \rangle$

$\langle \text{субъект исследования} \rangle \langle \text{глагол ментального действия} \rangle$, что $\langle A \rangle$, используя / применяя метод(ы) $\langle \dots \rangle$